

ПАМЯТНИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

В. Сиринъ

Подвигъ

Im Werden Verlag
München
2007

Текст подготовлен для некоммерческого распространения Сергѣемъ Виноцкимъ по репринтному изданію: Ardis, Ann Arbor, 1974. Дополнительная вычитка: Александръ Свирилинъ.
Современныя записки, Парижъ, 1932.

© <http://imwerden.de> - некоммерческое электронное издание, 2007

I.

Эдельвейсъ, дѣдъ Мартына, былъ, какъ это ни смѣшно, швейцарецъ, — рослый швейцарецъ съ пушистыми усами, воспитывавшій въ шестидесятихъ годахъ дѣтей петербургскаго помѣщика Индрикова и женившійся на младшей его дочери. Мартынъ сперва полагалъ, что именно въ честь дѣда названъ бархатно-бѣлый альпійскій цвѣтокъ, баловень гербаріевъ. Вовсе отказаться отъ этого онъ и позже не могъ. Дѣда онъ помнилъ ясно, но только въ одномъ видѣ, въ одномъ положеніи: старикъ, весь въ бѣломъ, толстый, свѣтлоусый, въ панамской шляпѣ, въ пикейномъ жилетѣ, богатомъ брелоками (изъ которыхъ самый занимательный — кинжалъ съ ноготокъ), сидитъ на скамьѣ передъ домомъ, въ подвижной тѣни липы. На этой скамьѣ дѣдъ и умеръ, держа на ладони любимые золотые часы, съ крышкой какъ золотое зеркальце. Апоплексія застала его на этомъ своевременномъ жестѣ, и стрѣлка, по семейному преданію, остановилась вмѣстѣ съ его сердцемъ. Затѣмъ дѣдушка Эдельвейсъ годами сохранялся въ грузномъ кожаномъ альбомѣ; въ его время снимали со вкусомъ, съ разстановкой, это была операція не шуточная, пациентъ долженъ былъ замереть надолго, — еще {7} не пришло, вмѣстѣ съ моментальной фотографіей, разрѣшеніе на улыбку. Сложностью свѣтописи объяснялись увѣсисность и крѣпость бравыхъ дѣдушкиныхъ позъ на блѣдноватыхъ, но очень добротныхъ фотографіяхъ, — дѣдушка въ молодости, съ ружьемъ, съ убитымъ вальдшнепомъ у ногъ, дѣдушка на кобылѣ Дѣзи, дѣдушка на полосатой верандовой лавкѣ, съ черной таксой, не хотѣвшей сидѣть смиренно, а потому получившейся съ тремя хвостами. И только въ тысяча девятьсотъ восемнадцатомъ году дѣдушка Эдельвейсъ исчезъ окончательно, ибо сгорѣлъ альбомъ, сгорѣлъ столъ, гдѣ альбомъ лежалъ, сгорѣла и вся усадьба, которую, по глупости, спалили цѣликомъ, вмѣсто того, чтобы поживиться обстановкой, мужички изъ ближней деревни.

Отецъ Мартына врачевалъ накожныя болѣзни, былъ знаменитъ, — тоже, какъ и дѣдъ, бѣлъ и тученъ, любилъ въ свободное время удить бычковъ и обладалъ великолѣпной коллекціей кинжаловъ, сабель, а также длинныхъ старинныхъ пистолетовъ, изъ-за которыхъ приверженцы болѣе новыхъ системъ чуть его не разстрѣляли. Весной восемнадцатаго года онъ отяжелѣлъ, распухъ, сталъ задыхаться и умеръ при неясныхъ обстоятельствахъ. Его жена, Софья Дмитріевна, жила въ то

время съ сыномъ подъ Ялтой: городокъ примѣрялъ то одну власть, то другую, и все привередничалъ.

Это была розовая, веснушчатая, моложавая женщина, съ копной блѣдныхъ волосъ, съ приподнятыми бровями, густоватыми у переносицы, но почти незамѣтными поближе къ вискамъ, и со щелками въ удлинненныхъ мочкахъ нѣжныхъ ушей, которыя прежде она понимала сережками. {8} Еще недавно она сильно и ловко играла въ теннисъ на площадкѣ въ паркѣ, существовавшей съ восьмидесятыхъ годовъ, осенью много каталась на черномъ велосипедѣ Энфильдъ по аллеямъ, по шумно шуршащимъ коврамъ сухихъ листьевъ, или отмахивала пѣшкомъ по упругой обочинѣ весь длинный, съ дѣтства любимый путь между Ольховымъ и Воскресенскимъ, поднимая и опуская, какъ заправскій ходокъ, конецъ дорогой трости съ коралловымъ набалдашникомъ. Въ Петербургѣ она слыла англomanкой и славу эту любила, краснорѣчиво говорила о бойскаутахъ, о Киплингѣ, и находила совершенно особое удовольствіе въ частыхъ посѣщеніяхъ Дрюса, гдѣ, уже на лѣстницѣ, передъ большой рекламой (женщина, сочно намазывающая голову мальчишкѣ), привѣтствовалъ васъ замѣчательный запахъ мыла, лаванды, съ примѣсью еще чего-то, говорившаго о резиновыхъ ваннахъ, футбольныхъ мячахъ и круглыхъ, тяжеленькихъ, туго спеленутыхъ рождественскихъ пуддингахъ. И разумѣется, первыя книги Мартына были на англійскомъ языкѣ: Софья Дмитріевна, какъ чумы, боялась «Задуманнаго Слова» и внушила сыну такое отвращеніе къ титулованнымъ смуглянкамъ Чарской, что и впослѣдствіи Мартынъ побаивался всякой книги, написанной женщиной, чувствуя и въ лучшихъ изъ этихъ книгъ безсознательное стремленіе немолодой и, быть можетъ, дебелой дамы нарядиться въ смазливое имя и кошечкой свернуться на канапе. Софья Дмитріевна не терпѣла уменьшительныхъ, слѣдила за собой, чтобы ихъ не употреблять, и сердилась, когда мужъ говаривалъ: «У мальчугана опять кашелекъ, посмотримъ, нѣтъ ли температурки». Русская же литература для дѣтей кишмя кишѣла {9} сюсюкающими словами, или же грѣшила другимъ — нравоучительствомъ.

Если фамилія дѣда Мартына цвѣла въ горахъ, то дѣвичья фамилія бабки, волшебнымъ происхожденіемъ разнясь отъ Волковыхъ, Куницкихъ, Бѣлкиныхъ, относилась къ русской сказочной фаунѣ. Дивныя звѣри рыскали нѣкогда по нашей землѣ. Но русскую сказку Софья Дмитріевна находила аляповатой, злой и убогой, русскую пѣсню — бессмысленной, русскую загадку — дурацкой и плохо вѣрила въ пушкинскую няню, говоря, что поэтъ ее самъ выдумалъ вмѣстѣ съ ея побасками, спицами и тоской. Такимъ образомъ, Мартынъ въ раннемъ дѣтствѣ не узналъ иного, что впослѣдствіи сквозь самоцвѣтную волну

памяти могло бы прибавить къ его жизни еще одно очарованіе, но очарованій было и такъ вдосталь, и ему не приходилось жалѣть, что не Ерусланомъ, а западнымъ братомъ Еруслана, было въ дѣтствѣ разбужено его воображеніе. Да и не все ли равно, откуда приходитъ нѣжный толчокъ, отъ котораго трогается и катится душа, обреченная послѣ сего никогда не прекращать движенія.

II.

Надъ маленькой, узкой кроватью, съ бѣлыми веревчатыми рѣшетками по бокамъ и съ иконкой въ головахъ (въ грубоватой прорѣзи фольги — лаково-коричневый святой, а малиновый плюшъ на исподѣ подѣденъ не то молью, не то самимъ Мартыномъ), висѣла на свѣтлой стѣнѣ {10} акварельная картина: густой лѣсъ и уходящая вглубь витая тропинка. Межъ тѣмъ, въ одной изъ англійскихъ книжонокъ, который мать читывала съ нимъ, — и какъ медленно и таинственно она произносила слова, доходя до конца страницы, какъ тарасила глаза, положивъ на нее маленькую бѣлую руку въ легкихъ веснушкахъ и спрашивая: «Что же, ты думаешь, случилось дальше?» — былъ рассказъ именно о такой картинѣ съ тропинкой въ лѣсу прямо надъ кроватью мальчика, который однажды, какъ былъ, въ ночной рубашкѣ, перебрался изъ постели въ картину, на тропинку, уходящую въ лѣсъ. Мартына волновала мысль, что мать можетъ замѣтить сходство между акварелью на стѣнѣ и картинкой въ книжкѣ: по его расчету, она, испугавшись, предотвратила бы ночное путешествіе тѣмъ, что картину бы убрала, и потому всякій разъ, когда онъ въ постели молился передъ сномъ (сначала коротенькая молитва по-англійски — «Иисусе нѣжный и кроткій, услышь маленькаго ребенка», — а затѣмъ «Отче Нашъ» по-славянски, при чемъ какого-то Якова мы оставляли должникамъ нашимъ), быстро лепеча и стараясь колѣнями встать на подушку, — что мать считала недопустимымъ по соображеніямъ аскетическаго порядка, — Мартынъ молился о томъ, чтобы она не замѣтила соблазнительной тропинки какъ разъ надъ нимъ. Вспоминая въ юности то время, онъ спрашивалъ себя, не случилось ли и впрямь такъ, что съ изголовья кровати онъ однажды прыгнулъ въ картину, и не было ли это началомъ того счастливаго и мучительнаго путешествія, которымъ обернулась вся его жизнь. Онъ какъ будто помнилъ холодокъ земли, зеленыя сумерки лѣса, излуки тропинки, пересѣченной {11} тамъ и сямъ горбатымъ корнемъ, мельканіе стволовъ, мимо которыхъ онъ босикомъ бѣжалъ, и странный темный воздухъ, полный сказочныхъ возможностей.

Бабушка Эдельвейсъ, рожденная Индрикова, ревностно занимаясь акварелью во дни молодости, врядъ ли предвидѣла, когда мѣшала на фарфоровой палитрѣ синенькую краску съ желтенькой, что въ этой рождающейся зелени будетъ когда-нибудь плутать ея внукъ. Волненіе, которое Мартынъ узналъ, и которое съ той поры, въ различныхъ проявленіяхъ и сочетаніяхъ, всегда уже сопутствовало его жизни, было какъ разъ тѣмъ чувствомъ, которое мать и хотѣла въ немъ развить, — хотя сама бы затруднилась подыскать этому чувству названіе, — знала только, что нужно каждый вечеръ питать Мартына тѣмъ, чѣмъ ее самое питала когда-то покойная гувернантка, старая, мудрая госпожа Брукъ, сынъ которой собиралъ орхидеи на Борнео, леталъ на аэростатѣ надъ Сахарой, а погибъ отъ взрыва котла въ турецкой банѣ. Она читала, и Мартынъ слушалъ, стоя въ креслѣ на колѣняхъ и облокотясь на столъ, и было очень трудно кончить, увести его спать, онъ все просилъ еще и еще. Иногда она носила его по лѣстницѣ въ спальню на спинѣ, и это называлось «дровосѣкъ». Передъ сномъ онъ получалъ изъ жестяной коробки, оклееной голубой бумагой, англійскій бисквитъ. Сверху были замѣчательные сорта съ сахарными нашлепками, поглубже — печенья имбирныя, кокосовыя, а въ грустный вечеръ, когда онъ доходилъ до дна, приходилось довольствоваться третьеклассной породой, — простой и прѣсной.

И все шло Мартыну въ прокъ, — и хрустящее англійское печенье, и приключенія Артуровыхъ рыцарей, — та {12} сладкая минута, когда юноша, племянникъ, быть можетъ, сэра Тристрама, въ первый разъ надѣваетъ по частямъ блестящія выпуклыя латы и ѣдетъ на свой первый поединокъ; и какіе-то далекіе, круглые острова, на которые смотритъ съ берега дѣвушка въ развѣвающихся одеждахъ, держащая на кисти сокола въ кlobучкѣ; и Синдбадъ, въ красномъ платкѣ, съ золотымъ кольцомъ въ ухѣ; и морской змій, зелеными шинами торчащій изъ воды до самага горизонта; и ребенокъ, нашедшій мѣсто, гдѣ конецъ радуги уткнулся въ землю; — и, какъ отголосокъ всего этого, какъ чѣмъ то родственнѣй образъ, — чудесная модель длиннаго фанерно-коричневаго вагона въ окнѣ общества спальныхъ вагоновъ и великихъ международныхъ экспрессовъ, — на Невскомъ проспектѣ, въ тусклый морозный день съ легкой заметью, когда приходится носить черныя вязаные рейтузы поверхъ чулокъ и штанишекъ.

III.

Она любила его ревниво, дико, до какой-то душевной хрипоты, — и, когда она съ нимъ, послѣ размолвки съ мужемъ, поселилась отдѣльно, и Мартынъ по воскресеньямъ посѣщалъ квартиру отца, гдѣ подолгу возился съ пистолетами и кинжалами, межъ тѣмъ какъ отецъ спокойно читалъ газету и, не поднимая головы, изрѣдка отвѣчалъ «да, заряженный» или «да, отравленный», Софья Дмитриевна едва могла усидѣть дома, мучась вздорной мыслью, что ея лѣнивый мужъ нѣтъ-нѣтъ да и предприметь что-нибудь, — удержать сына при себѣ. Мартынъ {13} же былъ съ отцомъ очень ласковъ и учтивъ, стараясь по возможности смягчить наказаніе, ибо считалъ, что отецъ удаленъ изъ дому за провинность, за то, что какъ-то, на дачѣ, лѣтнимъ вечеромъ, сдѣлалъ нѣчто такое съ роялемъ, отчего тотъ издалъ совершенно потрясающій звукъ, словно ему наступили на хвостъ, — и на другой день отецъ уѣхалъ въ Петербургъ и больше не возвращался. Это было какъ разъ въ годъ, когда убили въ сараѣ австрійскаго герцога, — Мартынъ очень живо представилъ себѣ этотъ сарай, съ хомутами по стѣнѣ, и герцога въ шляпѣ съ плюмажемъ, отражающаго шпагой человѣкъ пять заговорщиковъ въ черныхъ плащахъ, и огорчился, когда выяснилась ошибка. Ударъ по клавишамъ произошелъ безъ него, — онъ въ комнатѣ рядомъ чистилъ зубы густо-пѣнящейся, сладкой на вкусъ пастой, которая была особенно привлекательна слѣдующей надписью по-англійски: «Улучшить пасту мы не могли, а потому улучшили тубочку», — и дѣйствительно отверстіе было щелью, такъ что выжимаемая паста ложилась на щетку не червячкомъ, а ленточкой.

Послѣдній разговоръ съ мужемъ Софья Дмитриевна вспомнила полностью, со всѣми подробностями и оттѣнками, въ тотъ день, когда пришло въ Ялту извѣстіе о его смерти. Мужъ сидѣлъ у плетенаго столика, осматривалъ кончики короткихъ, растопыренныхъ пальцевъ, и она ему говорила, что такъ нельзя дальше, что они давно чужіе другъ другу, что она готова хоть завтра забрать сына и уѣхать. Мужъ лѣниво улыбался и хрипловатымъ, тихимъ голосомъ отвѣчалъ, что она права, увы, права, и говорилъ, что онъ уѣдетъ отсюда самъ, да и въ городѣ сниметъ отдѣльную квартиру. Его тихій {14} голосъ, мирная полнота, а пуще всего — пилочка, которой онъ во всякое время терзалъ мягкіе ногти, выводили ее изъ себя, — и ей казалось, что есть чудовищное въ томъ спокойствіи, съ которымъ они оба разсуждаютъ о разлукѣ, хотя бурныя рѣчи и слезы были бы, конечно, еще ужаснѣе. Погодя онъ поднялся и, пиля ногти, принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, и съ мягкой улыбкой говорилъ о житейскихъ мелочахъ будущей розной жизни

(нелѣпую роль играла при этомъ карета), — и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, проходя мимо открытаго рояля, двинулъ со всей силы сжатымъ кулакомъ по клавишамъ, и это было, словно въ раскрывшуюся на мигъ дверь ворвался нестройный вопль; послѣ чего онъ прежнимъ тихимъ голосомъ продолжалъ прерванную фразу, а проходя опять мимо рояля, осторожно его прикрылъ.

Смерть отца, котораго онъ любилъ мало, потрясла Мартына именно потому, что онъ не любилъ его какъ слѣдуетъ, а кромѣ того онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что отецъ умеръ въ немилости. Тогда-то Мартынъ впервые понялъ, что человѣческая жизнь идетъ излучинами, и что вотъ, первый плесъ пройденъ, и что жизнь повернулась въ ту минуту, когда мать позвала его изъ кипарисовой аллеи на веранду и сказала страннымъ голосомъ: «Я получила письмо отъ Зиланова», — а потомъ продолжала по-англійски: «Я хочу, чтобъ ты былъ храбрымъ, очень храбрымъ, это о твоёмъ отцѣ, его больше нѣтъ». Мартынъ поблѣднѣлъ и растерянно улыбнулся, а затѣмъ долго блуждалъ по Воронцовскому парку, повторяя изрѣдка дѣтское прозваніе, которое когда-то далъ отцу, и стараясь представить себѣ, — и съ какой-то теплой и томной убѣдительностью {15} себѣ представляя, — что отецъ его рядомъ, спереди, позади, вотъ за этимъ кедромъ, вонъ на томъ покато́мъ лугу, близко, далеко, повсюду.

Было жарко, хотя недавно прошелъ бурный дождь. Надъ лаковой мушмулой жужжали мясныя мухи. Въ бассейнѣ плавалъ злой черный лебедь, поводя пунцовымъ, словно покрашеннымъ клювомъ. Съ миндальныхъ деревецъ облетѣли лепестки и лежали, блѣдные, на темной землѣ мокрой дорожки, напоминая миндали въ пряникѣ. Невдалекѣ отъ огромныхъ ливанскихъ кедровъ росла одна единственная березка съ тѣмъ особымъ наклономъ листвы (словно расчесывала волосы, спустила пряди съ одной стороны, да такъ и застыла), какой бываетъ только у березъ. Проплыла бабочка-парусникъ, вытянувъ и сложивъ свои ласточковые хвосты. Сверкающій воздухъ, тѣни кипарисовъ, — старыхъ, съ рыжинкой, съ мелкими шишками, спрятанными за пазухой, — зеркально-черная вода бассейна, гдѣ вокругъ лебедя расходились круги, сіяющая синева, гдѣ вздымался, широко опоясанный каракулевой хвоей, зубчатый Ай-Петри, — все было насыщено мучительнымъ блаженствомъ, и Мартыну казалось, что въ распредѣленіи этихъ тѣней и блеска тайнымъ образомъ участвуетъ его отецъ.

«Если бы тебѣ было не пятнадцать, а двадцать лѣтъ, — вечеромъ того дня говорила Софья Дмитриевна, — если бы гимназію ты уже кончилъ, и если бъ меня уже не было на свѣтѣ, ты бы, конечно, могъ, ты, пожалуй, былъ бы обязанъ...» Она задумалась посреди словъ, предста-

вивъ себѣ какую-то степь, какихъ-то всадниковъ въ папахѣхъ и стараясь издали узнать среди нихъ Мартына. Но онъ, слава {16} Богу, стоялъ рядомъ, въ открытой рубашкѣ, подъ гребенку остриженный, коричневый отъ солнца, со свѣтлыми, незагорѣвшими лучиками у глазъ. «А ѣхать въ Петербургъ... — вопросительно произнесла она, и на неизвѣстной станціи разорвался снарядъ, паровозъ всталъ на дыбы... «Вѣроятно это все когда-нибудь кончится, — сказала она, спустя минуту. — Пока же надо придумать что-нибудь». «Я пойду выкупаюсь, — примирительно вставилъ Мартынъ. — Тамъ Коля, Лида, всѣ». «Конечно, пойдѣ, — сказала Софья Дмитриевна. — Въ общемъ революція пройдетъ, и будетъ странно вспоминать, и ты очень поправился въ Крыму. И въ ялтинской гимназіи какъ-нибудь доучишься. Посмотри, какъ тамъ хорошо освѣщено, правда?»

Ночью оба, и мать и сынъ, не могли уснуть и думали о смерти. Софья Дмитриевна, стараясь думать тихо, то-есть не всхлипывать и не вздыхать (дверь въ комнату сына была полуоткрыта), опять вспоминала, подробно и шепетильно, все то, что привело къ разрыву съ мужемъ, и, провѣряя каждое мгновѣніе, она ясно видѣла, что тогда-то и тогда-то нельзя было ей поступить иначе, и все-таки таилась гдѣ-то ошибка, и все-таки, если бы они не разстались, онъ не умеръ бы такъ, одинъ, въ пустой комнатѣ, задыхающійся, безпомощный, вспоминающій, быть можетъ, послѣдній годъ ихъ счастья (не ахти какого счастья) и послѣднюю заграничную поѣздку, Біарриць, прогулку на Круа-де-Мугеръ, галлерейки Байонны. Была нѣкая сила, въ которую она крѣпко вѣрила, столь же похожая на Бога, сколь похожи на никогда невидѣннаго человѣка его домъ, его вещи, его теплица и пасѣка, далекій голосъ его, случайно услышанный ночью въ полѣ. Она стѣснялась эту силу назвать {17} именемъ Божіимъ, какъ есть Петры и Иваны, которые не могутъ безъ чувства фальши произнести Петя, Ваня, межъ тѣмъ, какъ есть другіе, которые, передавая вамъ длинный разговоръ, разъ двадцать промакують свое имя и отчество, или еще хуже — прозвище. Эта сила не вязалась съ церковью, никакихъ грѣховъ не отпускала и не карала, — но просто было иногда стыдно передъ деревомъ, облакомъ, собакой, стыдно передъ воздухомъ, такъ же бережно и свято несущимъ дурное слово, какъ и доброе. И теперь, думая о непріятномъ, нелюбимомъ мужѣ и о его смерти, Софья Дмитриевна, хотя и повторяла слова молитвъ, родныхъ ей съ дѣтства, на самомъ же дѣлѣ напрягала всѣ силы, чтобы, подкрѣпившись двумя-тремя хорошими воспоминаніями, — сквозь туманъ, сквозь больше пространства, сквозь все то, что непонятно, — поцѣловать мужа въ лобъ. Съ Мартыномъ она никогда прямо не говорила о вещахъ этого порядка, но всегда чувствовала, что все другое, о чемъ они

говорятъ, создаетъ для Мартына, черезъ ея голосъ и любовь, такое же ощущение Бога, какъ то, что живетъ въ ней самой. Мартынъ, лежавшій въ сосѣдней комнатѣ и нарочито храпѣвшій, чтобы мать не думала, что онъ бодрствуетъ, тоже мучительно вспоминалъ, тоже пытался осмыслить смерть и уловить въ темной комнатѣ посмертную нѣжность. Онъ думалъ объ отцѣ всей силой души, производилъ даже нѣкоторые опыты, говорилъ себѣ: если вотъ сейчасъ скрипнетъ половица, или что-то стукнетъ, значитъ, онъ меня слышитъ и отвѣчаетъ... Дѣлалось страшно ждать стука, было душно и тягостно, шумѣло море, тонко пѣли комары. А то вдругъ онъ съ совершенной ясностью видѣлъ полное лицо отца, {18} его пенснэ, свѣтлые волосы бобрикомъ, круглый родимый прыщъ у ноздри и блестящее, изъ двухъ золотыхъ змѣекъ, кольцо вокругъ узла галстука, — а когда онъ, наконецъ, уснулъ, то увидѣлъ, что сидитъ въ классѣ, не знаетъ урока, и Лида, почесывая ногу, говоритъ ему, что грузины не ѣдятъ мороженного.

IV.

Ни Лидѣ, ни ея брату онъ не сообщилъ о смерти отца, — потому не сообщилъ, что врядъ ли бы удалось выговорить это естественно, а сказать съ чувствомъ было бы непристойно. Сызмала мать учила его, что выражать вслухъ на людяхъ глубокое переживаніе, которое тотчасъ на вольномъ воздухѣ вывѣтривается, линяетъ и страннымъ образомъ дѣлается схожимъ съ подобнымъ же переживаніемъ другого, — не только вульгарно, но и грѣхъ противъ чувства. Она не терпѣла надгробныхъ лентъ съ серебряными посвященіями «Юному Герою» или «Нашей Незабвенной Дочуркѣ» и порицала тѣхъ чинныхъ, но чувствительныхъ людей, которые, потерявъ близкаго, считаютъ возможнымъ публично исходить слезами, однако въ другое время, въ день удачъ, распираемые счастьемъ, никогда не позволять себѣ расхохотаться въ лицо прохожимъ. Однажды, когда Мартыну было лѣтъ восемь, онъ попытался наголо остричь мохнатую дворовую собачку и нечаянно порѣзалъ ей ухо. Стѣсняясь почему-то объяснить, что онъ, отхвативъ лишнія лохмы, собирался выкрасить ее подъ тигра, Мартынъ встрѣтилъ негодование {19} матери стоическимъ молчаніемъ. Она велѣла ему спустить штаны и лечь ничкомъ. Въ полномъ молчаніи онъ сдѣлалъ это, и въ полномъ же молчаніи она его отстегала желтымъ стекомъ изъ бычьей жилы; послѣ чего онъ подтянулъ штаны, и она помогла ему пристегнуть ихъ къ лифчику, такъ какъ онъ это дѣлалъ криво. Мартынъ ушелъ въ паркъ и только тамъ далъ себѣ волю, тихо извылъ душу, заѣдая слезы черникой, а Софья Дмитриевна тѣмъ временемъ разливалась у себя въ спальнѣ и

вечеромъ едва не заплакала вновь, когда Мартынъ, очень веселый и пухлый, сидѣлъ въ ваннѣ, подталкивая целлулоидоваго лебедя, а потомъ всталъ, чтобы дать себѣ намылить спину, и она увидѣла на нѣжныхъ частяхъ ярко-розовыя полосы. Экзекуція такого рода произведена была всего разъ, и конечно Софья Дмитриевна никогда не замахивалась на него по всякому пустяковому поводу, какъ это дѣлають француженки и нѣмки.

Рано научившись сдерживать слезы и не показывать чувствъ, Мартынъ въ гимназїи поражалъ учителей своей безчувственностью. Самъ же онъ вскорѣ открылъ въ себѣ черту, которую слѣдовало особенно ревниво скрывать, и въ пятнадцать лѣтъ, въ Крыму, это служило причиной нѣкотораго мученія. Мартынъ замѣтилъ, что иногда онъ такъ боится показаться немужественнымъ, прослыть трусомъ, что съ нимъ происходитъ какъ разъ то, что произошло бы съ трусомъ, кровь отливаетъ отъ лица, въ ногахъ дрожь, туго бьется сердце. Признавшись себѣ, что подлиннаго, врожденнаго хладнокровія у него нѣтъ, онъ все же твердо рѣшилъ всегда поступать такъ, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ человѣкъ отважный. При этомъ {20} самолюбіе было у него развито чрезвычайно. Коля, Лидинъ братъ, былъ однихъ съ нимъ лѣтъ, но художочень и малъ ростомъ. Мартынъ чувствовалъ, что, безъ особаго труда, положилъ бы его на лопатки. Однако, его такъ нервила возможность случайнаго пораженія, и съ такой отвратительной яркостью онъ его себѣ представлялъ, что ни разу не попробовалъ вступить съ Колей, съ однолѣткомъ, въ борьбу, но зато охотно принималъ вызовъ Владиміра Иваныча, двадцатилѣтняго корнета съ мускулами, какъ булыжники, черезъ полгода убитаго подъ Мелитополемъ, который жестоко мялъ его, ломалъ и послѣ изнурительной возни придавливалъ его наконецъ, краснаго и ослабленнаго, къ травѣ. А то случилось разъ, что Мартынъ возвращался домой изъ Адреиза, гдѣ жила Лидина семья, ночью, лѣтней крымской ночью, мѣстами изсиня-черной отъ кипарисовъ, мѣстами же блѣдной, какъ мѣлъ, отъ неживой бѣлизны татарскихъ стѣнъ противъ луны, и вдругъ на поворотѣ узкой кремнистой дороги, ведшей на шоссе, выросла передъ нимъ фигура человѣка, и густой голосъ спросилъ: «Кто идетъ?» Мартынъ съ досадой отмѣтилъ, что сердце забилося часто. «Э, да это — Умерахметъ», — грозно сказалъ человѣкъ и слегка придвинулся сквозь рваную черную тѣнь, скользнувшую по его лицу. «Нѣтъ, — сказалъ Мартынъ. — Пропустите, пожалуйста.» «А я говорю, что Умерахметъ», — тихо, но еще грознѣе, повторилъ тотъ, и тутъ Мартынъ замѣтилъ при вспыскѣ луны, что у него въ рукѣ крупный револьверъ. «А ну-ка, становись къ стѣнкѣ», — проговорилъ человѣкъ, смѣнивъ угрозу на примирительную дѣловитость. Блѣдную руку съ чер-

нымъ револьверомъ поглотила набѣжавшая тѣнь, {21} но точка блеска осталась на томъ же мѣстѣ. Мартыну представлялись двѣ возможности, — первая: добиться разъясненія, вторая: шарахнуть въ темноту и бѣжать. «Мнѣ кажется, вы меня принимаете за другого», — неловко выговорилъ онъ и назвалъ себя. «Къ стѣнкѣ, къ стѣнкѣ», — дискантомъ крикнулъ человѣкъ. «Тутъ никакой стѣнки нѣтъ», — сказалъ Мартынъ. «Я подожду, пока будетъ», — загадочно замѣтилъ человѣкъ и, хрустнувъ камушками, не то опустился на корточки, не то присѣлъ, — въ темнотѣ было не разглядѣть. Мартынъ все стоялъ, чувствуя какъ бы легкій зудъ по всей лѣвой сторонѣ груди, куда должно быть мѣтилъ невидимый теперь стволъ. «Если двинешься, убью», — совсѣмъ тихо сказалъ человѣкъ и еще что-то добавилъ, неразборчивое. Мартынъ постоялъ, постоялъ, мучительно пытаюсь придумать, что сдѣлалъ бы на его мѣстѣ безоружный смѣльчакъ, ничего не придумалъ и вдругъ спросилъ: «Не хотите ли папиросу, у меня есть?» Онъ не зналъ, почему это вырвалось, ему сразу стало стыдно, особенно потому, что его предложеніе осталось безъ отвѣта. И тогда Мартынъ рѣшилъ, что единственное, чѣмъ онъ можетъ искупить стыдное слово, это прямо пойти на человѣка, повалить его, буде нужно, но пройти. Онъ подумалъ о завтрашнемъ пикникѣ, о залитыхъ ровнымъ рыже-золотымъ загаромъ, словно лакомъ, Лидиныхъ ногахъ, представилъ себѣ, что можетъ быть отецъ ждетъ его въ эту ночь, можетъ быть дѣлаетъ кое-какія приготовления ко встрѣчѣ, и почувствовалъ къ нему странную непріязнь, за которую впослѣдствіи долго себя корилъ. Шумѣло и черезъ одинаковые промежутки бухало море, заводнымъ звонкимъ стрепетомъ подгоняли {22} другъ друга кузнечики, а этотъ болванъ въ темнотѣ... Мартынъ замѣтилъ, что прикрываетъ ладонью сердце, и, въ послѣдній разъ назвавъ себя трусомъ, рѣзко двинулся впередъ. И ничего не случилось. Онъ споткнулся о ногу человѣка, и тотъ ея не убралъ. Сгорбясь, опустивъ голову, человѣкъ сидѣлъ, тихо похрапывая, и сытно, густо несло отъ него винищемъ.

Благополучно добравшись до дому, выспавшись и выйдя утромъ на увитый глициніями балконъ, Мартынъ пожалѣлъ, что не обезоружилъ пьянаго шатуна: отнятымъ револьверомъ онъ бы могъ загадочно похвастать. Онъ остался собой недоволенъ, оказавшись, по собственному мнѣнію, несовсѣмъ на высотѣ при встрѣчѣ съ давно желанной опасностью. Сколько разъ на большой дорогѣ своей мечты онъ, въ баутѣ и сапогахъ съ раструбами, останавливалъ то дилижансъ, то грузный дормезъ, то всадника, и дукаты купцовъ раздавалъ нищимъ. Въ бытность свою капитаномъ на пиратскомъ корветѣ, онъ, стоя спиной къ гротмачтѣ, одинъ отбивалъ напоръ бунтующаго экипажа. Его посылали въ

дебри Африки разыскивать Ливингстона, и, найдя его наконецъ — въ дикомъ лѣсу, въ безымянной области, — онъ къ нему подходилъ съ учтивымъ поклономъ, щеголяя сдержанностью. Онъ бѣжалъ съ каторги черезъ тропическія топи, онъ шелъ къ полюсу мимо удивленныхъ, торчкомъ стоявшихъ, пингвиновъ, онъ на взмыленномъ конѣ, съ шашкой наголо, первымъ врывался въ мятежную Москву. И уже Мартынъ ловилъ себя на томъ, что заднимъ числомъ прихорашиваетъ нелѣпое и довольно плоское ночное происшествіе, столь же похожее на подлинную жизнь, которой онъ жилъ въ мечтахъ, сколь {23} похожъ безсвязный сонъ на цѣльную и полную дѣйствительность. И, какъ иногда бываетъ, что, рассказывая видѣнный сонъ, мы невольно кое-что сглаживаемъ, округляемъ, подкрашиваемъ, чтобы поднять его хотя бы до уровня нелѣпости реальной, возможной, точно также Мартынъ, репетируя рассказъ о ночной встрѣчѣ (который, однако, оглашать онъ не собирался), дѣлалъ встрѣчнаго болѣе трезвымъ, револьверъ его болѣе дѣйственнымъ и собственныя слова — болѣе остроумными.

V.

И въ слѣдующіе дни, перекидываясь съ Колей футбольнымъ мячемъ или выискивая съ Лидой въ прибрежномъ галечникѣ мелкіе морскіе курьезы (круглый камушекъ въ цвѣтномъ пояскѣ, маленькую, зернисто-рыжую отъ ржавчины подкову, отшлифованные моремъ блѣдно-зеленые осколки бутылочнаго стекла, напоминавшіе ему раннее дѣтство, пляжъ въ Біаррицѣ), Мартынъ дивился ночному происшествію, сомнѣвался, было ли оно, и все прочнѣе продвигалъ его въ ту область, гдѣ пускало корни и начинало жить чудесной и самостоятельной жизнью все, что онъ выбиралъ изъ міра на потребу души. Наростала, закипала пѣной и кругло опрокидывалась волна, стелилась, взбѣгая по галькѣ, и, неудержавшись, соскальзывала назадъ при глухомъ бормотаніи разбуженныхъ камушковъ, и не успѣвала втянуться, какъ уже новая, съ тѣмъ же круглымъ, веселымъ плескомъ, опрокидывалась и прозрачнымъ пластомъ вытягивалась до предѣла, положеннаго {24} ей. Коля подальше зашвыривалъ найденную дощечку, и фоксъ-террьеръ Лэди, поднимая вразъ переднія лапы, прыгалъ по водѣ и напряженно пускался вплавь. Его подхватывала очередная волна, мощно несла и за тѣмъ въ полной сохранности выкладывала на берегъ, и фоксъ-террьеръ, уронивъ передъ собой отобранную у моря дощечку, круто отряхивался. Лида, — купавшаяся только по утрамъ, спозаранку, вмѣстѣ съ матерью и Софьей Дмитриевной, — отходила налѣво, къ скаламъ (прозваннымъ ею «Айва-

зовскими»), пока купались мальчики. Коля плавалъ по-татарски, кувыркомъ, а Мартынъ гордился быстрымъ и правильнымъ кролемъ, которому его научилъ англичанинъ-гувернеръ въ послѣднее лѣто на сѣверѣ. Ни тотъ, ни другой мальчикъ, впрочемъ, далеко не уплывалъ, — и одной изъ самыхъ сладостныхъ и жуткихъ грезъ Мартына была темная ночь въ пустомъ, бурномъ морѣ, послѣ крушенія корабля, — ни зги не видать, и онъ одинъ, поддерживающій надъ водой креолку, съ которой наканунѣ танцевалъ танго на палубѣ. Послѣ купанія было удивительно пріятно нагишомъ лечь на раскаленные камни. А смотрѣть, запрокинувъ голову, на черные кинжалы кипарисовъ, глубоко вдвинутые въ небо. Коля, сынъ ялтинскаго доктора, прожившій всю жизнь въ Крыму, принималъ эти кипарисы и восторженное небо, и дивно-синее, въ ослѣпительныхъ чешуйкахъ, море, какъ нѣчто должное, обиходное, и было трудно завлечь его въ любимыя Мартыновы игры и превратить его въ мужа креолки, случайно выброшеннаго на тотъ же необитаемый островъ.

Вечеромъ поднимались узкими кипарисовыми коридорами въ Адреизъ, и большая нелѣпая дача со многими {25} лѣсенками, переходами, галлереями, такъ забавно построенная, что порой никакъ нельзя было установить, въ какомъ этажѣ находишься, ибо, поднявшись по какимъ-нибудь крутымъ ступенямъ, ты вдругъ оказывался не въ мезонинѣ, а на террасѣ сада, — уже была пронизана желтымъ керосиновымъ свѣтомъ, и съ главной веранды слышались голоса, звонъ посуды. Лида переходила въ лагерь взрослыхъ, Коля, нажравшись, сразу заваливался спать; Мартынъ сидѣлъ въ темнотѣ на нижнихъ ступенькахъ и, поѣдая изъ ладони черешни, прислушивался къ веселымъ освѣщеннымъ голосамъ, къ хохоту Владиміра Иваныча, къ Лидиной уютной болтовнѣ, къ спору между ея отцомъ и художникомъ Данилевскимъ, говорливымъ зайкой. Гостей вообще бывало много — смѣшливыя барышни въ яркихъ платкахъ, офицеры изъ Ялты и паническіе пожилые сосѣди, уходившіе скопомъ въ горы при зимнемъ нашествіи красныхъ. Было всегда неясно, кто кого привелъ, кто съ кѣмъ друженъ, но хлѣбосольство Лидиной матери, непримѣтной женщины въ горжеткѣ и въ очкахъ, не знало предѣла. Такъ появился однажды и Аркадій Петровичъ Зарянской, долговязый, мертвенно-блѣдный человѣкъ, имѣвшій какое-то смутное отношеніе къ сценѣ, одинъ изъ тѣхъ несуразныхъ людей, которые разъѣзжаютъ по фронтамъ съ мелодекламацией, устраиваютъ спектакли наканунѣ разгрома городка, бѣгутъ покупать погоны и никакъ не могутъ добѣжать, и возвращаются, радостно запыхавшись, съ чудесно добытымъ цилиндромъ для послѣдняго дѣйствія «Мечты Любви». Онъ былъ лысоватъ, съ прекраснымъ, напористымъ профилемъ, но повернувшись

прямо, оказывался менѣе благообразнымъ: подъ {26} болотцами глазъ набухали мѣшечки, и не хватало одного рѣзца. Человѣкъ же онъ былъ мягкій, добродушный, чувствительный и, когда по ночамъ всѣ выходили гулять, пѣлъ бархатнымъ баритономъ «Ты помнишь ли — у моря мы сидѣли...» или рассказывалъ въ темнотѣ армянскій анекдотъ, и кто-нибудь въ темнотѣ смѣялся. Въ первый разъ встрѣтивъ его, Мартынъ съ изумленіемъ и даже съ нѣкоторымъ ужасомъ призналъ въ немъ забулдыгу, приглашавшаго его стать къ стѣнкѣ, но Зарянскій повидимому ничего не помнилъ, такъ что осталось неяснымъ, кто такой Умерахметъ. — Пьяницей былъ Аркадій Петровичъ отмѣннымъ и бушевалъ во хмелю, — но револьверъ, который однажды снова возникъ, — во время пикника на Яйлѣ, въ стрекотливую ночь, пропитанную луннымъ свѣтомъ и мускатъ-люнелемъ, — оказался съ пустымъ барабаномъ. Зарянскій еще долго вскрикивалъ, грозилъ, бормоталъ, говоря о какой-то своей роковой любви, его покрыли шинелью, и онъ уснулъ. Лида сидѣла близко къ костру и, подперевъ ладонями лицо, блестящими, пляшущими, румяно-карими отъ огня глазами, глядѣла на вырывавшіяся искры. Погодя Мартынъ всталъ, разминая ноги, и, взойдя по черному муравчатому скату, подошелъ къ краю обрыва. Сразу подъ ногами была широкая темная бездна, а за ней — какъ будто близкое, какъ будто приподнятое, море съ цареградской стезей посрединѣ, лунной стезей, суживающейся къ горизонту. Слева, во мракѣ, въ таинственной глубинѣ, дрожащими алмазными огнями играла Ялта. Когда же Мартынъ оборачивался, то видѣлъ поодаль огненное безпокойное гнѣздо костра, силуэты людей вокругъ, чью-то руку, бросающую сукъ. Стрекотали {27} кузнечики, по временамъ несло сладкой хвойной гарью, — и надъ черной Яйлой, надъ шелковымъ моремъ, огромное, всепоглощающее, сизое отъ звѣздъ небо было головокружительно, и Мартынъ вдругъ опять ощутилъ то, что уже ощущалъ не разъ въ дѣтствѣ — невыносимый подъемъ всѣхъ чувствъ, что-то очаровательное и требовательное, присутствіе такого, для чего только и стоитъ жить.

VI.

Эта искристая стезя въ морѣ такъ же заманивала, какъ нѣкогда тропинка въ написанномъ лѣсу, — а собранные въ кучу огни Ялты среди широкой черноты невѣдомаго состава и свойства напоминали опять же кое-что, видѣнное въ дѣтствѣ: девятилѣтній Мартынъ, въ одной рубашкѣ, съ похолодѣвшими пятками, стоялъ на колѣнкахъ у вагоннаго окна; южный экспрессъ шелъ по Франціи. Софья Дмитриевна,

уложивъ сына, сидѣла съ мужемъ въ вагонѣ-ресторанѣ, горничная мертвымъ сномъ спала на верхней койкѣ; въ узкомъ отдѣленіи было темно, только просвѣчивалъ синій задвижной колпакъ лампы; качалась его кисть, потрескивало въ стѣнкахъ. Выйдя изъ подъ простыни, добравшись по одѣялу до окна, наполовину срѣзаннаго концомъ верхней койки, и поднявъ кожаную сторку, — для чего пришлось отстегнуть ее съ кнопки, а тогда она гладко поѣхала вверхъ, — Мартынъ зябъ, ощущалъ ломоту въ колѣнкахъ, но не могъ оторваться отъ окна, за которымъ косогорами бѣжала ночь. И тогда-то онъ вдругъ увидѣлъ то, что теперь вспомнилъ на Яйлѣ, {28} — горсть огней вдаль, въ подолѣ мрака, между двухъ черныхъ холмовъ: огни то скрывались, то показывались опять, и потомъ заиграли совѣмъ въ другой сторонѣ, и вдругъ исчезли, словно ихъ кто-то накрылъ чернымъ платкомъ. Вскорѣ поѣздъ затормозилъ и остановился во мракѣ. Стали доноситься странно безплотные вагонные звуки, чей-то бубнящій голосъ, чей-то кашель, потомъ прошелъ по коридору голосъ матери, и, сообразивъ, что родители возвращаются изъ вагона-ресторана и по дорогѣ въ смежное отдѣленіе могутъ къ нему заглянуть, Мартынъ проворно метнулся въ постель. Погодя поѣздъ двинулся, но вскорѣ сталъ окончательно, издавъ длинный, тихо свистящій вздохъ облегченія, при чемъ по темному купѣ медленно прошли блѣдныя полосы свѣта. Мартынъ снова поползъ къ стеклу, и былъ за окномъ освѣщенный дебаркадеръ, и съ глухимъ стукомъ человекъ катилъ мимо желѣзную тачку, а на ней былъ ящикъ съ таинственной надписью «Fragile». Мошки и одна большущая бабочка кружились вокругъ газоваго фонаря; смутно шаркали по платформѣ, переговариваясь на ходу о неизвѣстномъ, какіе-то люди; и затѣмъ поѣздъ лягнулъ буферами и поплылъ, — прошли и ушли фонари, появился и тоже прошелъ ярко озаренный снутри стеклянный домикъ съ рядомъ рычаговъ, — качнуло, поѣздъ перебралъ рельсы, и все потемнѣло за окномъ, — опять бѣгущая ночь. И снова, откуда ни возмись, уже не между двухъ холмовъ, а какъ-то гораздо ближе и осязательнѣе, повысыпали знакомые огни, и паровозъ такъ томительно, такъ заунывно свистнулъ, что казалось, и ему жаль разстаться съ ними. Тутъ сильно хлопнуло что-то, и проскочилъ встрѣчный поѣздъ, проскочилъ, {29} и какъ будто его и не было вовсе, — опять бѣжала волнистая чернота, и медленно рѣдѣли неуловимые огни.

Когда они навсегда закатились, Мартынъ укрѣпилъ сторку и легъ, а проснулся очень рано, и ему показалось, что поѣздъ идетъ плавнѣе, развязнѣе, словно приноровился къ быстрому бѣгу. И когда онъ сторку отстегнулъ, то почувствовалъ мгновенное головокруженіе, ибо въ другую сторону, чѣмъ наканунѣ, бѣжала земля, и ранній пепельно-блѣдный

свѣтъ яснаго неба тоже былъ неожиданный, и совершенно были вновь террасы оливъ по склонамъ.

Со станціи поѣхали въ Біаррицъ въ наемномъ ландо, пыльной дорогой, окаймленной пыльной ежевикой, и, такъ какъ ежевику Мартынъ видѣлъ впервые, а станція почему-то звалась Негритянкой, онъ былъ полонъ вопросовъ. Въ пятнадцать лѣтъ онъ сравнивалъ крымское море съ моремъ въ Біаррицѣ: да, бискайскія волны были выше, прибой сильнѣе, — и толстый беньеръ-баскъ въ черномъ, всегда мокромъ трико («гибельная профессія», — говорилъ отецъ) бралъ Мартына за руку, вель его въ мелкую воду, затѣмъ оба поворачивались спиной къ прибою, и съ грохотомъ налетала сзади огромная волна, потопляя и опрокидывая весь міръ. На первой, зеркальной полосѣ пляжа буролицая женщина съ сѣдыми завитками на подбородкѣ встрѣчала выкупавшихся, накидывала имъ на плечи мохнатая простыни, а дальше, въ пахнувшей смолой кабинкѣ, служитель помогалъ сдернуть липкій костюмъ и приносилъ шайку горячей воды, почти кипятка, куда полагалось погрузить ноги. Затѣмъ, одѣвшись, сидѣли на {30} пляжѣ, — мать въ большой бѣлой шляпѣ, подъ бѣлымъ наряднымъ зонтикомъ, отецъ тоже подъ зонтикомъ, но мужскимъ, изабелловаго цвѣта; Мартынъ же, въ завороченныхъ до паха штанишкахъ, полосатой фуфайкѣ и загорѣлой соломенной шляпѣ съ англійской надписью на лентѣ вокругъ тульи (Его Величества «Непобѣдимый»), строилъ изъ песка крѣпость, окруженную рвами. Проходилъ вафельникъ въ беретѣ, со скрежетомъ вертѣлъ рукояткой краснаго жестяного боченка съ товаромъ, и большіе, гнутые куски вафли, смѣшанные съ летучимъ пескомъ и морской солью, остались однимъ изъ живѣйшихъ воспоминаній той поры. А за пляжемъ, на каменной променадѣ, заливаемой въ непогоду волной, бойкая, немолодая, нарумяненная цвѣточница продѣвала гвоздику въ петлицу отцовскаго бѣлаго пиджака, и отецъ при этомъ смѣшно и добродушно смотрѣлъ на процедуру продѣванія, выпятивъ нижнюю губу и прижавъ наморщенный подбородокъ къ отвороту. Было жалко покинуть въ концѣ сентября веселое море и бѣлую виллу съ корявой смоковницей въ саду, все нехотѣвшей дать хоть одинъ зрѣлый плодъ. На обратномъ пути остановились мѣсяца на полтора въ Берлинѣ, гдѣ по асфальтовымъ мостовымъ съ трескомъ прокатывали мальчишки на роликахъ, — а иногда даже взрослый съ портфелемъ подмышкой. И были изумительные игрушечные магазины (локомотивы, туннели, віадукі), и теннисъ за городомъ, на Курфюрстендамѣ, и звѣздная ночь Винтергартена, и поѣздка въ сосновые лѣса Шарлоттенбурга свѣжимъ и яснымъ днемъ въ бѣломъ электрическомъ таксомоторѣ. На границѣ Мартынъ спохватился, что забылъ въ вагонѣ вставочку со стеклышкомъ, {31} въ которомъ, ежели приложить глазъ,

вспыхивалъ перламутрово-синій пейзажъ, а во время обѣда на вокзалѣ (рябчики съ брусликой) проводникъ ее принесъ, и отецъ далъ ему рубль. Въ Вержболовѣ было снѣжно, морозно, на тендерѣ вздымалась цѣлая гора дровъ, багровый русскій паровозъ былъ снабженъ расчистнымъ вѣеромъ, обильный бѣлый паръ, клубясь, выливался изъ огромной трубы съ широкимъ разваломъ. Нордъ-Экспрессъ, обрусѣвъ въ Вержболовѣ, сохранилъ коричневую облицовку, но сталъ по новому степеннымъ, широкобокимъ, жарко отопленнымъ, и не сразу давалъ полный ходъ, а долго раскачивался послѣ остановки. Въ голубомъ коридорѣ было очень пріятно примоститься на откидномъ сидѣніи у окна, и мимоходомъ погладилъ Мартына по головѣ толстый зобатый проводникъ въ шоколадномъ мундирѣ. За окномъ тянулись бѣлыя поля, кое-гдѣ надъ снѣгомъ торчали ветлы; у шлагбаума стояла женщина въ валенкахъ, съ зеленымъ флагомъ въ рукѣ; мужикъ, соскочивъ съ дровней, закрывалъ рукавицами глаза пятившейся лошадеи. А ночью было нѣчто особенное: мимо чернаго зеркальнаго стекла пролетали тысячи искръ огненнымъ стрѣльчатымъ росчеркомъ.

VII.

Вотъ съ того года Мартынъ страстно полюбилъ поѣзда, путешествія, дальніе огни и раздирающіе вопли паровозовъ въ темнотѣ ночи, и яркіе паноптикумы мгновенныхъ полустанковъ, съ людьми, которыхъ не увидишь {32} больше никогда. Медленный отвалъ, скрежетъ рулевой цѣпи, нутряная дрожь канадскаго грузового парохода, на которомъ онъ съ матерью весной девятнадцатаго года покинулъ Крымъ, ненастное море и косо хлещущій дождь — не столь располагали къ дорожному волненію, какъ экспрессъ, и только очень постепенно Мартынъ проникся этимъ новымъ очарованіемъ. Въ макинтошѣ, въ черно-бѣломъ шарфѣ вокругъ шеи, всюду сопровождаемая, пока его не одолѣло море, блѣднымъ мужемъ, растрепанная молодая дама, дуя на волосы, щекотавшіе ей лицо, расхаживала по палубѣ, и въ ея фигурѣ, въ летающемъ шарфѣ, Мартынъ почуялъ все то драгоцѣнное, дорожное, чѣмъ нѣкогда его плѣняли клѣтчатая кепка и замшевыя перчатки, надѣваемые отцомъ въ вагонѣ, или крокодиловой кожи сумка на ремешкѣ черезъ плечо у дѣвочки-француженки, съ которой было такъ весело рыскать по длинному коридору экспресса, вправленному въ летучій ландшафтъ. Одна только эта молодая дама выглядѣла примѣрной путешественницей, — не то, что остальные люди, которыхъ согласился взять на бортъ, чтобы не возвращаться порожнякомъ, капитанъ этого легкомысленно зафрахто-

ваннаго судна, не нашедшаго въ одичаломъ Кърыму товара. Несмотря на обиліе багажа, безобразнаго, спѣшно собраннаго, съ веревками вмѣсто ремней, было почему-то впечатлѣніе, что все эти люди уѣзжаютъ налегкѣ, случайно; формула дальнихъ странствій не могла вмѣститъ ихъ растерянность и уныніе, — они словно бѣжали отъ смертельной опасности. Мартына какъ-то мало тревожило, что оно такъ и есть, что вонъ тотъ спекулянтъ съ пепельнымъ лицомъ и съ каратами въ натѣльномъ поясѣ, останься {33} онъ на берегу, былъ бы и впрямь убитъ первымъ же красноармейцемъ, лакомымъ до алмазныхъ потроховъ. И берегъ Россіи, отступившій въ дождевую муть, такъ сдержанно, такъ просто, безъ одинаго знака, который бы намекалъ на сверхъестественную продолжительность разлуки, Мартынъ проводилъ почти равнодушнымъ взглядомъ, и, только когда все исчезло въ туманѣ, онъ вдругъ съ жадностью вспомнилъ Адреизъ, кипарисы, добродушный домъ, жители котораго отвѣчали на удивленные вопросы неусидчивыхъ сосѣдей: «Да гдѣ жъ намъ жить, какъ не въ Кърыму?» И воспоминаніе о Лидѣ окрашено было иначе, чѣмъ тогдашнія, дѣйствительныя ихъ отношенія: онъ вспоминалъ, какъ однажды, когда она жаловалась на комариный укусъ и чесала покраснѣвшее сквозь загаръ мѣсто на икрѣ, онъ хотѣлъ показать ей, какъ нужно сдѣлать ногтемъ крестъ на вздутіи отъ укуса, а она его ударила по кисти, ни съ того, ни съ сего. И прощальное посѣщеніе онъ вспомнилъ, — когда они оба не знали, о чемъ говорить, и почему-то все говорили о Колѣ, ушедшемъ въ Ялту за покупками, и какое это было облегченіе, когда онъ наконецъ пришелъ. Длинное, нѣжное лицо Лиды, въ которомъ было что-то ланье, теперь являлось Мартыну съ нѣкоторой назойливостью. И, лежа на кушеткѣ подъ тикающими часами въ каютѣ капитана, съ которымъ онъ очень подружился, или въ благоговѣйномъ молчаніи раздѣляя вахту перваго помощника, оспой выщербленнаго канадца, говорившаго рѣдко и съ особеннымъ жеваннымъ произношеніемъ, но обдавашаго сердце Мартына таинственнымъ холодкомъ, когда онъ однажды ему сообщилъ, что старые моряки на покоѣ все равно никогда не садятся, {34} внуки сидятъ, а дѣдъ ходитъ, море остается въ ногахъ, — привыкая ко всему этому морскому новоселью, къ маслянистымъ запахамъ, къ качкѣ, къ разнообразнымъ страннымъ сортамъ хлѣба, изъ которыхъ одинъ былъ вродѣ просфоры, Мартынъ все увѣрялъ себя, что онъ пустился въ странствіе съ горя, отпѣваетъ несчастную любовь, но что, глядя на его спокойное, уже обвѣтренное лицо, никто не угадаетъ его переживаній. Возникали таинственные, замѣчательные люди: былъ канадецъ, зафрахтовавшій судно, угрюмый пуританинъ, чей макинтошъ висѣлъ въ капитанской, безнадежно испорченной уборной маяча прямо надъ доской; былъ второй помощникъ, по

фамиліи Паткинъ, еврей родомъ изъ Одессы, смутно вспоминавшій сквозь американскую рѣчь очертанія русскихъ словъ; а среди матросовъ былъ одинъ Сильвіо, американскій испанецъ, ходившій всегда босикомъ и носившій при себѣ кинжалъ. Капитанъ однажды появился съ ободранной рукой, говорилъ сперва, что это сдѣлала кошка, но затѣмъ Мартыну по дружбѣ повѣдалъ, что разсеадила ее о зубы Сильвіо, котораго ударилъ за пьянство на борту. Такъ Мартынъ пріобщался къ морю. Сложность, архитектурность корабля, всѣ эти ступени, и закоулки, и откидныя дверцы, вскорѣ выдали ему свои тайны, и потомъ уже было трудно найти закоулокъ, еще незнакомый. Межъ тѣмъ дама въ полосатомъ шарфѣ, какъ будто раздѣляя Мартынову любознательность, мелькала въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, всегда растрепанная, всегда смотрящая вдаль, и уже на второй день ея мужъ слегъ, мотался на клеенчатой лавкѣ въ каютъ-компаніи, безъ воротничка, а на другой лавкѣ лежала Софья Дмитріевна, съ долькой {35} лимона въ губахъ. По временамъ и Мартынъ чувствовалъ сосущую пустоту подъ ложечкой и какую-то общую неустойчивость, — дама же была неугомонна, и Мартынъ уже намѣтилъ ее объектомъ для спасенія въ случаѣ бѣды. Но, несмотря на бурное море, корабль благополучно достигъ константинопольскаго рейда, на холодномъ, молочно пасмурномъ разсвѣтѣ, и появился вдругъ на палубѣ мокрый турокъ, и Паткинъ, считавшій, что карантинъ долженъ быть обоюдный, кричалъ на него: «Я тебя утону!» и даже грозилъ револьверомъ. Черезъ день двинулись дальше, въ Мраморное море, и ничего отъ Босѳора въ памяти у Мартына не осталось, кромѣ трехъ-четырехъ минаретовъ, похожихъ въ туманѣ на фабричныя трубы, да голоса дамы въ макинтошѣ, которая сама съ собой говорила вслухъ, глядя на пасмурный берегъ; прислушавшись, Мартынъ различилъ слово «аметистовый», но рѣшилъ, что ошибся.

VIII.

Послѣ Константинополя небо прояснилось, хотя море осталось «очень чоппи», какъ выражался Паткинъ. Софья Дмитріевна дерзнула выбратъся на палубу, но тотчасъ вернулась въ каютъ-компанію, говоря, что ничего нѣтъ въ мірѣ отвратительнѣе этого рабскаго паденія и восхожденія всѣхъ внутренностей по мѣрѣ восхожденія и паденія корабельнаго носа. Мужъ дамы стоналъ, спрашивалъ Бога, когда это кончится, и поспѣшно, дрожащими руками, хваталъ тазокъ. Мартынъ, котораго мать держала за кисть, чувствовалъ, что, ежели онъ сейчасъ не уйдетъ, то стошнитъ {36} и его. Въ это время вошла, мотнувъ шарфомъ, дама,

обратилась къ мужу съ сочувственнымъ вопросомъ, и мужъ, молча, не открывая глазъ, сдѣлалъ разрѣзательный жестъ ладонью по кадыку, и тогда она задала тотъ же вопросъ Софьѣ Дмитриевнѣ, которая страдальчески улыбулась. «И вы тоже, кажется, сдали, — сказала дама, строго взглянулъ на Мартына, и, качнувшись, перебросивъ черезъ плечо конецъ шарфа, вышла. Мартынъ послѣдовалъ за ней, и ему полегчало, когда пахнулъ въ лицо свѣжій вѣтеръ, и открылось ярко-синее, въ барашкахъ, море, Она сидѣла на скрученныхъ канатахъ и писала въ маленькой сафьяновой книжкѣ. Про нее на-дняхъ кто-то изъ пассажировъ сказалъ, что «бабецъ невреденъ», и Мартынъ, вспыхнувъ, обернулся, но, среди нѣсколькихъ унылыхъ пожилыхъ господъ въ поднятыхъ воротникахъ, не разобралъ нахала. И теперь, глядя на ея красныя губы, которыя она все облизывала, быстро виляя карандашикомъ по страницѣ, онъ смѣшался, не зналъ, о чемъ говорить, и чувствовалъ на губахъ соленый вкусъ. Она писала и какъ будто не замѣчала его. Межъ тѣмъ, чистое, круглое лицо Мартына, его неполныхъ семнадцать лѣтъ, извѣстная ладность всего его очерка и движеній, — что встрѣчается часто у русскихъ, но сходитъ почему-то за «что-то англійское», — вотъ этотъ самый Мартынъ въ желтомъ мохнатомъ пальто съ пояскомъ произвелъ на даму нѣкоторое впечатлѣніе.

Ей было двадцать пять лѣтъ, ее звали Аллой, она писала стихи, — три вещи, которыя, казалось бы, не могутъ не сдѣлать женщины плѣнительной. Ея любимыми поэтами были Поль Жеральди и Викторъ Гофманъ; ея же собственные {37} стихи, такіе звучные, такіе пряные, всегда обращались къ мужчинѣ на вы и сверкали красными, какъ кровь, рубинами. Одно изъ нихъ недавно пользовалось чрезвычайнымъ успѣхомъ въ петербургскомъ свѣтѣ. Начиналось оно такъ:

На пурпурѣ шелковъ, подъ пологомъ амбирнымъ,
Онъ всю меня ласкалъ, впиваясь ртомъ вампирнымъ,
А завтра мы умремъ, сгорѣвшіе до тла,
Смѣшаются съ пескомъ красивыя тѣла.

Дамы списывали его другъ у дружки, его заучивали наизусть и декламировали, а одинъ гардемаринъ даже написалъ на него музыку. Выйдя замужъ въ восемнадцать лѣтъ, она два года съ лишнимъ оставалась мужу вѣрна, но міръ кругомъ былъ насыщенъ рубиновымъ угаромъ грѣха, бритые, напористые мужчины назначали собственное самоубійство на семь часовъ вечера въ четвергъ, на полночь въ сочельникъ, на три часа утра подъ окнами, — эти даты путались, трудно было повсюду поспѣть. По ней томился одинъ изъ великихъ князей; въ продолженіе мѣсяца докучалъ ей телефонными звонками Распутинъ. И она иногда

говорила, что ея жизнь только легкій дымъ папиросы Режи, надушенной амброй.

Всего этого Мартынъ совершенно не понималъ. Стихами ея онъ былъ нѣсколько озадаченъ. Когда онъ сказалъ, что Константинополь вовсе не аметистовый, Алла возразила, что онъ лишенъ поэтическаго воображенія, и, по приѣздѣ въ Афины, подарила ему «Пѣсни Билитисъ», дешевое изданіе, иллюстрированное фигурами голыхъ подростковъ, {38} и читала ему вслухъ, выразительно произнося французскія слова, подвечеръ, на Акрополѣ, на самомъ, такъ сказать, подходящемъ мѣстѣ. Въ ея разговорѣ Мартыну главнымъ образомъ нравилась влажная манера произносить букву «р», словно была не одна буква, а цѣлая галлерей, да еще съ отраженіемъ въ водѣ. И вмѣсто всякихъ французскихъ Билитисъ, петербургскихъ бѣлыхъ, гитарныхъ ночей, грѣшныхъ сонетовъ въ пять дактилическихъ строфъ, онъ ухитрился найти въ этой дамѣ съ трудно усваиваемымъ именемъ совсѣмъ другое, совсѣмъ другое. Знакомство, незамѣтно начавшееся на пароходѣ, продолжалось въ Греціи, на берегу моря, въ одной изъ бѣлыхъ фалерскихъ гостиницъ. Софья Дмитріевнѣ съ сыномъ достался прескверный крохотный номеръ, — единственное окно выходило въ пыльный дворъ, и тамъ, на разсвѣтѣ, со всякими мучительными приготовленіями, съ предварительнымъ похлопываніемъ крылъ и другими звуками, хрипло и бодро начиналъ кричать молодой алекторъ. Мартынъ спалъ на твердой синей кушеткѣ, кровать же Софьи Дмитріевны была узкая, шаткая, съ ухабистымъ матрацомъ. Изъ насѣкомыхъ жила въ комнатѣ только одна блоха, зато очень ловкая, прожорливая и совершенно неуловимая. Алла, которой посчастливилось устроиться въ отличномъ номерѣ съ двумя кроватями, предложила взять Софью Дмитріевну къ себѣ, а мужа перекинуть къ Мартыну. Софья Дмитріевна, сказавъ нѣсколько разъ сряду: да что вы, да что вы, — охотно согласилась, и въ тотъ же день состоялось перемѣщеніе. Черно-свитовъ, большой, долговязый, мрачный, наполнилъ собой всю комнатку; его кровь повидимому сразу отравила блоху, ибо она больше {39} не появлялась; его вещи, — принадлежности для бритья, зеркальце съ трещиной поперекъ, одеколонъ, кисточка, которую онъ всегда забывалъ сполоснуть, и которая стояла весь день, проклеенная сѣрой, остывшей пѣной, на подоконникѣ, на столѣ, на стулѣ, — удручали Мартына, и особенно было тяжело по вечерамъ, когда, ложась спать, онъ принужденъ былъ очищать свою, Мартынову, кушетку отъ какихъ-то галстуконъ и натѣльныхъ сѣтокъ. Раздѣваясь, Черно-свитовъ вяло почесывался, во все нѣбо зѣвалъ; затѣмъ, поставивъ громадную, босую ногу на край стула и запустивъ пятерню въ волосы, замиралъ въ этой неудобной позѣ, — послѣ чего медленно приходилъ опять въ движеніе, заводилъ

часы, ложился, долго, съ кряхтѣніемъ, уминалъ тѣломъ матрацъ. Черезъ нѣкоторое время, уже въ темнотѣ, раздавался его голосъ, всегда одна и та же фраза: «Главное, молодой человѣкъ, прошу васъ не портить воздухъ». Бреясь по утрамъ, онъ неизмѣнно говорилъ: «Мазь для лица Прыщеморъ. Въ вашемъ возрастѣ необходимо». Одѣваясь, выбирая изъ носковъ предпочтительно тѣ, въ коихъ дырка приходилась не на пятку, а на большой палецъ, — залогъ невидимости, — онъ восклицалъ: «Эхъ, были когда-то и мы рысаками», и посвистывалъ сквозь зубы. Все это было очень однообразно и несмѣшно. Мартынъ вѣжливо улыбался.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ, однако, служило сознаніе риска. Въ любую ночь могло случиться, что въ предательскомъ снѣ онъ отчетливо назоветъ полногласное имя, въ любую ночь доведенный до крайности мужъ могъ подкрасться съ наточенной бритвой. Черносвитовъ, впрочемъ, употреблялъ безопасную бритву: съ этимъ снарядикомъ {40} онъ обращался такъ же неряшливо, какъ съ кисточкой, и въ пепельницѣ всегда лежалъ ржавый клинокъ съ окаменѣвшей каемкой пѣны, черноватой отъ волосковъ. Его мрачность, его плоскія поговорки мнились Мартыну доказательствомъ глубокой, но сдержанной ревности. На весь день уѣзжая по дѣламъ въ Афины, онъ не могъ не подозрѣвать, что его жена проводитъ время наединѣ съ тѣмъ добродушнымъ, спокойнымъ, но выдавшимъ виды молодымъ человѣкомъ, какимъ воображалъ себя Мартынъ.

IX.

Было очень тепло, очень пыльно. Въ кофейняхъ подавали крохотную чашку со сладкой черной бурдой въ придачу къ огромному стакану ледяной воды. На заборахъ вдоль пляжа трепались афиши съ именемъ русской пѣвицы. Электрическій поѣздъ, шедшій въ Афины, наполнялъ праздный голубой день легкимъ гуломъ, и все стихало опять. Сонные домишки Афинъ напоминали баварскій городокъ. Желтыя горы вдали были чудесны. На Акрополѣ, среди мраморнаго мусора, дрожали на вѣтру блѣдные маки. Прямо среди улицы, какъ будто невзначай, начинались рельсы, стояли вагоны дачныхъ поѣздовъ. Въ садахъ зрѣли апельсины. На пустырь великолѣпно росло нѣсколько колоннъ; одна изъ нихъ упала и сломалась въ трехъ мѣстахъ. Все это желтое, мраморное, разбитое, уже переходило въ вѣдѣніе природы. Та же судьба ожидала въ будущемъ новую до поры до времени гостиницу, гдѣ жилъ Мартынъ. {41}

И, стоя съ Аллой на взморьѣ, онъ съ холодкомъ восторга говорилъ себѣ, что находится въ далекомъ, прекрасномъ краю, — какая приправа

къ влюбленности, какое блаженство стоять на вѣтру рядомъ со смѣющейся растрепанной женщиной: яркую юбку то швырялъ, то прижималъ ей къ колѣнямъ вѣтеръ, наполнявшій когда-то парусъ Уллиса. Однажды, блуждая съ Мартыномъ по неровнымъ пескамъ, она оступилась, Мартынъ ее поддержалъ, она поглядѣла черезъ плечо на высоко поднятую каблукѣмъ вверхъ подошву, пошла, оступилась снова, и онъ, наконецъ рѣшившись, впился въ ея полураскрытыя губы и во время этого долгаго, не очень ловкаго объятія, едва не потерялъ равновѣсія, она тоже пошатнулась, высвободилась и со смѣхомъ сказала, что онъ цѣлуется слишкомъ мокро, надо подучиться. Мартынъ ощущалъ въ ногахъ возмутительную дрожь, сердце колотилось, онъ злился на себя за это волненіе, напоминавшее минуту послѣ школьной потасовки, когда товарищи восклицали: «Фу, какъ ты поблѣднѣлъ!» Но первый въ его жизни поцѣлуй — замуренный, глубокій, съ какимъ-то тонкимъ трепыханіемъ на днѣ, происхожденіе котораго онъ не сразу понялъ, былъ такъ хорошъ, такъ щедро отвѣчалъ на предчувствія, что недовольство собой вскорѣ развѣялось, и пустынный вѣтренный день прошелъ въ повтореніяхъ и улучшеніяхъ поцѣлуя, а вечеромъ Мартынъ былъ совершенно разбитъ, словно таскалъ бревна. Когда-же Алла въ сопровожденіи мужа вошла въ столовую, гдѣ онъ и мать уже чистили апельсины, сѣла за сосѣдній столикъ, проворно развернула конусъ салфетки и, съ легкимъ взлетомъ рукъ, уронила ее къ себѣ на колѣни, послѣ чего придвинулась со стуломъ, — Мартынъ {42} медленно запунцовѣлъ и долго не рѣшался встрѣтиться съ нею глазами, а когда наконецъ встрѣтился, то въ ея взглядѣ не нашелъ отвѣтнаго смущенія.

Жадное, необузданное воображеніе Мартына не могло бы ладить съ цѣломудріемъ. Мартынъ несовсѣмъ былъ чистъ. Мысли, кои зовутся «дурными», донимали его въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ, и онъ имъ не очень противился. Въ началѣ онѣ жили отдѣльно отъ его ранней влюбчивости. Когда, въ памятную петербургскую зиму, онъ, послѣ домашняго спектакля, накрашенный, съ подведенными бровями, въ бѣлой косовороткѣ, заперся въ чуланѣ вдвоемъ съ однолѣткой-кузиной, тоже накрашенной, въ платочкѣ до бровей, и смотрѣлъ на нее, жалъ ей сырыя ладошки, Мартынъ живо чувствовалъ романтичность своего поведенія, но возбужденъ имъ не былъ. Майнъ-Ридовъ герой, Морисъ Джеральдъ, остановивъ коня бокъ-о-бокъ съ конемъ Луизы, обнялъ бѣлокурую креолку за гибкій станъ, и авторъ отъ себя восклицалъ: «Что можетъ сравниться съ такимъ лобзаніемъ?» Подобныя вещи уже куда больше волновали Мартына. И вообще — все нѣсколько отдаленное, заповѣдное, достаточно расплывчатое, чтобы дать мечтѣ работу по выясненію подробностей, — будь то портретъ лэди Гамильтонъ или

бормотаніе пучеглазаго однокашника о развратныхъ домахъ, — особенно поражало его воображеніе. Теперь же туманъ рѣдѣлъ, видимость улучшалась. Слишкомъ поглощенный этимъ, онъ пренебрегалъ подлинными словами Аллы: «Я останусь для тебя сказкой. Я безумно чувственная. Ты меня никогда не забудешь, какъ, знаешь, забываютъ какой-нибудь прочитанный старый романъ. И не надо, не надо {43} рассказывать обо мнѣ твоимъ будущимъ любовницамъ».

Софья же Дмитриевна была довольна и недовольна заразъ. Когда ей кто-нибудь изъ знакомыхъ ужимчиво докладывалъ: «А мы сегодня гуляли и видѣли, видѣли... шелъ съ поэтессой подручку, да-да, очень нѣжно... Совсѣмъ погибъ вашъ мальчикъ», — Софья Дмитриевна отвѣчала, что все это вполне естественно, такой ужъ возрастъ. Она гордилась раннимъ проявленіемъ у Мартына мужественныхъ страстей, однако скрыть отъ себя не могла, что Алла, хоть милая, привѣтливая женщина, да ужъ слишкомъ «скорая», какъ выражаются англичане, и, прощая сыну его ослѣпленіе, она не прощала Аллѣ ея привлекательной вульгарности. Къ счастью пребываніе въ Греціи подходило къ концу, — на-дняхъ долженъ былъ придти изъ Швейцаріи отъ Генриха Эдельвейса, двоюроднаго брата мужа, отвѣтъ на очень откровенное, съ трудомъ написанное письмо — о смерти мужа, объ изсяканіи средствъ. Въ свое время Генрихъ Эдельвейсъ посѣщалъ ихъ въ Россіи, былъ съ нею и съ мужемъ друженъ, любилъ племянника и всегда слылъ честнымъ и широкимъ человѣкомъ. «Ты не помнишь, Мартынъ, когда послѣдній разъ у насъ былъ дядя Генрихъ? Во всякомъ случаѣ до, — правда?» Это «до», всегда лишенное существительнаго, значило до размолвки, до разлуки съ мужемъ, и Мартынъ тоже говорилъ: «до» или «послѣ», ничего не уточняя. «Кажется, послѣ», — отвѣтилъ онъ, припомнивъ, какъ дядя Генрихъ явился на дачу, долго сидѣлъ у Софьи Дмитриевны и потомъ вышелъ съ красными глазами, такъ какъ отличался слезоточивымъ нравомъ и плакалъ даже въ кинематографѣ. «Конечно, какая я дура», — быстро {44} сказала Софья Дмитриевна, вдругъ возстановивъ его пріѣздъ, разговоръ о мужѣ, увѣщеванія, что надо помириться. «И ты его хорошо помнишь, правда? Онъ тебѣ всякій разъ привозилъ что-нибудь». «Послѣдній разъ комнатный телефонъ», — сказалъ Мартынъ и поморщился: телефонъ проводить было неинтересно, а когда его кто-то наконецъ провелъ изъ дѣтской къ матери въ спальню, онъ дѣйствовалъ плохо, а черезъ день и вовсе сдалъ, послѣ чего былъ заброшенъ — вмѣстѣ съ другими, прежними, дядиными подарками, какъ на примѣръ «Швейцарскій Робинзонъ», прескучный послѣ Робинзона настоящаго, или маленькіе товарные вагоны изъ жести, вызвавшіе тайныя слезы разочарованія, такъ какъ Мартынъ любилъ только пассажирскіе. «Чего

ты морщишься?» — спросила Софья Дмитриевна. Онъ объяснилъ, и она разсмѣялась, сказала: «Правда, правда» — и задумалась о дѣтствѣ Мартына, о вещахъ невозвратимыхъ, неизъяснимыхъ, въ этой думѣ была щемящая прелесть, — и какъ все проходитъ, — Боже мой, — усы растутъ, ногти чистые, этотъ сиреневый галстучекъ, эта женщина... «Эта женщина очень, конечно, милая, — сказала Софья Дмитриевна, — но ты не думаешь, что она чуть-чуть слишкомъ разбитная? Нельзя такъ терять голову. Скажи мнѣ, — впрочемъ нѣтъ, я не хочу ничего спрашивать... Только вотъ, говорятъ, что она въ Петербургѣ была страшная flirt. И неужели тебѣ нравятся ея стихи? Этотъ дамскій демонизмъ? Она такъ аффектированно читаетъ. Неужели у васъ дошло — ну, я не знаю — до пожиманія рукъ, что-ли?» Мартынъ загадочно улыбнулся. «Навѣрно, ничего между вами и нѣтъ, — лукаво сказала Софья Дмитриевна, любуясь играющими, тоже лукавыми {45} глазами сына. — Я увѣрена, что ничего нѣтъ. Ты еще не доросъ». Мартынъ разсмѣялся, она привлекла его и сочно, жадно поцѣловала въ щеку. Все это происходило у садоваго столика, на площадкѣ передъ гостиницей, рано утромъ, — и день обѣщаль быть восхитительнымъ, безоблачное небо было еще подернуто дымкой, какъ бываетъ покрыта листомъ папиросной бумаги необыкновенно яркая, глянцевиная картина на заглавной страницѣ дорогого изданія сказокъ. Мартынъ осторожно этотъ полупрозрачный листъ отворачиваль, и вотъ, по бѣлымъ ступенямъ лѣстницы, чуть играя низкими бедрами, въ ярко-синей юбкѣ, по которой шло правильное волнистое колебаніе, по мѣрѣ того, какъ съ расчитанною неторопливостью то одна нога, то другая, вытянувъ лаковый носокъ, ступала внизъ, — мѣрно раскачивая парчовой сумкой и уже улыбаясь, спускалась, на прямой проборъ причесанная, ясно-глазая, тонкошеяя женщина съ крупными, черными серьгами, которыя колебались тоже. Онъ встрѣчалъ ее, цѣловаль ей руку, отступаль, и она, смѣясь и музыкально картавя, здоровалась съ Софьей Дмитриевной, которая сидѣла въ плетеномъ креслѣ и курила толстую англійскую папиросу, первую послѣ утренняго кофе. «Вы такъ красиво спали, Алла Петровна, что я не хотѣла васъ будить», — говорила Софья Дмитриевна, держа на отлетѣ длинный эмалевый мундштукъ и почему-то посматривая искоса на Мартына, который уже сидѣлъ на баллюстрадѣ и качаль ногами. Алла, захлебываясь, принималась рассказывать, какіе она видѣла ночью сны, — замѣчательные мраморные сны съ древне-греческими жрецами, въ способности сниться которыхъ Софья Дмитриевна {46} сильно сомнѣвалась. И сыро блестяль свѣжеполитый гравій.

Любопытство Мартына росло. Блужданія по пляжу, поцѣлуи, которые всякій могъ подсмотреть, начинали казаться слишкомъ рас-

тянутымъ предисловіемъ; зато и желанная суть вызывала беспокойство: нѣкоторыя подробности Мартынъ представить себѣ не могъ и боялся своей неопытности. Незабвенный день, когда Алла сказала, что она не деревянная, что такъ къ ней прикасаться нельзя, и что, послѣ обѣда, когда мужъ будетъ прочно въ городѣ, а Софья Дмитріевна закейфуетъ у себя въ комнатѣ, она зайдетъ къ Мартыну въ номеръ, чтобы показать ему чьи-то стихи, этотъ день былъ какъ разъ тотъ, который открылся разговоромъ о дядѣ Генрихѣ и комнатномъ телефонѣ. Когда, уже въ Швейцаріи, дядя Генрихъ подарилъ Мартыну на рожденіе черную статуэтку (футболистъ, ведущій мячъ), Мартынъ не могъ понять, почему въ то самое мгновеніе, какъ дядя поставилъ на столъ эту ненужную вещь, ему представилось съ потрясающей яркостью далекое, нѣжное фалерское утро, и Алла, сходящая по лѣстницѣ. Сразу послѣ обѣда онъ пошелъ къ себѣ и принялся ждать. Мыльную кисточку Черносвитова онъ спряталъ за зеркало, — она почему-то мѣшала. Со двора доносился звонъ ведеръ, плескъ воды, гортанная рѣчь. На окнѣ мягко набухла желтая занавѣска, и солнечное пятно ширилось на полу. Мухи описывали не круги, а какіе-то параллелепипеды и трапеціи вокругъ штанги лампы, изрѣдка на нее садясь. Мартынъ волновался нестерпимо. Онъ снялъ пиджакъ и воротникъ, легъ навзничъ на кушетку, слушалъ, какъ бухаетъ сердце. Когда раздались быстрые {47} шаги и стукъ въ дверь, у него что-то сорвалось подъ ложечкой. «Видишь, цѣлая пачка», — сказала Алла воровскимъ шопотомъ, но Мартыну было не до стиховъ. «Какой дикій, Боже мой, какой дикій», — глухо приговаривала она, незамѣтно ему помогая. Мартынъ торопился, достигалъ счастье, достигъ, и она, покрывая ему ротъ ладонью, бормотала: «Тише, тише... сосѣди...»

«Это по крайней мѣрѣ вещица, которая останется у тебя навсегда, — яснымъ голосомъ сказалъ дядя Генрихъ и слегка откинулся, откровенно любуясь статуэткой. — Въ семнадцать лѣтъ человекъ уже долженъ думать объ украшеніи своего будущаго кабинета, и, разъ ты любишь англійскія игры...» «Прелестъ», — сказалъ Мартынъ, не желая дядю обидѣть, и потрогалъ неподвижный шаръ у носка футболиста.

Домъ былъ деревянный, кругомъ росли густыя ели, туманъ скрывалъ горы; жаркая желтая Греція осталась дѣйствительно очень далеко. Но какъ живо еще было ощущеніе того гордаго, праздничнаго дня: у меня есть любовница! Какой заговорщическій видъ былъ потомъ вечеромъ у синей кушетки! Ложась спать, Черносвитовъ все такъ же скребъ лопатки, принималъ усталыя позы, потомъ скрипѣлъ въ темнотѣ, просилъ не тяжелить воздуха, наконецъ храпѣлъ, посвистывая носомъ, и Мартынъ думалъ: ахъ, если бъ онъ зналъ... И вотъ однажды, когда мужу

полагалось быть въ городѣ, а въ его и Мартыновой комнатѣ, на кушеткѣ, Алла уже поправляла платье, успѣвъ «заглянуть въ рай», какъ она выражалась, межъ тѣмъ, какъ Мартынъ, вспотѣвшій и растрепанный, искалъ запонку, оброненную въ томъ же раю, — вдругъ, сильно толкнувъ {48} дверь, вошелъ Черносвитовъ и сказалъ: «Ишь ты гдѣ, матушка. Я, конечно, забылъ захватить съ собой письмо Спиридонова. Хорошенькое было бы дѣло». Алла провела ладонью по смятой юбкѣ и спросила, наморщивъ лобъ: «А онъ уже далъ свою подпись?» «Этотъ старый скотъ Бернштейнъ все воду возить, — сказалъ Черносвитовъ, роясь въ чемоданѣ. — Если они желаютъ задерживать деньги, то пусть сами, скоты, выкручиваются». «Главное, — сказала Алла, — не забудь объ отсрочкѣ. Ну что, нашелъ?» — «На катерѣ къ чертовой матери — бормоталъ Черносвитовъ, перебирая какіе-то конверты. — Оно должно быть. Не могло жъ оно запропасться въ самомъ дѣлѣ». «Если оно пропало, тогда вообще все пошло прахомъ», — сказала она недовольно. «Тянуть, тянуть, — бормоталъ Черносвитовъ, — вотъ и возись съ ними. Опупѣть можно. Я буду очень радъ, если Спиридоновъ откажется». — «Да ты не волнуйся такъ, найдется», — сказала Алла, но видимо и сама была встревожена. — «Есть, слава Тебѣ, Господи!» — воскликнулъ Черносвитовъ и скользнулъ глазами по найденному листку, при чемъ отъ вниманія челюсть у него отвисла. — «Не забудь сказать объ отсрочкѣ», — напомнила ему Алла. «Добже», — сказалъ Черносвитовъ и поспѣшно вышелъ.

Этотъ дѣловой разговоръ привелъ Мартына въ нѣкоторое недоумѣніе. Ни мужъ, ни жена не притворялись, — они дѣйствительно совершенно забыли о его присутствіи, погрузившись въ свои заботы. Алла, однако, сразу вернулась къ прежнему настроенію, посмѣялась, что въ Греціи такія скверныя дверныя задвижки — сами выскакиваютъ, — а на тревожный вопросъ Мартына пожала плечами: {49} «Ахъ, я увѣряю тебя, онъ ничего не замѣтилъ». Ночью Мартынъ долго не могъ уснуть и все съ тѣмъ же недоумѣніемъ прислушивался къ самодовольному храпу. Когда, черезъ три дня, онъ съ матерью отплывалъ въ Марсель, Черносвитовы пріѣхали провожать въ Пирей: они стояли на пристани, держась подруку, и Алла улыбалась и махала мимозовой вѣткой. Наканунѣ, впрочемъ, она всплакнула.

Х.

На нее, на эту заглавную картинку, оказавшуюся послѣ снятія полупрозрачнаго листка, грубоватой, подчеркнута яркой, Мартынъ

снова опустил дымку, сквозь которую краски приобрѣтали таинственную прелесть.

И на большомъ трансатлантическомъ пароходѣ, гдѣ все было чисто, отшлифованно, просторно, гдѣ былъ магазинъ туалетныхъ вещей, и выставка картинъ, и аптека, и парикмахерская, и гдѣ по вечерамъ танцевали на палубѣ тустэпъ и фокстротъ, — онъ съ восторженной грустью думалъ о той милой женщинѣ, о ея нѣжной, слегка впалой груди и ясныхъ глазахъ, и о томъ, какъ непрочно похрустывала она въ его объятіяхъ, приговаривая: «Ай, сломаешь». Межъ тѣмъ, близка была Африка, на горизонтѣ съ сѣвера появилась лиловая черта Сициліи, а затѣмъ пароходъ скользнулъ между Корсикой и Сардиніей, и всѣ эти узоры знойной суши, которая была гдѣ-то кругомъ, гдѣ-то близко, но проходила невидимкой, плѣняли Мартына своимъ безплотнымъ присутствіемъ. А по пути изъ Марселя въ Швейцарію {50} онъ какъ будто узналъ любимые ночные огни на холмахъ, — и хотя это не былъ уже *train de luxe*, а простой курьерскій поѣздъ, тряскій, темный, грязный отъ угольной пыли, волшебство было тутъ, какъ тутъ: эти огни и вопли во мракѣ... По дорогѣ, въ автомобилѣ, между Лозанной и дядинымъ домомъ, расположеннымъ повыше въ горахъ, Мартынъ, сидя рядомъ съ шоферомъ, изрѣдка съ улыбкой поворачивался къ матери и дядѣ, которые оба были въ большихъ автомобильныхъ очкахъ и одинаково держали на животахъ руки. Генрихъ Эдельвейсъ остался холостъ, носилъ толстые усы, и нѣкоторыя его интонаціи да манера возиться съ зубочисткой или ковырялкой для ногтей напоминали Мартыну отца. При встрѣчѣ съ Софьей Дмитріевной на вокзалѣ въ Лозаннѣ, дядя Генрихъ разрыдался, рукой прикрылъ лицо, но погода, въ ресторанѣ, успокоился и на своемъ пышноватомъ французскомъ языкѣ заговорилъ о Россіи, о своихъ прежнихъ поѣздкахъ туда. «Какъ хорошо, — сказалъ онъ Софѣ Дмитріевнѣ, — какъ хорошо, что твои родители не дожили до этой страшной революціи. Я помню превосходно старую княгиню, ея бѣлые волосы... Какъ она любила бѣднаго, бѣднаго Сержа», — и при воспоминаніи о двоюродномъ братѣ у Генриха Эдельвейса опять налились глаза голубой слезой. «Да, моя мать его любила, это правда, — сказала Софья Дмитріевна, — но она вообще всѣхъ и все любила. А ты мнѣ скажи, какъ ты находишь Мартына», — быстро продолжала она, пытаясь отвлечь Генриха отъ печальныхъ темъ, принимавшихъ въ его пушистыхъ устахъ оттѣнокъ нестерпимой сентиментальности, «Похожъ, похожъ, — закивалъ Генрихъ. — Тотъ же большой {51} лобъ, прекрасные зубы...» «Но, правда, онъ возмужалъ? — поспѣшно перебила Софья Дмитріевна. — И, знаешь, у него уже были увлеченія, страсти». Дядя Генрихъ перешелъ на политическія темы. «Эта революція, — спросилъ

онъ реторически, — какъ долго она можетъ длиться? Да, этого никто не знаетъ. Бѣдная и прекрасная Россія гибнетъ. Можетъ быть твердая рука диктатора положить конецъ эксцессамъ. Но многія прекрасныя вещи, ваши земли, ваши опустошенныя земли, вашъ деревенскій домъ, сожженный сволочью, — всему этому слѣдуетъ сказать прощай». «Сколько стоятъ лыжи?» — спросилъ Мартынъ. «Не знаю, — со вздохомъ отвѣтилъ дядя Генрихъ. — Я никогда не развлекался этимъ англійскимъ спортомъ. И у тебя англійскій акцентъ. Это дурно. Мы перемѣнимъ все это». «Онъ многое перезабылъ, — вступилась за сына Софья Дмитриевна. — Послѣдніе годы Mlle Planche уже не давала уроковъ». «Умерла, — съ чувствомъ сказалъ дядя Генрихъ. — Еще одна смерть». «Да нѣтъ, — улыбнулась Софья Дмитриевна. — Откуда ты взялъ? Она вышла замужъ за финна и спокойно живетъ въ Выборгѣ». «Во всякомъ случаѣ все это очень грустно, — сказалъ дядя Генрихъ. — Я такъ желалъ, чтобы когда-нибудь Сержъ съ вами пріѣхалъ сюда. Но никогда не имѣешь того, о чемъ мечтаешь, и Богъ одинъ знаетъ судьбу людей. Если вы утолили голодъ и навѣрное больше ничего не хотите, можемъ отправиться въ путь».

Дорога была свѣтлая, излучистая; справа поднималась скалистая стѣна съ цвѣтущими колючими кустами въ трещинахъ, слѣва былъ обрывъ, долина, гдѣ серповидной пѣной, уступами, бѣжала вода; затѣмъ появились черныя {52} ели, онѣ стояли тѣснымъ строемъ то на одномъ склонѣ, то на другомъ; окрестъ, незамѣтно передвигаясь, высились зеленуватыя, въ снѣговыхъ проплѣшинахъ, горы, изъ-за плечъ этихъ горъ смотрѣли другія, посѣрѣе, а совсѣмъ вдаль поднимались горы лиловой гуашевой бѣлизны, и эти были совершенно неподвижны, и небо надъ ними словно выцвѣло по сравненію съ ярко-синими просвѣтами между верхушками черныхъ елей, подъ которыми катился автомобиль. Вдругъ, съ непривычнымъ еще чувствомъ, Мартынъ вспомнилъ густую, еловую опушку русскаго парка сквозь синее ромбовидное стекло на верандѣ, — а когда, разминая слегка звенящія ноги, съ прозрачнымъ гудомъ въ головѣ, онъ вышелъ изъ автомобиля, его поразили запахъ земли и тающего снѣга, шероховатый свѣжій запахъ, и еловая красота дядинаго дома. Стоялъ онъ особнякомъ въ полуверстѣ отъ деревни, и съ верхняго балкона былъ одинъ изъ тѣхъ дивныхъ видовъ, которые прямо пугаютъ своимъ воздушнымъ совершенствомъ, а въ чистенькой уборной, гдѣ пахло смолой, густо синѣло въ оконце опять это весеннее дачное небо, и кругомъ, въ саду съ голыми черными клумбами и цвѣтущими яблонями въ глубинѣ, въ еловомъ бору, сразу за садомъ, и на мягкой дорогѣ, ведущей въ деревню, была прохладная, веселая, что-то знающая тишина, и

голова слегка кружилась, не то отъ этой тишины, не то отъ запаховъ, не то отъ новой, блаженной косности послѣ трехчасовой ѣзды.

Въ этомъ домѣ Мартынь прожилъ до поздней осени. Предполагалось, что зимой онъ поступитъ въ женевскій университетъ; однако, послѣ живой переписки съ друзьями въ Англии, Софья Дмитриевна опредѣлила его въ Кембриджъ. {53} Дядя Генрихъ не сразу съ этимъ примирился, — онъ англичанъ недолюбливалъ, холодный коварный народъ. Зато мысль объ издержкахъ, которыхъ потребуесть знаменитый университетъ не только его не огорчала, а напротивъ была соблазнительна. Любя экономить по мелочамъ, въ лѣвой рукѣ зажимая грошъ, онъ правой охотно выписывалъ крупные чеки, — особенно, когда расходъ являлся почетнымъ. Иногда онъ трогательно игралъ самодура, хряпалъ ладонью по столу, раздувалъ усы и кричалъ: «Если я это дѣлаю, то потому, что мнѣ пріятно!» И Софья Дмитриевна со вздохомъ натягивала на кисть новые часики-браслетъ изъ Женевы, а Генрихъ, размякнувъ, лѣзъ въ карманъ, вытягивалъ объемистый платокъ съ голубой каемкой, встряхивалъ его, и, скрывая набѣжавшія слезы, трубилъ разъ, трубилъ два, затѣмъ приглаживалъ усы — вправо и влево.

Съ наступленіемъ лѣта погнали крестами мѣченныхъ овецъ еще выше въ горы. Неизвѣстно откуда, съ какой стороны, начиналъ доноситься журчащій металлическій звонъ, плылъ, обволакивалъ, вызывалъ у слушателя странную щекотку во рту, и вотъ, въ облакъ пыли, сѣрой, курчавой густыней, лились, мягко толкаясь, овечьи спины въ перемѣнчивой и подвижной тѣснотѣ, и влажный, полый, услаждающій всѣ чувства звонъ колоколицевъ все росъ, наливался, такъ таинственно, словно звучала самая пыль, клубящаяся надъ овцами; порою одна выбивалась изъ стада, пробѣгала трусцою, и лохматая собака молча ее оттѣсняла въ стадо, и сзади шель, мягко ступая, пастухъ, — и звонъ колоколицевъ чуть мѣнялся въ тембрѣ, становился опять глуше, тише, но долго еще стоялъ въ воздухѣ, {54} вмѣстѣ съ летучей пылью. «Ахъ, какъ славно», — шепталъ про себя Мартынь, дослушавъ звонъ до конца, и продолжалъ путь, любимую свою прогулку, начинавшуюся деревенской дорогой и тропинками въ еловой глуши. Боръ внезапно рѣдѣлъ, появлялись крутые сочные луга, каменистая стежка спускалась между живыхъ изгородей; иногда навстрѣчу поднималась корова съ мокрой розовой мордой, останавливалась, похлестывая хвостомъ, и, качнувъ головой вбокъ, проходила, и слѣдомъ за ней шла проворная старушка съ дубинкой и кидала на Мартына недоброжелательный взглядъ. А ниже, за тополями и кленами, бѣлѣла большая гостиница, хозяинъ которой былъ въ отдаленномъ родствѣ съ Эдельвейсомъ.

За это лѣто Мартынъ еще больше окрѣпъ, увеличился размахъ плечъ, и голосъ пріобрѣлъ ровный и низкій звукъ. Межъ тѣмъ на душѣ у него было сумбурно, и чувство, несовсѣмъ понятное, возбуждали такія вещи, какъ дачная прохлада въ комнатахъ, столь отчетливая послѣ наружной жары, толстый шмель, съ обиженнымъ жудомъ стучащій по потолку, еловыя лапы на синевѣ неба, или крѣпкій коричневый боровикъ, найденный на опушкѣ. Будущая поѣздка въ Англію волновала и радовала его. Воспоминаніе объ Аллѣ Черносветовой достигло окончательнаго совершенства, и онъ себѣ говорилъ, что недостаточно цѣнилъ фалерское счастье. Жажда, которую та, утоляя, только обострила, такъ мучила его въ эти горные лѣтніе дни, что по ночамъ онъ долго не могъ забыться, представляя себѣ, среди многихъ приключеній, всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя ждутъ его въ свѣтающихся городахъ, и, случалось, повторялъ вслухъ какое-нибудь женское имя — Изабелла, {55} Нина, Маргарита, — еще холодное, нежилое имя, пустой гулкій домъ, куда медлитъ вселиться хозяйка, — и гадалъ, какое изъ этихъ именъ станетъ вдругъ живымъ, столь живымъ и естественнымъ, что уже никогда нельзя будетъ произнести его такъ таинственно, какъ сейчасъ. А по утрамъ приходила изъ деревни пособлять старой горничной племянница ея Марія, семнадцатилѣтняя дѣвочка, очень тихая и миловидная, съ темно-розовыми щеками и туго закрученными вокругъ головы желтыми косами. Бывало такъ, что Мартынъ въ саду, а она вдругъ распахиваетъ верхнее окошко и, отряхнувъ тряпку, замираетъ, глядя, быть можетъ, на овальные тѣни облаковъ, скользящія по склонамъ горъ; затѣмъ проводитъ тыломъ руки по виску и медленно отворачивается. Мартынъ поднимался въ комнаты, опредѣлялъ по сквознякамъ, гдѣ происходитъ уборка, и среди блеска мокрыхъ половицъ Марія, задумавшись, стояла на колѣняхъ: онъ видѣлъ ее со спины, ея черныя шерстяные чулки и зеленое, въ горошинку, платье. Она никогда не смотрѣла на Мартына, только разъ — и это было событіе — проходя мимо съ пустымъ ведромъ, неопредѣленно и нѣжно улыбулась, однако не ему, а цыплятамъ. Онъ упорно давалъ себѣ обѣтъ заговорить съ ней, да потихоньку обнять, но однажды, послѣ ея ухода, Софья Дмитриевна потянула носомъ, поморщилась и поспѣшно открыла всѣ окна, — и Мартынъ проникся къ Маріи досадливымъ отвращеніемъ и только очень постепенно, по мѣрѣ ея слѣдующихъ далекихъ появленій, — въ раскрывшемся окнѣ, или въ просвѣтѣ листвы близъ колодца, — опять началъ поддаваться очарованію, но уже боялся приблизиться. Такъ что-то счастливое, томное, {56} его издалека заманивало, но было обращено не къ нему. Какъ то разъ, забравшись высоко въ горы, онъ сѣлъ съ ногами на большой лобатый камень, и снизу, вьющейся тропой, прошло стадо, музыкально и грустно

булькающая, а затѣмъ двое, оборванный, веселый мужчина и дѣвушка, которая, все посмѣиваясь, вязала на ходу чулокъ. Они прошли, не взглянувъ на Мартына, словно былъ онъ безплотенъ, и онъ долго слѣдилъ за ними: мужчина, не мѣняя шага, перекинулъ руку черезъ плечо спутницы, и по ея затылку видно было, что она все вяжетъ, вяжетъ, неторопливо спускаясь въ другую долину. А не то около теннисной площадки передъ гостиницей появлялись, крича, бѣлѣясь платьями и отмахиваясь ракетками отъ оводовъ, барышни съ голыми руками, но, какъ только онѣ начинали играть — какая топорность, какая беспомощность, — тѣмъ болѣе, что самъ Мартынъ игралъ превосходно, разбивалъ въ лоскъ любого молодого аргентинца изъ гостиницы, ибо сызмала усвоилъ ладъ, необходимый для наслажденія природой шара, согласованность всѣхъ членовъ, такъ что каждый ударъ по бѣлому мячу, начинаясь съ дугового налета, еще длится послѣ звучной вспышки ракетныхъ струнъ, проходя по мышцамъ руки до самаго плеча, какъ бы замыкая плавный кругъ, изъ котораго такъ же плавно родится слѣдующій. Въ жаркій августовскій день возникъ на площадкѣ профессиональный игрокъ, Бобъ Китсонъ изъ Ниццы, и предложилъ Мартыну партію. Знакомая глупая дрожь — отместка слишкомъ живого воображенія. Все же Мартынъ началъ хорошо, то прихлопывая мячъ на излетѣ у самой сѣтки, то съ задней черты мощно лупя въ отдаленнѣйшій уголъ. Кругомъ стояли {57} и смотрѣли, — это было пріятно. Горѣло лицо, и до безумія хотѣлось пить. Подавая, обрушиваясь на мячъ и сразу превращая наклонъ тѣла въ быстрый пробѣгъ къ сѣткѣ, Мартынъ собирался взять рѣшительную игру. Но профессиональ, долговязый, хладнокровный юноша въ очкахъ, игравшій точно съ лѣнцой, вдругъ проснулся и пятью молніевидными ударами сравнял положеніе. Мартынъ почувствовалъ усталость и безпокойство. Солнце — въ глаза. Вылѣзаетъ изъ-подъ пояса рубашка. Если Китсонъ возьметъ этотъ пунктъ, — все кончено. Тотъ, изъ неудобнаго угла, далъ свѣчку, и Мартынъ, отбѣгая кѣкъ-уокомъ, приготовился мячъ убить. Пока онъ низвергалъ ракету, ему мгновенно померещился проигрышъ, злорадство обычныхъ его партнеровъ. Увы, мячъ тупо плюхнулъ въ сѣтку. «Не повезло», — бодро сказалъ Китсонъ, и Мартынъ осклабился, героически преодолевая досаду.

XII.

Возвращаясь домой, онъ переигрывалъ въ умѣ всѣ удары, обращалъ поражение въ побѣду и качалъ головой: трудно, трудно изловить счастье. Скрытые листвою, журчали ручьи, съ мокрыхъ мѣстъ на

дорогѣ вспархивали голубыя бабочки, въ кустахъ возились птицы, — все было до грусти солнечно и безопасно. Вечеромъ, послѣ обѣда, сидѣли, какъ всегда, въ гостиной, дверь была широко открыта на террасу, и, такъ какъ испортилось электричество, горѣли въ канделябрахъ свѣчи: изрѣдка пламя ихъ наклонялось, и тогда изъ-подъ всѣхъ креселъ вытягивались {58} черныя тѣни. Мартынъ, копя въ носу, читалъ томикъ Мопассана со старомодными иллюстраціями: Бель-Ами, усатый, въ стоячемъ воротничкѣ, обнажающій съ ловкостью камеристки стыдливую, широкобедрую женщину. Дядя Генрихъ, отложивъ газету и подбоченясь, смотрѣлъ на карты, которыя раскладывала на ломберномъ столѣ Софья Дмитріевна. Въ окна и въ дверь напирала съ террасы теплая, черная ночь. Поднявъ голову, Мартынъ вдругъ настораживался, словно былъ какой-то смутный призывъ въ этой гармоніи ночи и свѣчъ. «Послѣдній разъ онъ у меня вышелъ въ Россіи, — проговорила Софья Дмитріевна. — Онъ вообще выходитъ очень рѣдко». Разставя пальцы, она собрала разсыпанныя по столу карты и принялась ихъ вновь тасовать. Дядя Генрихъ вздохнулъ.

Наскуча книгой, Мартынъ потянулся и вышелъ на террасу. Было очень темно, пахло сыростью и ночными цвѣтами. Сорвалась звѣзда и, конечно, какъ это обычно бываетъ, — не совсѣмъ въ полѣ зрѣнія, а сбоку, такъ что глазъ уловилъ лишь трепеть, мгновенную, беззвучную перемѣну въ небѣ. Очертанія горъ были неразборчивы, и въ складкахъ мрака дрожало тамъ и сямъ по два, по три огонька. «Путешествіе», — вполголоса произнесъ Мартынъ и долго повторялъ это слово, пока изъ него не выжалъ всякій смыслъ, и тогда онъ отложилъ длинную, пушистую словесную шкурку, и глядь, — черезъ минуту слово было опять живое. «Звѣзда. Туманъ. Бархатъ, бар-хатъ», — отчетливо произносилъ онъ и все удивлялся, какъ непрочно смыслъ держится въ словѣ. И въ какую даль этотъ человѣкъ забрался, какія уже перевидалъ страны, и что онъ дѣлаетъ тутъ, ночью, въ горахъ, — и отчего все въ мірѣ {59} такъ странно, такъ волнительно. «Волнительно», — повторилъ громко Мартынъ и остался словомъ доволенъ. Опять покатила звѣзда. Онъ уставился глазами въ небо, какъ нѣкогда, когда въ коляскѣ, темной лѣсной дорогой, возвращались во-свои изъ имѣнія сосѣда, и совсѣмъ маленькій, размаянный, готовый вотъ-вотъ уснуть, Мартынъ откидывалъ голову, смотрѣлъ на небесную рѣку, между древесныхъ клубьевъ, по которой тихо плылъ. Онъ подумалъ: гдѣ еще въ жизни будетъ такъ — какъ тогда, какъ сейчасъ — смотрѣть на ночное небо, — на какой пристани, на какой станціи, на какихъ площадяхъ? Чувство богатого одиночества, которое онъ часто испытывалъ среди толпы, блаженное чувство, когда себѣ говоришь: вотъ, никто изъ этихъ людей, заня-

тыхъ своимъ дѣломъ, не знаетъ, кто я, откуда, о чемъ сейчасъ думаю, — это чувство было необходимо для полнаго счастья, и Мартынъ, съ замираніемъ, съ восторгомъ себѣ представлялъ, какъ — совершенно одинъ, въ чужомъ городѣ, въ Лондонѣ, скажемъ, — будетъ бродить ночью по неизвѣстнымъ улицамъ. Онъ видѣлъ черные кэбы, хлюпающіе въ туманѣ, полицейскаго въ черномъ блестящемъ плащѣ, огни на Темзѣ, — и другіе образы изъ англійскихъ книгъ. Оставивъ багажъ на вокзалѣ, онъ шелъ мимо безчисленныхъ освѣщенныхъ Дрюсовъ и, волнуясь, искалъ Изабеллу, Нину, Маргариту, кого-нибудь, чѣмъ именемъ назвать эту ночь. А она, — за кого она его приметъ? За художника, за моряка, за джентльмена-взломщика? Отъ денегъ она откажется, будетъ нѣжна, по утру не захочетъ отпустить. Но какъ улицы туманны, какъ многолюдны, какъ трудно найти... И хотя многое выглядѣло иначе, хотя кэбы уже повымерли, {60} кое-что онъ все же узналъ, когда осеннимъ вечеромъ вышелъ налегкѣ съ вокзала Викторіи, узналъ темный, маслянистый воздухъ, мокрый плащъ полицейскаго, отблески, шлепающіе звуки. На вокзалѣ онъ отлично вымылся подъ душемъ въ веселенькой чистой каморкѣ, вытерся теплымъ, мохнатымъ полотенцемъ, которое принесъ краснощекай служитель, надѣлъ чистое бѣлье, лучший костюмъ, оставилъ оба чемодана на храненіи и теперь былъ гордъ, что такъ толково устроился. Онъ едва чувствовалъ дорожную усталость: была только звонкость, волненіе. Громадные автобусы яростно и тяжело разбрызгивали озера на асфальтѣ; свѣтовые рекламы взбѣгали и разсыпались по фронтонамъ багровыхъ домовъ. Онъ встрѣчалъ, обгонялъ женщинъ, оборачивался, — но чѣмъ красивѣе было лицо, тѣмъ труднѣе было рѣшиться. Свѣтлыхъ, привлекательныхъ кафе, какъ въ Афинахъ или въ Лозаннѣ, тутъ не было, а въ барѣ, гдѣ онъ выпилъ стаканъ пива, оказались одни мужчины, воспаленные, лупоглазые, съ красными жилками на бѣлкахъ. Мало-по-малу имъ овладѣвало смутное раздраженіе: русская семья, у которой по письменному сговору онъ долженъ былъ на недѣлю остановиться, вотъ сейчасъ ждетъ его, беспокоится. Онъ подумалъ, не сѣсть ли спокойно въ таксомоторъ, не отказаться ли отъ этой ночи. Но тутъ же ему стало стыдно его недовѣрчивости къ ней, — какъ напряженно онъ о ней мечталъ нынче на разсвѣтѣ, глядя въ окно поѣзда на равнины, на розовое холодное небо, на черный силуэтъ вѣтряной мельницы. «Малодушіе и предательство», — тихо сказалъ Мартынъ. Онъ замѣтилъ, что во второй разъ проходитъ той же улицей, узналъ ее по витринѣ, полной жемчужныхъ {61} ожерелій. Онъ сталъ и мелькомъ провѣрилъ давнее свое отвращеніе къ жемчугамъ: устричные геморроиды, круглявые, съ нездоровымъ отливомъ. Рядомъ съ нимъ остановилась женщина подъ зонтикомъ. Мартынъ искоса посмотрѣлъ: худенькая,

черный костюмъ, сіяющая булавка въ шляпѣ. Она повернула лицо, улыбнулась и, выпучивъ губы, издала маленькій звукъ вродѣ удлиненнаго «у». Мартынъ увидѣлъ, какъ въ ея глазахъ бѣгутъ огни, переливы, блескъ дождя, и хриплымъ шопотомъ пожелалъ ей добраго вечера.

Какъ только они оказались въ темнотѣ таксомотора, онъ обнялъ ее, шалѣя отъ ощущенія ея гибкой худобы. Она закрывалась руками и хохотала. Потомъ, въ номерѣ, когда онъ неловко вынулъ бумажникъ, она сказала: «Нѣтъ, нѣтъ, если хотите, завтра поведете меня обѣдать въ шикарное мѣсто». Она спросила, кто онъ, не французъ ли, и стала по его просьбѣ гадать: бельгіецъ? датчанинъ? голландецъ? И не повѣрила, когда онъ сказалъ: русскій. Далѣе онъ намекнулъ ей, что зарабатываетъ жизнь карточной игрой на большихъ пароходахъ, повѣдалъ ей о своихъ странствіяхъ, кое-что расцвѣтилъ, кое-что прибавилъ и, описывая никогда имъ невиданный Неаполь, глядѣлъ съ любовью на ея голыя дѣтскія плечи, на стриженую русую голову, и былъ совершенно счастливъ. Рано утромъ, пока онъ мирно спалъ, она быстро одѣлась и ушла, выкравъ изъ его бумажника десять фунтовъ. «Утро послѣ дебоша», — съ улыбкой подумалъ Мартынъ, захлопнувъ бумажникъ, который поднялъ съ полу. Онъ облился изъ кувшина, устроивъ потопъ, и все улыбался, вспоминая прелестную ночь. Было немного жалко, что она такъ глупо {62} ушла, что больше никогда онъ ее не встрѣтитъ. А звали ее Бэссъ. Когда же онъ вышелъ изъ гостиницы и пошелъ по утреннимъ просторнымъ улицамъ, то ему хотѣлось прыгать и пѣть отъ счастья, и, чтобы какъ-нибудь облегчить душу, онъ взобрался на лѣсенку, прислоненную къ фонарю, изъ-за чего имѣлъ долгое и смѣшное объясненіе съ пожилымъ прохожимъ, грозившимъ снизу тростью.

ХІІІ.

Второй нагоняй онъ получилъ отъ Зилановой, Ольги Павловны. Наканунѣ она прождала его до поздняго вечера и, такъ какъ полагала почему-то, что Мартынъ и моложе и безпомощнѣе, чѣмъ оказался на самомъ дѣлѣ, разволновалась, не знала, что предпринять. Онъ объяснилъ, что вчера хватился адреса, а нашелъ его только сегодня въ мало посѣщаемомъ карманчикѣ, и что ночевалъ въ гостиницѣ у вокзала. Ольга Павловна захотѣла узнать, почему онъ не позвонилъ по телефону, и какъ называется гостиница. Мартынъ придумалъ хорошее, незаурядное названіе: Гудъ-Найтъ Отель, — и объяснилъ, что искалъ въ телефонной книжкѣ номеръ, но не нашелъ. «Эхъ, вы», — недовольно сказала Зиланова и вдругъ улыбнулась изумительно прекрасной улыб-

кой, совершенно преобразившей ее дряблѣе, унылое лицо. Мартынъ помнилъ эту улыбку еще по Петербургу, и такъ какъ онъ былъ тогда дитя, а говоря съ чужими дѣтьми женщины обычно улыбаются, его память сохранила Зиланову съ сіяющимъ лицомъ, и {63} онъ на-пер-вахъ былъ озадаченъ, найдя ее такой старой и хмурой.

Ея мужъ, извѣстный общественный дѣятель, былъ временно въ отъѣздѣ, и Мартына помѣстили въ его кабинетъ. Кабинетъ и столовая находились въ первомъ этажѣ, гостиная во второмъ, спальни въ третьемъ. Изъ такихъ узко-фасадныхъ домовъ, другъ отъ друга неотличимыхъ и съ одинаковымъ расположеніемъ комнатъ по вертикали, состояла вся эта тихая, неторговая улица, оживленная красной почтовой тумбищей на углу. Позади праваго ряда домовъ были палисадники, гдѣ лѣтомъ цвѣли рододендроны, а за лѣвымъ рядомъ желтѣлъ и облеталъ скверъ съ большими ильмами и съ муравчатой площадкой для тенниса.

Старшая дочь Зиланова, Нелли, недавно вышла замужъ за русскаго офицера, попавшаго въ Англію изъ нѣмецкаго плѣна. Младшая, Соня, кончала въ Лондонѣ среднюю школу, куда неожиданно перешла изъ пятого класса Стоюнинской гимназіи. Существовала еще сестра Зилановой, Елена Павловна, и ея дочка Ирина, несчастное безобразное существо — полудиотка.

Недѣля, которую Мартынъ, примѣриваясь къ Англіи, прожилъ въ этомъ домѣ, показалась ему довольно тягостной. День-деньской онъ былъ среди чужихъ, его не отпускали ни на шагъ. Соня додумала его тѣмъ, что высмѣивала его гардеробъ, сорочки съ крахмальными манжетами и твердоватой грудью, любимые ярко-лиловые носки, оранжевые башмаки съ шишковатыми носами, купленные въ Афинахъ. «Это американскіе», — съ нарочитымъ спокойствіемъ сказалъ Мартынъ. «Американцы ихъ спеціально {64} дѣлаютъ, чтобы продавать неграмъ да русскимъ», — бойко возразила Соня. Далѣе оказалось, что Мартынъ не привезъ халата, и, когда онъ по утрамъ шелъ въ ванную, гордо закутанный въ простыню, Соня говорила, что это ей напоминаетъ ея двоюродныхъ братьевъ и товарищей ихъ, лицеистовъ, которые, гостя на дачѣ, спали нагишомъ, ходили по утрамъ въ простыняхъ и гадили въ саду. Кончилось тѣмъ, что Мартынъ накупилъ въ Лондонѣ столько вещей, что десяти фунтовъ не хватило, и пришлось писать дядѣ, а это было особенно непріятно въ виду туманныхъ объясненій, которыхъ потребовало исчезновеніе другихъ десяти фунтовъ. Да, тяжелая, неудачная недѣля. Вѣдь и англійское произношеніе, которымъ Мартынъ тихо гордился, тоже послужило поводомъ для изысканно насмѣшливыхъ поправокъ. Такъ, совершенно неожиданно, Мартынъ попалъ въ неучи, въ недо-росли, въ маменькины сынки. Онъ считалъ, что это несправедливо, что

онъ въ тысячу разъ больше перечувствовалъ и испыталъ, чѣмъ барышня въ шестнадцать лѣтъ. И съ нѣкоторымъ злорадствомъ онъ расколошматилъ на теннисѣ какихъ-то ея молодыхъ людей, а вечеромъ наканунѣ отъѣзда превосходно танцевалъ подѣ гавайскій плачь граммофона туст-эпъ, которому научился еще въ Средиземномъ морѣ.

Въ Кембриджѣ онъ и подавно почувствовалъ себя иностранцемъ. Встрѣчаясь съ англичанами-студентами, онъ, дивясь, отмѣчалъ свое несомнѣнное русское нутро. Отъ полуанглійскаго дѣтства у него остались только такія вещи, которыя у коренныхъ англичанъ, его сверстниковъ, читавшихъ въ дѣтствѣ тѣ же книги, затуманились, уложились въ должную перспективу, — а жизнь Мартына въ одномъ {65} мѣстѣ круто повернула, пошла по другому пути, и тѣмъ самымъ обстановка и навыки дѣтства получили для него привкусъ нѣкоторой сказочности, и какая-нибудь книга, любимая въ тѣ дни, оставалась по сейчасъ въ его памяти прелестнѣе и ярче, чѣмъ та же книга въ памяти сверстниковъ-англичанъ. Онъ помнилъ и говорилъ словечки, которыя десять лѣтъ назадъ были въ ходу среди англійскихъ школьниковъ, а нынѣ считались либо вульгарными, либо до смѣшнаго старомодными. Синимъ пламенемъ пылающій пламъ-пуддингъ подавался въ Петербургѣ не только на Рождествѣ, какъ въ Англии, а въ любой день, и, по мнѣнію многихъ, у повара Эдельвейсовъ онъ выходилъ лучше, чѣмъ покупные. Въ футболъ петербуржцы играли на твердой землѣ, а не на дернѣ, и штрафной ударъ обозначался неизвѣстнымъ въ Англии словомъ «пендель». Цвѣта полосатой курточки, купленной когда-то у Дрюса, Мартынъ бы теперь не смѣлъ носить, такъ какъ они отвѣчали спортивной формѣ опредѣленнаго училища, воспитанникомъ котораго онъ никогда не состоялъ. И вообще все это англійское, довольно въ сущности случайное, процѣживалось сквозь настоящее, русское, принимало особые русскіе оттѣнки.

XIV.

На заднемъ планѣ первыхъ кембриджскихъ ощущеній все время почему-то присутствовала великолѣпная осень, которую онъ только-что видѣлъ въ Швейцаріи. По утрамъ нѣжный туманъ заволакивалъ Альпы. Гроздь рябины лежала посреди дороги, гдѣ колеи были подернуты слюдянымъ {66} ледкомъ. Ярко-желтая листва березъ скудѣла съ каждымъ днемъ, несмотря на безвѣтріе, и съ задумчивымъ весельемъ глядѣло сквозь нее бирюзовое небо. Рыжѣли пышные папоротники; плыли по воздуху радужныя паутинки, которыя дядя Генрихъ называлъ волосами Богородицы. Иногда Мартынъ поднималъ голову, думая, что слышитъ

далекое, далекое курлыканіе журавлей, — но ихъ не было. Онъ много бродилъ, чего-то искалъ, ѣздилъ на скверномъ велосипедѣ одного изъ работниковъ по шелестящимъ тропинкамъ, а Софья Дмитріевна, сидя на скамейкѣ подъ кленомъ, задумчиво прокалывала остриемъ трости сырые багровые листья на бурой землѣ. Такой разнообразной и дикой красоты не было въ Англии, природа казалась оранжерейной, ручной; въ геометрическихъ садахъ, подъ морозящимъ небомъ, она умирала безъ роскошныхъ причудъ, но по-своему были прекрасны розовато-сѣрыя стѣны, прямоугольные газоны, покрытые въ рѣдкія погожія утра блѣднымъ серебромъ инея и выгнутый каменный мостикъ надъ узкой рѣчкой, образовавшей полный кругъ со своимъ совершеннымъ отраженіемъ.

Ни скверная погода, ни ледяная стужа спальни, гдѣ традиція запрещала топить, не могли измѣнить мечтательную жизнерадостность Мартына. Одиночество веселило его. Свою рабочую комнату, жаркій каминъ, пыльную піанолу, безобидныя литографіи по стѣнамъ, низкія плетенныя кресла и дешевыя фарфоровыя штучки на полочкахъ, — все это онъ отъ души полюбилъ. Когда, поздно вечеромъ, умирало священное пламя камина, онъ кочергой сгучивалъ мелкіе, еще тлѣющіе остатки, накладывалъ сверху щепокъ, наваливалъ гору угля, раздувалъ огонь фукающими {67} мѣхами или, занавѣсивъ пасть очага просторнымъ листомъ «Таймса», устраивалъ тягу: напряженный листъ пріобрѣталъ теплую прозрачность, и строки на немъ, мѣшаясь съ просвѣчивающими строками на исподѣ, казались диковинными знаками тарабарскаго языка. Затѣмъ, когда гулъ и бушеваніе огня усиливались, на газетномъ листѣ появлялось рыжее, темнѣющее пятно и вдругъ прорывалось, вспыхивалъ весь листъ, тяга мгновенно его всасывала, онъ улеталъ въ трубу, — и поздній прохожій, магистръ въ черномъ плащѣ, видѣлъ сквозь сумракъ готической ночи, какъ изъ трубы вырывается въ звѣздную высь огневласая вѣдьма, и на другой день Мартынъ платилъ денежный штрафъ.

Будучи одаренъ живымъ и общительнымъ нравомъ, Мартынъ оставался одинъ недолго. Довольно скоро онъ подружился съ нижнимъ жильцомъ, Дарвиномъ, да познакомился кое-съ-къмъ на футбольномъ полѣ, въ клубѣ, въ общей столовой. Онъ замѣтилъ, что всякій считаетъ должнымъ говорить съ нимъ о Россіи, выяснить, что онъ думаетъ о революціи, объ интервенціи, о Ленинѣ и Троцкомъ, а иные, побывавшіе въ Россіи, хвалили русское хлѣбосольство или спрашивали, не знаетъ ли онъ случайно Иванова изъ Москвы. Мартыну такіе разговоры претили; небрежно взявъ со стола томъ Пушкина, онъ начиналъ переводить вслухъ стихи: «Люблю я пышное природы увяданье, въ багрець и золото одѣтые лѣса». Это возбуждало недоумѣніе, — и только одинъ Дарвинъ,

большой, сонный англичанинъ въ канареечно-желтомъ джамперѣ, раз-
валясь въ креслѣ, сопя трубкой и глядя въ потолокъ, одобрительно
кивалъ. {68}

Этотъ Дарвинъ, зачастивъ вечерами къ Мартыну, подробно
освѣтилъ, ему въ назиданіе, нѣкоторыя строгія, исконныя правила: не
полагается студенту ходить по улицѣ въ шляпѣ и въ пальто, какъ бы
холодно ни было; нельзя ни здороваться за руку, ни желать добраго
утра, а слѣдуетъ всякаго знакомаго, будь онъ самъ Томпсонъ, объявив-
шій войну атому, привѣтствовать широкой улыбкой и развязнымъ меж-
дометіемъ. Нехорошо кататься по рѣкѣ въ обыкновенной гребной
лодкѣ, — для этого есть роброи, пироги и другіе виды шлюпокъ.
Никогда не нужно повторять старыя университетскія остроты, кото-
рыми сразу увлекаются новички. «Но помните, — мудро добавилъ Дар-
винъ, — и въ соблюденіи этихъ традицій не слѣдуетъ заходить слиш-
комъ далеко, и иногда, чтобы огоршить снобовъ, бываетъ полезно
выйти на улицу въ котелкѣ, съ зонтикомъ подмышкой». У Мартына
создалось впечатлѣніе, что Дарвинъ уже давно, нѣсколько лѣтъ, въ уни-
верситетѣ, и онъ пожалѣлъ его, какъ жалѣлъ всякаго домосѣда. Дар-
винъ его поражалъ своей сонностью, медлительностью движеній, какой-
то комфортабельностью всего существа. Стремясь въ немъ возбудить
зависть, Мартынъ нахрапомъ ему рассказалъ о своихъ странствіяхъ,
безсознательно прибавивъ кое-что изъ присочиненнаго въ угоду Бэссъ,
и едва замѣтивъ, какъ вымыселъ утвердился. Эти преувеличенія были
впрочемъ невиннаго свойства: два-три пикника на крымской Яйлѣ
превратились въ постоянное бродяжничество по степямъ, съ палкой и
котомкой, Алла Черносветова — въ таинственную спутницу поѣздокъ
на яхтѣ, прогулки съ ней — въ долгое пребываніе на одномъ изъ грече-
скихъ острововъ, а лиловая черта Сициліи — въ {69} сады и виллы.
Дарвинъ одобрительно кивалъ, глядя въ потолокъ. Глаза у него были
голубоватые, пустые, безъ всякаго выраженія; подошвы, которыя онъ
всегда казалъ, такъ какъ любилъ полулежачія позы, съ высоко и удобно
пристроенными ногами, были снабжены сложной системой резиновыхъ
нашлепокъ. Все въ немъ, начиная отъ этихъ прочно подкованныхъ ногъ
и кончая костистымъ носомъ, было добротное, великое и невозмутимое.

XV.

Раза три въ мѣсяцъ Мартына призывалъ тотъ профессоръ, кото-
рый слѣдилъ за посѣщеніемъ лекцій, навѣщалъ въ случаѣ нездоровія,
давалъ разрѣшеніе на поѣздки въ Лондонъ и дѣлалъ замѣчанія по

поводу штрафовъ, навлекаемыхъ приходомъ домой за-полночь или неносеніемъ по вечерамъ академическаго плаща. Это былъ сухонькій старичекъ, съ вывернутыми ступнями и острымъ взглядомъ, латинистъ, переводчикъ Горація, большой любитель устриць. «Вы сдѣлали успѣхи въ языкѣ, — какъ-то сказалъ онъ Мартыну. — Это хорошо. Много ли у васъ уже набралось знакомыхъ?» «О, да», — отвѣтилъ Мартынъ. «А съ Дарвиномъ, напримѣръ, вы подружились?» «О, да», — повторилъ Мартынъ. «Я радъ. Это великолѣпный экземпляръ. Три года въ окопахъ, Франція и Месопотамія, крестъ Викторіи и ни одного ушиба, ни нравственнаго, ни физическаго. Литературная удача могла бы вскружить ему голову, но и этого не случилось». {70}

Кромѣ того, что Дарвинъ, прервавъ университетское ученіе, ушелъ восемнадцати лѣтъ на войну, а недавно выпустилъ книгу рассказовъ, отъ которыхъ знатоки безъ ума, Мартынъ услышалъ, что онъ первоклассный боксеръ, что дѣтство онъ провелъ на Мадерѣ и на Гавайскихъ островахъ, и что его отецъ — извѣстный адмиралъ. Собственный маленькій опытъ показался Мартыну ничтожнымъ, жалкимъ, онъ устыдился нѣкоторыхъ своихъ росказней. Когда вечеромъ къ нему ввалился Дарвинъ, было и смѣшно, и неловко. Онъ принялся исподволь выуживать про войну, про книгу, — и Дарвинъ отшучивался и говорилъ, что лучшая книга, имъ написанная, это маленькое пособіе для студентовъ, которое называлось такъ: «Полное описаніе шестидесяти семи способовъ проникнуть въ колледжъ Троицы послѣ закрытія воротъ, съ подробнымъ планомъ стѣнъ и рѣшетокъ, первое и послѣднее изданіе, множество разъ провѣренное ни разу не попавшимся авторомъ». Но Мартынъ настаивалъ на своемъ, на важномъ, на книгѣ рассказовъ, отъ которыхъ знатоки безъ ума, и наконецъ Дарвинъ сказалъ: «Ладно, я дамъ. Пойдемъ ко мнѣ въ логово».

Свое логово онъ обставилъ самъ по собственному вкусу: были тамъ какія-то сверхъестественно удобныя кожаныя кресла, въ которыхъ тѣло таяло, углубляясь въ податливую бездну, а на каминѣ стояла большая фотографія: разомлѣвшая, на боку лежащая сука и круглые наливные задки ея шестерыхъ сосунковъ. Да и вообще студенческихъ комнатъ Мартынъ уже перевидалъ немало: были такія, какъ его, — милыя, но жильцомъ не холеныя, съ чужими, хозяйскими, вещами, — была комната спортсмена {71} съ серебряными трофеями на каминѣ и сломаннымъ весломъ на стѣнѣ, была комната, заваленная книгами, засыпанная пепломъ, была, наконецъ, комната, гаже которой трудно сыскать, — почти пустая, съ яркожелтыми обоями, комната, гдѣ всего одна картина, но зато Сезаннъ, (эскизъ углемъ, женообразная загогулина), да стоитъ раскрашенный деревянный епископъ четырнадцатаго вѣка съ протянутой

культяпкой. Душевнѣй всѣхъ была комната Дарвина, особенно если присмотрѣться, пошарить: чего стоило, напримѣръ, собраніе номеровъ газеты, которую Дарвинъ издавалъ въ траншеяхъ: газета была веселая, бодрая, полная смѣшныхъ стиховъ, Богъ знаетъ, какъ и гдѣ набиралась, и въ ней помѣщались ради красоты случайныя клише, рекламы дамскихъ корсетовъ, найденныя въ разгромленныхъ типографіяхъ.

«Вотъ, — сказала Дарвинъ, доставъ книгу. — Бери». Книга оказалась замѣчательной; не рассказы, нѣтъ, скорѣе трактаты, — двадцать трактатовъ одинаковой длины; первый назывался «Штопоръ», и въ немъ содержались тысячи занятныхъ вещей о штопорахъ, объ ихъ исторіи, красотѣ и добродѣтеляхъ. Второй былъ о попугаяхъ, третій объ игральныхъ картахъ, четвертый объ адскихъ машинахъ, пятый объ отраженіяхъ въ водѣ. А одинъ былъ о поѣздахъ, и въ немъ Мартынъ нашелъ все, что любилъ — телеграфные столбы, обрывающіе взлетъ проводовъ, вагонъ-ресторанъ, эти бутылки минеральной воды, съ любопытствомъ глядящія въ окно на пролетающія деревья, этихъ лакеевъ съ сумасшедшими глазами, эту карликовую кухню, гдѣ потный поваръ въ бѣломъ колпакѣ, шатаясь, панируетъ рыбу. {72} Если бъ когда-нибудь Мартынъ думалъ стать писателемъ и былъ бы мучимъ писательской алчностью (столь родственной боязни смерти), постоянной тревогой, которая нудитъ запечатлѣть неповторимый пустякъ, — быть можетъ, страницы о мелочахъ, ему сокровенно знакомыхъ, возбудили бы въ немъ зависть и желаніе написать еще лучше. Вмѣсто этого онъ почувствовалъ такое теплое расположеніе къ Дарвину, что даже стало щекотно въ глазахъ. Когда же утромъ, идя на лекцію, онъ обогналъ его на углу, то, не глядя ему въ лицо, сказала, вполне корректно, что многое въ книгѣ ему понравилось, и молча пошелъ съ нимъ рядомъ, подлаживаясь подъ его лѣнивый, но машистый шагъ.

Аудиторіи разсѣяны были по всему городу. Ежели одна лекція сразу слѣдовала за другой, и онѣ читались въ разныхъ залахъ, то приходилось вскакивать на велосипедъ или поспѣшно топотать переулками, пересѣкать гулко-мощные двory. Чистыми голосами перекликались со всѣхъ башенъ куранты; по узкимъ улицамъ неся грохотъ моторовъ, стрекотаніе колесъ, звонки. Во время лекцій велосипеды сверкающимъ роємъ ластились къ воротамъ, ожидая хозяевъ. На кафедру всходилъ лекторъ въ черномъ плащѣ и со стукомъ клалъ на пюпитръ квадратную шапку съ кисточкой. {73}

XVI.

Поступая въ университетъ, Мартынъ долго не могъ избрать себѣ науку. Ихъ было такъ много, и всѣ — занимательныя. Онъ медлилъ на ихъ окраинахъ, всюду находя тотъ же волшебный источникъ живой воды. Его волновалъ какой-нибудь повисшій надъ альпійской бездною мостъ, одушевленная сталь, божественная точность расчета. Онъ понималъ того впечатлительнаго археолога, который, расчистивъ ходъ къ еще неизвѣстнымъ гробамъ и сокровищамъ, постучался въ дверь, прежде, чѣмъ войти, и, войдя, упалъ въ обморокъ. Прекрасны свѣтъ и тишина лабораторій: какъ хорошій ныряльщикъ скользитъ сквозь воду съ открытыми глазами, такъ, не напрягая вѣкъ, глядитъ фізіологъ на дно микроскопа, и медленно начинаютъ багровѣть его шея и лобъ, — и онъ говоритъ, оторвавшись отъ трубки: «Все найдено». Человѣческая мысль, летающая на трапеціяхъ звѣздной вселенной, съ протянутой подъ ней математикой, похожа была на акробата, работающаго съ сѣткой, но вдругъ замѣчающаго, что сѣтки въ сущности нѣтъ, — и Мартынъ завидовалъ тѣмъ, кто доходитъ до этого головокруженія и новой выкладкой превозмогаетъ страхъ. Предсказать элементъ или создать теорію, открыть горный хребетъ или назвать новаго звѣря, — все было равно заманчиво. Въ наукѣ исторической Мартыну нравилось то, что онъ могъ ясно вообразить, и потому онъ любилъ Карляйля. Плохо запоминая даты и {74} пренебрегая обобщеніями, онъ жадно выискивалъ живое, человѣческое, принадлежащее къ разряду тѣхъ изумительныхъ подробностей, которыми грядущія поколѣнія, пожалуй, пресытятся, глядя на старыя, морозящія фильмы нашихъ временъ. Онъ живо себѣ представлялъ дрожащій бѣлый день, простоту черной гильотины, и неуклюжую возню на помостѣ, гдѣ палачи тискаютъ голоплечаго толстяка, межъ тѣмъ, какъ въ толпѣ добродушный гражданинъ поднимаетъ подъ локотки любопытную, но низкорослую гражданку. Наконецъ, были науки, довольно смутныя: правовыя, государственныя, экономическія туманы; они устрашали его тѣмъ, что искра, которую онъ во всемъ любилъ, была въ нихъ слишкомъ далеко запрятана. Не зная, на что рѣшиться, что выбрать, Мартынъ постепенно отстранилъ все то, что могло бы слишкомъ ревниво его завлечь. Оставалась еще словесность. Были и въ ней для Мартына намеки на блаженство; какъ пронзала пустая бесѣда о погодѣ и спортѣ между Гораціемъ и Меценатомъ или грусть стараго Лира, произносящего жеманныя имена дочернихъ левретокъ, лающихъ на него! Такъ же, какъ въ Новомъ Завѣтѣ Мартынъ любилъ набрести на «зеленую траву», на «кубовый хитонъ», онъ въ литературѣ искалъ не общаго смысла, а неожиданныхъ, озаренныхъ

прогалинъ, гдѣ можно было вытянуться до хруста въ суставахъ и упоенно замереть. Читалъ онъ чрезвычайно много, но больше перечитывалъ, а въ литературныхъ разговорахъ бывали съ нимъ несчастные случаи: онъ разъ спуталъ, напримѣръ, Плутарха съ Петраркой и разъ назвалъ Кальдерона шотландскимъ поэтомъ. Расшевелить его удавалось не всякому писателю. Онъ оставался холоденъ, {75} когда, по дядиному совѣту, читалъ Ламартина, или когда самъ дядя декламировалъ со всхлипомъ «Озеро», качая головой и удрученно приговаривая «Comme s'est beau!» Перспектива изучать многословныя, водянистыя произведенія и вліяніе ихъ на другія многословныя, водянистыя произведенія была мало прельстительна. Такъ бы онъ, пожалуй, ничего не выбралъ, если бъ все время что-то не шептало ему, что выборъ его несвободенъ, что есть одно, чѣмъ онъ заниматься обязанъ. Въ великолѣпную швейцарскую осень онъ впервые почувствовалъ, что въ концѣ концовъ онъ изгнанникъ, обреченъ жить внѣ родного дома. Это слово «изгнанникъ» было сладчайшимъ звукомъ: Мартынъ посмотрѣлъ на черную еловую ночь, ощутилъ на своихъ щекахъ байронову блѣдность и увидѣлъ себя въ плащѣ. Этотъ плащъ онъ надѣлъ въ Кембриджѣ, даромъ, что былъ онъ легонькій, изъ прозрачноватой на свѣтъ матеріи, со многими сборками, и съ крылатыми полурукавами, которые закидывались за плечи. Блаженство духовнаго одиночества и дорожныя волненія получили новую значительность. Мартынъ словно подобралъ ключъ ко всѣмъ тѣмъ смутнымъ, дикимъ и нѣжнымъ чувствамъ, которыя осаждали его.

Профессоромъ русской словесности и исторіи былъ въ ту пору небезызвѣстный Арчибальдъ Мунъ. Въ Россіи онъ прожилъ довольно долго, всюду побывалъ, всѣхъ зналъ, все перевидѣлъ. Теперь, черноволосый, блѣдный, въ пенснэ на тонкомъ носу, онъ безшумно проѣзжалъ на велосипедѣ съ высокимъ рулемъ, сидя совсѣмъ прямо, а за обѣдомъ, въ знаменитой столовой съ дубовыми столами и огромными цвѣтными окнами, вертѣлъ головой, какъ птица, {76} и быстро, быстро крошилъ длинными пальцами хлѣбъ. Говорили, единственное, что онъ въ мірѣ любитъ, это — Россія. Многіе не понимали, почему онъ тамъ не остался. На вопросы такого рода Мунъ неизмѣнно отвѣчалъ: «Справьтесь у Робертсона» (это былъ востоковѣдъ) «почему онъ не остался въ Вавилонѣ». Возражали вполне резонно, что Вавилона уже нѣтъ. Мунъ кивалъ, тихо и хитро улыбаясь. Онъ усматривалъ въ октябрьскомъ переворотѣ нѣкій отчетливый конецъ. Охотно допуская, что со временемъ образуется въ совѣтскомъ союзѣ, пройдя черезъ первобытныя фазы, извѣстная культура, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ, что Россія завершена и неповторима, — что ее можно взять, какъ прекрасную амфору, и поставить подъ стекло. Печной горшокъ, который тамъ теперь обжи-

гался, ничего общаго съ нею не имѣлъ. Гражданская война представлялась ему нелѣпой: одни бьются за призракъ прошлаго, другіе за призракъ будущаго, — межъ тѣмъ, какъ Россію потихоньку укралъ Арчибальдъ Мунъ и заперъ у себя въ кабинетѣ. Ему нравилась ея завершенность. Она была расцвѣчена синевою водъ и прозрачнымъ пурпуромъ пушкинскихъ стиховъ. Вотъ уже скоро два года, какъ онъ писалъ на англійскомъ языкѣ ея исторію, надѣялся всю ее уложить въ одинъ толстенькій томъ. Эпиграфъ изъ Китса («Созданіе красоты — радость навѣки»), тончайшая бумага, мягкій сафьяновый переплетъ. Задача была трудная: найти гармонію между эрудиціей и тѣсной живописной прозой, дать совершенный образъ одного округлаго тысячелѣтія. {77}

XVII.

Арчибальдъ Мунъ поразилъ и очаровалъ Мартына. Его медленный русскій языкъ, изъ котораго онъ годами терпѣнія вытравилъ послѣдній отзвукъ англійской гортанности, былъ плавленъ, простъ и выразителенъ. Его знанія отличались живостью, точностью и глубиной. Онъ вслухъ читалъ Мартыну такихъ русскихъ поэтовъ, коихъ тотъ не зналъ даже и по имени. Придерживая страницу длинными, чуть дрожащими пальцами, Арчибальдъ Мунъ источалъ четырехстопные ямбы. Комната была въ полумракѣ, свѣтъ лампы выхватывалъ только страницу да лицо Муна, съ блѣднымъ лоскомъ на скулахъ, тремя тонкими бороздками на лбу и прозрачно-розовыми ушами. Дочитавъ, онъ сжималъ узкія губы, осторожно, какъ стрекозу, снималъ пенснэ и замшей вытиралъ стекла. Мартынъ сидѣлъ на краешкѣ кресла, держа свою черную квадратную шапку на колѣняхъ. «Ради Бога, снимите плащъ, отложите куда-нибудь эту шапку, — болѣзненно морщась, говорилъ Мунъ. — Неужели вамъ нравится мять эту кисточку? Отложите, отложите...» Онъ подталкивалъ къ Мартыну стеклянную папиросницу съ гербомъ колледжа на серебряной крышкѣ или вынималъ изъ шкапа въ стѣнѣ бутылку виски, сифонъ, два стакана. «А вотъ скажите, какъ называются тамошнія телѣги, въ которыхъ развозятъ виноградъ?» — спрашивалъ онъ, дергая головой, и, выяснивъ, что Мартынъ не знаетъ: «Можары, можары, сэръ», {78} — говорилъ онъ со вкусомъ, — и неизвѣстно, что доставляло ему больше удовольствія, то ли, что онъ знаетъ Крымъ лучше Мартына, или то, что ему удается произнести съ русскимъ экающимъ выговоромъ словечко сэръ. Онъ радостно сообщалъ, что «хулиганъ» происходитъ отъ названія шайки ирландскихъ разбойниковъ, а что островъ «Голодай» не отъ

голода, а отъ имени англичанина Холидея, построившаго тамъ заводъ. Когда однажды Мартынъ, говоря о какомъ-то невѣжественномъ журналистѣ (которому Мунъ отвѣтилъ грознымъ письмомъ въ «Таймсъ»), сказалъ, что «журналистъ вѣроятно сдрейфилъ», Мунъ поднялъ брови, справился въ словарь и спросилъ Мартына, не живаль ли онъ въ Поволжьѣ, — а когда, по другому случаю, Мартынъ употребилъ слово «угробить», Мунъ разсердился и крикнулъ, что такого слова по-русски нѣтъ и быть не можетъ. «Я его слышалъ, его знаютъ всѣ», — робко проговорилъ Мартынъ, и его поддержала Соня, которая сидѣла на кушеткѣ рядомъ съ Ольгой Павловной и смотрѣла не безъ любопытства, какъ Мартынъ хозяйничаетъ. «Русское словообразование, рожденіе новыхъ словъ, — сказалъ Мунъ, обернувшись вдругъ къ улыбающемуся Дарвину, — кончилось вмѣстѣ съ Россіей; то-есть два года тому назадъ. Все послѣдующее — блатная музыка». «Я по-русски не понимаю, переведите» — отвѣтилъ Дарвинъ. «Да, мы все время сбиваемся, — сказала Зиланова. — Это нехорошо. Пожалуйста, господа, по-англійски». Мартынъ межъ тѣмъ приподнялъ металлическій куполь съ горячихъ гренокъ и пирожковъ (которые слуга принесъ изъ колледжской кантины) провѣрилъ, то ли доставили, и придвинулъ блюдо {79} поближе къ пылающему камину. Кромѣ Дарвина и Муна, онъ пригласилъ русскаго студента, котораго всѣ называли просто по имени — Вадимъ, — и теперь не зналъ, ждаты ли его или приступать къ чаепитію. Это былъ первый разъ, что Зиланова съ дочерью пріѣхала навѣстить его, и онъ все боялся насмѣшки со стороны Сони. Она была въ темно-синемъ костюмѣ и въ крѣпкихъ коричневыхъ башмачкахъ, длинный язычекъ которыхъ, пройдя внутри, подъ шнуровкой, откидывался и, прикрывая шнуровку сверху, заканчивался кожаной бахромой; стриженные, жестковатые на видъ, черные волосы ровной чолкой находили на лобъ; къ ея тускло-темнымъ, слегка раскосымъ глазамъ странно шли ямки на блѣдныхъ щекахъ. Утромъ, когда Мартынъ встрѣтилъ ее и Ольгу Павловну на вокзалѣ, и потомъ, когда онъ показывалъ имъ старинные дворы, фонтанъ, аллеи исполинскихъ голыхъ деревьевъ, изъ которыхъ съ карканьемъ тяжело и неряшливо вымахивали вороны, Соня была молчалива, чѣмъ-то недовольна, говорила, что ей холодно. Глядя черезъ каменныя перила на рябую рѣчку, на матово-зеленые берега и сѣрыя башни, она прищурилась и освѣдомилась у Мартына, собирается ли онъ ѣхать къ Юденичу. Мартынъ удивленно отвѣтилъ, что нѣтъ. «А вонъ то, розоватое, что это такое?» «Это зданіе бібліотеки», — объяснилъ Мартынъ и спустя нѣсколько минутъ, идя рядомъ съ Соней и ея матерью подъ аркадами, загадочно проговорилъ: «Одни бьются за призракъ прошлаго, другіе — за призракъ будущаго». «Вотъ именно, — подхватила

Ольга Павловна. — Мнѣ мѣшаетъ по-настоящему воспринять Кембриджъ то, что наряду съ этими чудными старыми зданіями масса автомобилей, велосипедовъ, {80} спортивные магазины, всякіе футбольныя». «Въ футболъ, — сказала Соня, — играли и во времена Шекспира. А мнѣ вотъ не нравится, что говорятъ пошлости». «Соня, пожалуйста. Сократись», — сказала Ольга Павловна. «Ахъ, я не про тебя», — отвѣтила Соня со вздохомъ. Дальше шли молча. «Кажется, забусило», — проговорилъ Мартынъ, вытянувъ руку. «Вы бы еще сказали панъ Дождинскій или князь Ливень», — замѣтила Соня и на ходу перемѣнила шагъ, чтобъ итти въ ногу съ матерью. Потомъ, за завтракомъ въ лучшемъ городскомъ ресторанѣ, она повеселѣла. Ее разсмѣшили «обезьянья» фамилья пріятеля Мартына и діалоги, которые Дарвинъ велъ съ необыкновенно уютнымъ старичкомъ-лакеемъ. «Вы что изучаете?» — любезно спросила Ольга Павловна. «Я? Ничего, — отвѣтилъ Дарвинъ. — Мнѣ просто показалось, что въ этой рыбѣ на одну косточку больше, чѣмъ слѣдуетъ». «Нѣтъ-нѣтъ, я спрашиваю, что вы изучаете изъ наукъ. Какія слушаете лекціи». «Простите, я васъ не понялъ, — сказалъ Дарвинъ. — Но все равно вашъ вопросъ застааетъ меня врасплохъ. Память у меня какъ то не дотягиваетъ отъ одной лекціи до другой. Еще нынче утромъ я спрашивалъ себя, какимъ предметомъ я занимаюсь. Мнемоникой? Врядъ ли». Послѣ обѣда была опять прогулка, но куда болѣе пріятная, такъ какъ, во-первыхъ, вышло солнце, а, во вторыхъ, Дарвинъ всѣхъ повелъ въ галерею, гдѣ имѣлось, по его словамъ, старинное, замѣчательно приткое эхо, — топнешь, а оно, какъ мячъ, стукнетъ въ отдаленную стѣну. И Дарвинъ топнулъ, но никакого эхо не выскочило, и онъ сказалъ, что очевидно его купилъ какой-нибудь американецъ для своего дома въ Массачусетсѣ. Затѣмъ притекли {81} къ Мартыну въ комнату, и вскорѣ явился Арчибальдъ Мунъ, и Соня тихо спросила у Дарвина, почему у профессора напудренъ носъ. Мунъ плавно заговорилъ, щеголяя чудесными сочными пословицами. Мартынъ находилъ, что Соня ведетъ себя нехорошо. Она сидѣла съ каменнымъ лицомъ, но вдругъ невпопадъ смѣялась, встрѣтись глазами съ Дарвиномъ, который, закинувъ ногу на ногу, уминалъ пальцемъ табакъ въ трубкѣ. «Что же это Вадимъ не идетъ?» — безпокойно сказалъ Мартынъ и потрогалъ полный бочокъ чайника. «Ну, ужъ наливайте», — сказала Соня, и Мартынъ завозился съ чашками. Всѣ умолкли и смотрѣли на него. Мунъ курилъ смугло-желтую папиросу изъ породы тѣхъ, которыя въ Англіи зовутся русскими. «Часто пишетъ вамъ ваша матушка?» — спросила Зиланова. «Каждую недѣлю», — отвѣтилъ Мартынъ. «Она поди скучаетъ», — сказала Ольга Павловна и подула на чай. «А лимона, я какъ посмотрю, у васъ и нѣтъ», — тонко замѣтилъ Мунъ — опять по-русски. Дарвинъ

вполголоса попросило Соню перевести. Мунъ на него покосился и перешелъ на англійскую рѣчь: нарочито и злобно изображая средній кембриджскій тонъ, онъ сказалъ, что былъ дождь, но теперь прояснилось, и, пожалуй, дождя больше не будетъ, упомянулъ о регаттѣ, обстоятельно рассказалъ всѣмъ извѣстный анекдотъ о студентѣ, шкапѣ и кузинѣ, — и Дарвинъ курилъ и кивалъ, приговаривая: «Очень хорошо, сэръ, очень хорошо. Вотъ онъ, подлинный, трезвый британецъ въ часы досуга». {82}

XVIII.

Раздался топотъ на лѣстницѣ, и, съ размаху открывъ дверь, вошелъ Вадимъ. Одновременно его велосипедъ, который онъ оставилъ въ переулкѣ, приладивъ опущенную педаль къ краю панели, съ дребезжаніемъ упалъ, — этотъ звонъ всѣ услышали, ибо второй этажъ находился на пустяковой высотѣ. Руки у Вадима, маленькія, съ обгрызанными ногтями, были красны отъ холода рулевыхъ роговъ. Лицо, покрытое необыкновенно нѣжнымъ и ровнымъ румянцемъ, выражало оторопѣлое смущеніе; онъ его скрывалъ, быстро дыша, словно запыхался, да потягивая носомъ, въ которомъ всегда было сыро. Былъ онъ одѣтъ въ мятые, блѣдно-сѣрые фланелевые штаны, въ прекрасно сшитый коричневый пиджакъ и носилъ всегда, во всякую погоду и во всякое время, старыя бальныя туфли. Продолжая посапывать и растерянно улыбаться, онъ со всѣми поздоровался и подсѣлъ къ Дарвину, котораго очень любилъ и почему-то прозвалъ «мамкой». У Вадима была одна постоянная прибаутка, которую онъ Дарвину съ трудомъ перевелъ: «Пріятно зрѣть, когда большой медвѣдь ведетъ подручку маленькую сучку», — и на послѣднихъ словахъ голосъ у него становился совсѣмъ тонкимъ. Вообще же онъ говорилъ скоро, отрывисто, издавая при этомъ всякіе добавочные звуки, шипѣлъ, трубилъ, пищалъ, какъ дитя, которому не хватаетъ ни мыслей, ни словъ, а молчать неумоготу. Когда же онъ бывалъ смущенъ, то становился {83} еще отрывистѣе и нелѣпѣе, производя смѣшанное впечатлѣніе застѣнчиваго тихони и чудачливаго ребенка. Былъ онъ, впрочемъ, милый, привязчивый, привлекательный человѣкъ, падкій на смѣшное и способный живо чувствовать (однажды, гораздо позже, катаясь весеннимъ вечеромъ съ Мартыномъ по рѣкѣ, онъ, при случайномъ, смутномъ, почему-то миртовомъ дуновеніи — Богъ вѣсть откуда, — сказалъ: «пахнетъ Крымомъ»), что было совершенно вѣрно). Англичане къ нему такъ и льнули, а его колледжскій наставникъ, толстый, астматическій старикъ, специалистъ по моллюскамъ, съ гортанной нѣжностью произносилъ его имя и снисходительно

относился къ его шелопайству. Какъ-то, въ темную ночь, Мартынъ и Дарвинъ помогли Вадиму снять съ чела табачной лавки вывѣску, которая съ тѣхъ поръ красовалась у него въ комнатѣ. Онъ добылъ и полицейскій шлемъ, простымъ и остроумнымъ способомъ: за полкроны, блеснувшія при лунѣ, попросилъ добродушнаго полицейскаго пособить ему перебраться черезъ стѣну и, оказавшись наверху, нагнулся и сдернулъ съ него шлемъ. Онъ же былъ зачинщикомъ въ случаѣ съ огненной колесницей, когда, празднуя годовщину порохового заговора, весь городъ плевался потѣшными огнями, и на площади бушевалъ костеръ, а Вадимъ со товарищи запряглись въ старое ландо, которое купили за два фунта, наполнили соломой и подожгли, — съ этимъ ландо они мчались по улицамъ въ мятели огня и чуть не спалили ратушу. Кромѣ всего онъ былъ отличнымъ сквернословомъ, — однимъ изъ тѣхъ, которые привяжутся къ риѣмочкѣ и повторяютъ ее безъ конца, любятъ уютные матюжки, ласкательную физиологію и обрывки какихъ-то {84} анонимныхъ стиховъ, приписываемыхъ Лермонтову. Образованіемъ онъ не блисталъ, по-англійски говорилъ очень смѣшно и симпатично, но едва понятно, и была у него одна страсть, — страсть ко флоту, къ миноносцамъ, къ батальной стройности линейныхъ кораблей, и онъ могъ часами играть въ солдатики, паля горохомъ изъ серебряной пушки. Его прибаутки, бальныя туфли, застѣнчивость и хулиганство, нѣжный профиль, обведенный на свѣтъ золотистымъ пушкомъ, — все это, въ сочетаніи съ великолѣпнѣмъ титула, дѣйствовало на Арчибальда Муна неотразимо, разымчиво, въ родѣ шампанскаго съ соленымъ миндалемъ, которымъ онъ нѣкогда упивался, — одинокій блѣдный англичанинъ въ запотѣвшемъ пенснэ, слушающій московскихъ цыганъ. Но сейчасъ, сидя у камина съ чашкой въ рукѣ, Мунъ грызъ масломъ пропитанный гренокъ, и Ольга Павловна рассказывала ему о газетѣ, которую собирается выпускать въ Парижѣ ея мужъ. Мартынъ же съ тревогой думалъ, что напрасно позвалъ Вадима, который молчалъ, стѣсняясь Сони, и все щелкалъ исподтишка въ Дарвина изюминками, заимствованными у кекса. Соня приумолкла тоже и задумчиво смотрѣла на піанолу. Дарвинъ съ развальцемъ подошелъ къ камину, выбилъ золу изъ трубки и, ставъ спиной къ огню, принялся грѣться. «Мамка», — тихо сказалъ Вадимъ и засмѣялся. Ольга Павловна съ жаромъ говорила о дѣлахъ, которые Мунъ нимало не трогали. За окномъ потемнѣло, гдѣ-то далеко кричали мальчишки-газетчики: «Пайпа, пайпа!» {85}

ХІХ.

Затѣмъ провожали Зилановыхъ на вокзалъ. Арчибальдъ Мунъ попрощался на первомъ же углу и, нѣжно улыбнувшись Вадиму (который за его спиной обычно звалъ его заборнымъ словцомъ съ дополненіемъ «на колесикахъ»), удалился, держась очень прямо. Нѣкоторое время Вадимъ тихо ѣхалъ вдоль самой панели, положивъ руку на плечо къ Дарвину, шедшему рядомъ, а потомъ суетливо простился и быстро отѣхалъ, производя губами звуки испорченнаго гудка. Пришли на вокзалъ, Дарвинъ взялъ себѣ и Мартыну перонные билеты. Соня была усталая, раздраженная, и все время щурилась. «Ну, вотъ, — сказала Ольга Павловна. — Спасибо за гостепріимство, за угощеніе. Кланяйтесь матушкѣ, когда будете писать».

Но Мартынъ поклона не передалъ, — такія вещи передаются рѣдко. Вообще письма онъ писалъ съ трудомъ: какъ рассказать, на примѣръ, о сегодняшнемъ, довольно путанномъ, чѣмъ-то неудачномъ и неприятномъ днѣ? Онъ намаралъ строкъ десять, воспроизвелъ анекдотъ о студентѣ, шкапѣ и кузинѣ, увѣрилъ мать, что совершенно здоровъ, хорошо питается и носитъ на тѣлѣ фуфайку (что было неправдой). Ему вдругъ представилось, какъ почтальонъ идетъ по снѣгу, снѣгъ похрустываетъ, остаются синіе слѣды, — и онъ объ этомъ написалъ такъ: «Письмо принесетъ почтальонъ. У насъ идетъ дождь». Подумавши, онъ почтальона вычеркнулъ и оставилъ только дождь. Адресъ {86} онъ выписалъ крупно и тщательно, въ десятый разъ вспомнивъ при этомъ то, что ему сказалъ знакомый студентъ: «Судя по фамильѣ, я полагаю, что вы американецъ». Онъ пожалѣлъ, что всякій разъ забывалъ это втиснуть въ письмо, неизмѣнно уже запечатанное, — вскрывать же было лѣнь. Въ углу конверта онъ нечаянно поставилъ кляксу и долго смотрѣлъ на нее сквозь рѣсницы, и наконецъ сдѣлалъ изъ нея черную кошку, видимую со спины. Софья Дмитріевна этотъ конвертъ сохранила вмѣстѣ съ письмами. Она складывала ихъ въ пачку, когда кончался биместръ, и обвязывала накрестъ ленточкой. Спустя нѣсколько лѣтъ ей довелось ихъ перечестъ. Первый биместръ былъ сравнительно богатъ письмами. Вотъ Мартынъ пріѣхалъ въ Кембриджъ, вотъ — первое упоминаніе о Дарвинѣ, Вадимѣ, Арчибальдѣ Мунѣ, вотъ — письмо отъ девятаго ноября, дня его именинъ: «Въ этотъ день, — писалъ Мартынъ, — гусь ступаетъ на ледъ, а лиса мѣняетъ нору». А вотъ и письмо съ вычеркнутой, но четкой строкой: «Письмо принесетъ почтальонъ», — и Софья Дмитріевна пронзительно вспомнила, какъ, бывало, она съ Генрихомъ идетъ по искрящейся дорогѣ, между елокъ, отягощенныхъ пирогами снѣга, и вдругъ — густой звонъ бубенцовъ, почтовые сани, письмо, — и поспѣшно снимаешь перчатки,

чтобы вскрыть конвертъ. Она вспомнила, какъ въ ту пору, и затѣмъ въ продолженіе почти года, безумно боялась, что Мартынъ, ничего ей не сказавъ, отправится воевать. Ее немного утѣшало, что тамъ, въ Кембриджѣ, есть какой-то человѣкъ-ангелъ, который вліяетъ на Мартына умиротворительно — прекрасный, здравомыслящей Арчибальдъ Мунъ. Но Мартынъ все-таки могъ удрать. {87} Полный покой она знала только тогда, когда сынъ бывалъ при ней, въ Швейцаріи, на каникулахъ. Письма, которыя она, спустя годы, такъ мучительно перечитывала, были, несмотря на ихъ вещественность, болѣе призрачнаго свойства, нежели перерывы между ними. Эти перерывы память заполняла живымъ присутствіемъ Мартына, — тутъ Рождество, тамъ Пасха, а тамъ уже — лѣто, — и въ продолженіе трехъ лѣтъ, до окончанія Мартыномъ университета, ея жизнь шла какъ бы окнами, — да, помнится, помнится, — окнами. Вотъ — этотъ первый зимній праздникъ, лыжи, по ея совѣту, купленныя Генрихомъ, Мартынъ, надѣвающій лыжи... «Надо быть храброй, — тихо сказала самой себѣ Софья Дмитріевна, — надо быть храброй. Вѣдь бываютъ чудеса. Надо только вѣрить и ждать. Если Генрихъ опять появится съ этой черной повязкой на рукавѣ, я отъ него просто уйду». И дрожащими руками, улыбаясь и обливаясь слезами, она продолжала разворачивать письма.

То первое рождественское возвращеніе, которое его мать запомнила такъ живо, оказалось и для Мартына праздникомъ. Ему мерещилось, что онъ вернулся въ Россію, — было все такъ бѣло, — но, стѣсняясь своей чувствительности, онъ объ этомъ матери тогда не повѣдалъ, чѣмъ лишилъ ее еще одного нестерпимаго воспоминанія. Лыжи ему понравились; на мгновеніе всплылъ занесенный снѣгомъ Крестовскій островъ, но, правда, онъ тогда вставлялъ носки валенокъ въ простыя пульца, да еще держался за поводокъ, привязанный ко вздернутымъ концамъ легкихъ дѣтскихъ лыжъ. Эти же были настоящія, солидныя, изъ гибкой ясени, и сапоги тоже были настоящіе, лыжные. Мартынъ, склонивъ одно колѣно, натянулъ запяточный {88} ремень, отогнувъ тугой рычажокъ боковой пряжки. Морозный металлъ ужалилъ пальцы. Приладивъ и другую лыжу, онъ поднималъ со снѣгу перчатки, выпрямился, потопалъ, провѣряя, прочно ли, и размашисто скользнулъ впередъ.

Да, онъ опять попалъ въ Россію. Вотъ эти великолѣпные ковры — изъ пушкинскаго стиха, который столь звучно читаетъ Арчибальдъ Мунъ, упиваясь пеонами. Надъ отяжелѣвшими елками небо было чисто и ярко лазурно. Иногда отъ перелета сойки срывался съ вѣтки комъ снѣгу и рассыпался въ воздухъ. Пройдя сквозь боръ, Мартынъ вышелъ на открытое мѣсто, откуда лѣтомъ спускался къ гостиницѣ. Вонъ она —

далеко внизу, прямой розовый дымокъ стоитъ надъ крышей. Чѣмъ она манить такъ, эта гостиница, отчего надо опять стремиться туда, гдѣ лѣтомъ онъ нашель только нѣсколько крикливыхъ угловатыхъ англичаночекъ? Но манила она несомнѣнно, подавала тихій знакъ, солнце вспыхивало въ окнахъ. Мартына даже пугала эта таинственная навязчивость, эта непонятная требовательность, бывавшая у какой-нибудь подробности пейзажа. Надо спуститься, — нельзя пренебрегать такими посулами. Крѣпкій настъ сладко засвистѣлъ подъ лыжами, Мартынъ неся по скату все быстрѣе, — и сколько разъ потомъ, во снѣ, въ студеной кембриджской комната онъ вотъ такъ неся и вдругъ, въ оглушительномъ взрывѣ снѣга, падалъ и просыпался. Все было, какъ всегда. Изъ сосѣдней комнаты доносилось тиканіе часовъ. Мышка катала кусокъ сахара. По панели прошли чьи-то шаги и пропали. Онъ поворачивался на другой бокъ и мгновенно засыпалъ, — и утромъ, въ полуснѣ, слышалъ {89} уже другіе звуки: въ сосѣдней комнатѣ возилась госпожа Ньюманъ, что-то переставляла, накладывала уголь, чиркала спичками, шуршала бумагой и потомъ уходила, а тишина медленно и сладко наливалась утреннимъ гудомъ затопленнаго камина. «Ничего тамъ особеннаго не оказалось, — подумалъ Мартынъ и потянулся къ ночному столу за папиросами. — Все больше пожилые мужчины въ свѣтерахъ: вотъ какіе бываютъ обманы. А сегодня суббота, покатымъ въ Лондонъ. Что это Дарвину все письма отъ Сони? Надо бы изъ него выдавить. Хорошо бы сегодня пропустить лекцію Гржезинскаго. Вотъ идетъ стерва будить».

Госпожа Ньюманъ принесла чай. Была она старая, рыжая, съ лисьими глазками. «Вы вчера вечеромъ выходили безъ плаща, — проговорила она равнодушно. — Мнѣ объ этомъ придется доложить вашему наставнику». Она отдернула шторы, дала краткій, но точный отзывъ о погодѣ и скользнула прочь.

Надѣвъ халатъ, Мартынъ спустился по скрипучей лѣстницѣ и постучался къ Дарвину. Дарвинъ, уже побритый и вымытый, ѣлъ яичницу съ бѣкономъ. Толстый учебникъ Маршала по политической экономіи лежалъ, раскрытый, около тарелки. «Сегодня опять было письмо?» — строго спросилъ Мартынъ. «Отъ моего портного», — отвѣтилъ Дарвинъ, вкусно жуя. «У Сони неважный почеркъ», — замѣтилъ Мартынъ. «Отвратительный», — согласился Дарвинъ, хлебнувъ кофе. Мартынъ подошелъ сзади, и, обѣими руками взявъ Дарвина за шею, сталъ давить. Шея была толстая и крѣпкая. «А бѣконъ прошелъ», — произнесъ Дарвинъ самодовольно натуженнымъ голосомъ. {90}

XX.

Вечеромъ оба покатили въ Лондонъ. Дарвинъ ночевалъ въ одной изъ тѣхъ очаровательныхъ двухкомнатныхъ квартиръ для холостяковъ, которыя сдаются при клубахъ, — а клубъ Дарвина былъ однимъ изъ лучшихъ и степеннѣйшихъ въ Лондонѣ, съ тучными кожаными креслами, съ лоснистыми журналами на столахъ, съ глухонѣмыми коврами. Мартыну же досталась на этотъ разъ одна изъ верхнихъ спаленъ въ квартирѣ Зилановыхъ, такъ какъ Нелли была въ Ревелѣ, а ея мужъ шелъ на Петербургъ. Когда Мартынъ прибылъ, никого не оказалось дома, кромѣ самого Зиланова, Михаила Платоновича, который писалъ у себя въ кабинетѣ. Былъ онъ коренастый крѣпышъ, съ татарскими чертами лица, и съ такими же темно-тусклыми глазами, какъ у Сони. Онъ всегда носилъ круглыя пристяжныя манжеты и манишку; манишка топорщилась, придавая его груди нѣчто голубиное. Принадлежалъ онъ къ числу тѣхъ русскихъ людей, которые, проснувшись, первымъ дѣломъ натягиваютъ штаны съ болтающимися подтяжками, моютъ по утрамъ только лицо, шею да руки, — но зато отмѣнно, — а еженедѣльную ванну разсматриваютъ, какъ событіе, сопряженное съ нѣкоторымъ рискомъ. На своемъ вѣку онъ немало покатался, страстно занимался общественностью, мыслилъ жизнь въ видѣ чередованія съѣздовъ въ различныхъ городахъ, чудомъ спасся отъ совѣтской {91} смерти и всегда ходилъ съ разбухшимъ портфелемъ: когда же кто-нибудь задумчиво говорилъ: «Какъ мнѣ быть съ этими книжками? — дождь», — онъ молча, молниеносно и чрезвычайно ловко пеленалъ книжки въ газетный листъ, а, порывшись въ портфель, вынималъ и веревочку, мгновенно крестъ на крестъ захватывалъ ею ладный пакетъ, на который незадачливый знакомый, переминаясь съ ноги на ногу, смотрѣлъ съ суевѣрнымъ умиленіемъ. «На-те, — говорилъ Зилановъ и, поспѣшно простившись, уѣзжалъ — въ Орель, въ Кострому, въ Парижъ, — и всегда налегкѣ, съ тремя чистыми носовыми платками въ портфель, и, сидя въ вагонѣ, совершенно слѣпой къ живописнымъ мѣстамъ, мимо которыхъ, съ довѣрчивымъ стараніемъ потрафить, неся курьерскій поѣздъ, углублялся въ чтеніе брошюры, изрѣдка дѣлая помѣтки на поляхъ. Дивясь его невнимательности къ пейзажамъ, къ удобствамъ, къ чистотѣ, Мартынъ вмѣстѣ съ тѣмъ уважалъ Зиланова за его какую-то прущую суховатую смѣлость и всякій разъ, когда видѣлъ его, почему-то вспоминалъ, что этотъ, по внѣшности мало спортивный человѣкъ, играющій вѣроятно только на бильярдѣ, да еще, пожалуй, въ рюхи, спасся отъ большевиковъ по водосточной трубѣ и когда-то дрался на дуэли съ октябристомъ Тучковымъ.

«А, здравствуйте, — сказала Зилановъ и протянулъ смуглую руку. — Присаживайтесь». Мартынъ сѣлъ. Михаилъ Платоновичъ впился опять въ полуисписанный листъ, взялся за перо и, — потрепетавъ имъ по воздуху надъ самой бумагой, прежде, чѣмъ претворить эту дрожь въ быстрый бѣгъ письма, — одновременно далъ перу волю и сказалъ: «Онѣ вѣроятно сейчасъ вернутся». Мартынъ {92} притянулъ къ себѣ съ сосѣдняго стула газету, — она оказалась русской, издаваемой въ Парижѣ. «Какъ занятія?» — спросилъ Зилановъ, не поднимая глазъ съ ровно бѣгущаго пера. «Ничего, хорошо», — сказалъ Мартынъ и отложилъ газету. «А давно онѣ ушли?» Михаилъ Платоновичъ ничего не отвѣтилъ, — перо разгулялось во всю. Зато минуты черезъ двѣ онъ опять заговорилъ, все еще не глядя на Мартына. «Баклуши бьете. Тамъ вѣдь главное — спортъ». Мартынъ усмѣхнулся. Михаилъ Платоновичъ быстро потопалъ по строкамъ прессъ-бюваромъ, и сказалъ: «Софья Дмитриевна все проситъ у меня дополнительныхъ свѣдѣній, но я ничего больше не знаю. Все, что я зналъ, я ей тогда написалъ въ Крымъ». Мартынъ кашлянулъ. «Что вы?» — спросилъ Зилановъ, усвоившій въ Москвѣ это дурное рѣченіе. «Я ничего», — отвѣтилъ Мартынъ. «Это о смерти вашего отца, конечно, — сказалъ Зилановъ и посмотрѣлъ тусклыми глазами на Мартына. — Вѣдь это я извѣстилъ васъ тогда». «Да-да, я знаю», — поспѣшно закивалъ Мартынъ, всегда чувствовавшей неловкость, когда чужіе — съ самыми лучшими намѣреніями — говорили ему объ его отцѣ. «Какъ сейчасъ помню послѣднюю встрѣчу — продолжалъ Зилановъ. — Мы столкнулись на улицѣ. Я тогда уже скрывался. Сперва не хотѣлъ подойти. Но у Сергѣя Робертовича былъ такой потрясающій видъ. Помню, онъ очень беспокоился, какъ вы тамъ живете въ Крыму. А черезъ денька три забѣгаю къ нему, и на-те вамъ — несутъ гробъ». Мартынъ кивалъ, мучительно ища способа переменить разговоръ. Все это Михаилъ Платоновичъ рассказывалъ ему въ третій разъ, и рассказъ былъ въ общемъ довольно блѣдный. Зилановъ замолчалъ, перевернулъ {93} листъ, его перо подрожало и тронулось. Мартынъ, отъ нечего дѣлать, опять потянулся къ газетѣ, но тутъ шелкнула парадная дверь, раздались въ прихожей голоса, шарканіе, ужасный кудахтающій смѣхъ Ирины.

XXI.

Мартынъ вышелъ къ нимъ, и, какъ обычно при встрѣчѣ съ Соней, мгновенно почувствовалъ, что потемнѣлъ воздухъ вокругъ него. Такъ было и въ ея послѣдній пріѣздъ въ Кембриджъ (вмѣстѣ съ Михаиломъ

Платоновичемъ, который мучилъ Мартына вопросами, сколько лѣтъ различнымъ колледжамъ, и сколько книгъ въ библіотекѣ, — межъ тѣмъ какъ Соня и Дарвинъ о чемъ-то тихо смѣялись), такъ было и сейчасъ: странное отупѣніе. Его голубой галстукъ, острые концы мягкаго отложного воротничка, двубортный костюмъ, — все было какъ-будто въ порядкѣ, однако Мартыну подъ непроницаемымъ взглядомъ Сони показалось, что одѣтъ онъ дурно, что волосы торчатъ на макушкѣ, что плечи у него, какъ у ломового извозчика, а лицо — глупо своей круглотой. Отвратительны были и крупныя костяшки рукъ, которыя за послѣднее время покраснѣли и распухли — отъ голкиперства, отъ боксовой учебы. Прочное ощущение счастья, какъ-то связанное съ силой въ плечахъ, со свѣжей гладкостью щекъ или недавно запломбированнымъ зубомъ, распадалось въ присутствіи Сони мгновенно. И особенно глупымъ казалось ему то, что собственно говоря брови у него кончаются {94} на полпути, густоваты только у переносицы, а дальше, по направленію къ вискамъ, удивленно рѣдѣютъ.

Сѣли ужинать. Наталья Павловна, такая же сырая женщина, какъ ея сестра, но еще рѣже улыбавшаяся, привычно и незамѣтно слѣдила за тѣмъ, чтобы Ирина пристойно ѣла, не слишкомъ ложилась на столъ и не лизала ножа. Михаилъ Платоновичъ явился чуть попозже, быстро и энергично заложилъ уголь салфетки за воротникъ и, слегка привставъ, цопнулъ черезъ весь столъ булочку, которую мгновенно разрѣзалъ и смазалъ масломъ. Его жена читала письмо изъ Ревеля и, не отрываясь отъ чтенія, говорила Мартыну: «Кушайте, пожалуйста». Слѣва отъ него корячилась большеротая Ирина, чесала подмышкой и мычала, объясняясь въ любви холодной баранинѣ; справа же сидѣла Соня: ея манера брать соль на кончикъ ножа, стриженные черные волосы съ жесткимъ лоскомъ и ямка на блѣдной щекѣ чѣмъ-то несказанно его раздражали. Послѣ ужина позвонилъ по телефону Дарвинъ, предложилъ поѣхать танцевать, и Соня, поломавшись, согласилась. Мартынъ пошелъ переодѣваться и уже натягивалъ шелковые носки, когда Соня сказала ему черезъ дверь, что устала и никуда не поѣдетъ. Черезъ полчаса пріѣхалъ Дарвинъ, очень веселый, большой и нарядный, въ цилиндрѣ набекрень, съ билетами на дорогой балъ въ карманѣ, и Мартынъ сообщилъ ему, что Соня раскисла и легла, — и Дарвинъ, выпивъ чашку остывшаго чаю, почти естественно зѣвнулъ и сказалъ, что въ этомъ мірѣ все къ лучшему. Мартынъ зналъ, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ съ единственной цѣлью повидать Соню, и, когда Дарвинъ, насвистывая, въ ненужномъ цилиндрѣ и крылаткѣ, сталъ удаляться {95} по пустой темной улицѣ, Мартыну сдѣлалось очень обидно за него, и, тихо прикрывъ входную дверь, онъ поплелся наверхъ спать. Въ коридорѣ выскочила къ

нему Соня, одѣтая въ кимоно и совсѣмъ низенькая, оттого что была въ ночныхъ туфляхъ. «Ушелъ?» — спросила она. «Большое свинство», — вполголоса замѣтилъ Мартынъ, не останавливаясь. «Могли бы его задержать», — сказала она вдогонку и скороговоркой добавила: «а вотъ я возьму и позвоню ему и поѣду плясать вотъ что». Мартынъ ничего не отвѣтилъ, захлопнулъ дверь, яростно вычистилъ зубы, раскрылъ постель, словно хотѣлъ изъ нея кого-то выкинуть, и, поворотомъ пальцевъ прикончивъ свѣтъ лампы, накрылся съ головой. Но и сквозь одѣяло онъ слышалъ, спустя нѣкоторое время, поспѣшные шаги Сони по коридору, стукъ ея двери, — не можетъ быть, чтобъ она дѣйствительно ходила внизъ телефонировать, — однако онъ прислушался, и снова было затишье, и вдругъ опять зазвучали ея шаги, и уже звукъ былъ другой, — легкій, даже воздушный. Мартынъ не выдержалъ, высунулся въ коридоръ и увидѣлъ, какъ Соня вприпрыжку спускается внизъ по лѣстницѣ, въ бальномъ платьѣ цвѣта фламинго, съ пушистымъ вѣеромъ въ рукѣ и съ чѣмъ то блестящимъ вокругъ черныхъ волосъ. Дверь ея комнаты осталась открытой, свѣта она не потушила, и тамъ еще стояло облачко пудры, какъ дымокъ послѣ выстрѣла, лежалъ наповаль убитый чулокъ, и выпадали на коверъ разноцвѣтныя внутренности шкапа.

Вмѣсто радости за друга, Мартынъ почувствовалъ живѣйшую досаду. Все было тихо. Только изъ спальни Зилановыхъ исходилъ томительный храпъ. «Чортъ ее побери», {96} — пробормоталъ онъ и нѣкоторое время разсуждалъ самъ съ собой, не отправиться ли ему тоже на балъ, — вѣдь было три билета. Онъ увидѣлъ себя взлетающимъ по мягкимъ ступенямъ, въ смокингѣ, въ шелковой рубашкѣ съ набористой грудью, какъ носили фрэнты въ тотъ годъ; въ легкихъ лаковыхъ туфляхъ съ плоскими бантами; вотъ — изъ раскрывшихся дверей пахнуло огнемъ музыки. Упругій и нѣжный нажимъ мягкой женской ноги, которая все поддается и все продолжаетъ касаться тебя, душистые волосы у самыхъ губъ, щека, оставляющая на шелковомъ лацканѣ налетъ пудры — все это извѣчное, нѣжное, банальное волновало Мартына чрезвычайно. Онъ любилъ танцевать съ незнакомой дамой, любилъ пустой, цѣломудренный разговоръ, сквозь который прислушиваешься къ тому чудному, невнятному, что происходитъ въ тебѣ и въ ней, что будетъ длиться еще два-три такта и, ничѣмъ не разрѣшившись, пропадетъ навѣки, забудется совершенно. Но, пока сліяніе еще не расторгнуто, намѣчается схема возможной любви, и въ зачаткѣ тутъ уже есть все, — внезапное затишье въ полутемной комнатѣ, человѣкъ, дрожащей рукой прилаживающій къ пепельницѣ только что закуренную, мѣшающую папиросу; медленно, какъ въ кинематографѣ, закрывающееся женскіе глаза; и блаженный сумракъ; и въ немъ — точка свѣта, блестящій дорожный лимузинъ,

быстро несущійся сквозь дождливую ночь; и вдругъ — бѣлая терраса и солнечная рябь моря, — и Мартынъ, тихо говорящій увезенной имъ женщиной: «Имя? Какъ твое имя?» На ея свѣтломъ платьѣ играютъ листовенныя тѣни, она встаетъ, уходитъ; и крупье съ хищнымъ лицомъ загреба-етъ лопаткой послѣднюю ставку Мартына, и {97} остается только засунуть руки въ пустые карманы смокинга, да медленно спуститься въ садъ, да наняться поутру портовымъ грузчикомъ, — и вотъ — она снова... на борту чужой яхты... сіяетъ, смѣется, бросаетъ монеты въ воду...

«Странная вещь, — сказалъ Дарвинъ, выходя какъ то вмѣстѣ съ Мартыномъ изъ маленькаго кембриджскаго кинематографа, — странная вещь: вѣдь все это плохо, и вульгарно, и не очень вѣроятно, — а все-таки чѣмъ-то волнуютъ эти вѣтренные виды, роковая дама на яхтѣ, оборванный мужланъ, глотающій слезы...»

«Хорошо путешествовать, — проговорилъ Мартынъ. — Я хотѣлъ бы много путешествовать».

Этотъ обрывокъ разговора, случайно уцѣлѣвшій отъ одного апрѣльскаго вечера, припомнился Мартыну, когда, въ началѣ лѣтнихъ каникулъ, уже въ Швейцаріи, онъ получилъ письмо отъ Дарвина съ Тенериффы. Тенериффа — Боже мой! — какое дивно зеленое слово! Дѣло было утромъ; сильно подурнѣвшая и какъ-то распухшая Марія стояла въ углу на колѣняхъ и выжимала половую тряпку въ ведро; надъ горами, цѣпляясь за вершины, плыли большія бѣлыя облака, и порою нѣсколько дымныхъ волоконъ спускалось по дальнему скату, и тамъ, на этихъ скатахъ, все время мѣнялся свѣтъ, — приливы и отливы солнца. Мартынъ вышелъ въ садъ, гдѣ дядя Генрихъ въ чудовищной соломенной шляпѣ разговаривалъ съ деревенскимъ аббатомъ. Когда аббатъ, маленькій человекъ въ очкахъ, которыя онъ все поправлялъ большимъ и пятымъ пальцемъ лѣвой руки, низко поклонился и, шурша черной рясой, прошелъ вдоль сіяющей бѣлой стѣны и сѣлъ въ таратайку, запряженную толстой, розовой лошадей, {98} сплошь въ мелкой горчицѣ, Мартынъ сказалъ: «Тутъ прекрасно, я обожаю эти мѣста, но почему бы мнѣ — ну, хотя бы на мѣсяць — не поѣхать куда-нибудь, — на Канарскіе острова, на примѣръ?»

«Безуміе, безуміе, — отвѣтилъ дядя Генрихъ съ испугомъ, и его усы слегка затопорщились. — Твоя мать, которая такъ тебя ждала, которая такъ счастлива, что ты остаешься съ ней до октября, — и вдругъ — ты уѣзжаешь...»

«Мы бы могли всѣ вмѣстѣ», — сказалъ Мартынъ.

«Безуміе, — повторилъ дядя Генрихъ. — Потомъ, когда ты кончишь учиться, я не возражаю. Я всегда считалъ, что молодой человекъ

долженъ видѣть мѣръ. Помни, что твоя мать только теперь оправляется отъ потрясеній. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ».

Мартынъ пожалъ плечами и, засунувъ руки въ карманы короткихъ штановъ, побрелъ по тропинкѣ, ведущей къ водопаду. Онъ зналъ, что мать ждетъ его тамъ, у грота, полузавѣшеннаго еловой хвоей, — такъ было условлено, — она выходила гулять очень рано и, не желая будить Мартына, оставляла для него записку: «У грота, въ десять часовъ» или: «У ключа, по дорогѣ въ Сень-Клеръ»; но, хотя онъ зналъ, что она ждетъ, Мартынъ вдругъ перемѣнилъ направленіе и, покинувъ тропу, пошелъ по вереску вверхъ. {99}

XXII.

Склонъ становился все круче, пекло солнце, мухи норовили сѣсть на губы и глаза. Дойдя до круглой березовой рощицы, онъ отдохнулъ, выкурилъ папиросу, ту же подтянулъ завороченные подъ колѣнями чулки и, жуя березовый листокъ, сталъ подниматься дальше. Верескъ былъ хрустящій и скользкій; иногда колючій кустикъ утесника цѣплялся за ногу. Спереди, наверху, сверкало нагроможденіе скалъ, и между ними пролегаль жолобъ, вѣрная трещина, полная мелкихъ камушковъ, которые пришли въ движеніе, какъ только онъ на нихъ ступилъ. Этимъ путемъ нельзя было добраться до вершины, и Мартынъ пошелъ лѣзть прямо по скаламъ. Иногда корни или моховыя ляпки, за которые онъ хватался, отрывались отъ скалы, и онъ лихорадочно искалъ подъ ногой опоры, или же, наоборотъ, что-то поддавалось подъ ногами, онъ повисалъ на рукахъ, и приходилось мучительно подтягиваться вверхъ. Онъ уже почти достигъ вершины, когда вдругъ поскользнулся и началъ сѣзжать, цѣпляясь за кустики жесткихъ цвѣтовъ, не удержался, почувствовалъ жгучую боль, оттого, что колѣномъ проскребъ по скалѣ, попытался обнять скользящую вверхъ крутизну, и вдругъ что-то спасительное толкнуло его подъ подошвы. Онъ оказался, на выступѣ скалы, на каменномъ карнизѣ, который справа суживался и сливался со скалой, а съ лѣвой стороны тянулся {100} саженой на пять, заворачивалъ за уголъ, и что съ нимъ было дальше — неизвѣстно. Карнизъ напоминалъ бутофорію кошмаровъ. Мартынъ стоялъ, плотно прижавшись къ отвѣсной скалѣ, по которой грудью проѣхался, и не смѣлъ отлѣпиться. Съ натугой посмотрѣвъ черезъ плечо, онъ увидѣлъ чудовищный обрывъ, сіяющую, солнечную пропасть, и въ глубинѣ панику отставшихъ елокъ, бѣгомъ догоняющихъ спустившійся боръ, а еще ниже — крутые луга и крохотную, ярко-бѣлую гостиницу. «Ахъ, вотъ ея назначеніе, — суевѣрно

подумалъ Мартынъ. — Сорвусь, погибну, вотъ она и смотритъ. Это... Это...» Одинаково ужасно было смотрѣть туда, въ пропасть, и навёрхъ, на отвѣсную скалу. Полка, шириной съ книжную, подъ ногами и бугри-стое мѣсто на скалѣ, куда вцѣпились пальцы, было все, что оставалось Мартыну отъ прочнаго міра, къ которому онъ привыкъ.

Онъ почувствовалъ слабость, мутность, тошный страхъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ странно-отчетливо видѣлъ себя, какъ бы со стороны, въ открытой фланелевой рубашкѣ и короткихъ штанахъ, неуклюже прильнувшимъ къ скалѣ, отмѣчалъ чертополошинку, приставшую къ чулку, и совсѣмъ черную бабочку, которая съ завидной небрежностью пропорхнула тихимъ чертенкомъ и стала подниматься вдоль скалы, — и хотя никого не было кругомъ, передъ кѣмъ стоило бы пофорсить, Мартынъ сталъ насвистывать и, давъ себѣ слово никакъ не отвѣчать на приглашенія пропасти, принялся медленно переставлять ноги, подвигаясь влѣво. Ахъ, если бъ видать, куда заворачиваетъ карнизъ! Скала какъ будто надвигалась на него, оттѣсняла въ бездну, нетерпѣливо дышавшую ему въ спину. Ногти впились въ {101} камень, камень былъ горячъ, синѣли пучки цвѣтовъ, неполной восьмеркой пробѣгала ящерица и застывала, мухи лѣзли въ глаза. Иногда приходилось останавливаться, и онъ слышалъ, какъ самому себѣ жалуется, — не могу больше, не могу, — и тогда, поймавъ себя на этомъ, онъ начиналъ издавать губами зачаточный мотивъ — фокстротъ или марсельезу, — послѣ чего облизывался и, опять, жалуясь, продолжалъ продвигаться вбокъ. Оставалось полсажени до заворота, когда что-то посыпалось изъ-подъ подошвы и, вцѣпившись въ скалу, онъ невольно повернулъ голову, и въ солнечной пустотѣ медленно закружилось бѣлое пятнышко гостиницы. Мартынъ закрылъ глаза и замеръ, но, справившись съ тошнотой, опять задвигался. У поворота онъ быстро сказалъ: «Пожалуйста, прошу тебя, пожалуйста», — и просьба его была тотчасъ уважена: за поворотомъ полка расширялась, переходила въ площадку, а тамъ уже былъ знакомый жолобъ и вересковый скать.

Тамъ онъ отдышался, ощущая во всемъ тѣлѣ ломоту и дрожь. Ногти были темно-красные, словно онъ рвалъ клубнику, и горѣло ободранное колѣно. Опасность, которую онъ только что пережилъ, казалась ему куда дѣйствительнѣе той, на которую онъ напоролся въ Крыму. Теперь онъ испытывалъ гордость, но эта гордость вдругъ утратила всякій вкусъ, когда Мартынъ спросилъ себя, могъ ли бы онъ снова, уже по собственному почину, продѣлать то, что онъ продѣлалъ случайно. Черезъ нѣсколько дней онъ не выдержалъ, опять поднялся по вересковымъ кручамъ, но, добравшись до площадки, откуда начинался карнизъ, не рѣшился на него ступить. Онъ сердился, науськивалъ себя,

{102} издѣвался надъ своей трусостью, воображалъ Дарвина глядящаго на него съ усмѣшкой... постоялъ, постоялъ, да махнулъ рукой, да пошелъ назадъ, стараясь не обращать вниманія на грубіяна, буйствовавшаго у него въ душѣ. Вновь и вновь, до самаго конца каникулъ, врывался тотъ и буянилъ, и Мартынъ рѣшилъ, наконецъ, больше не подниматься въ тѣ мѣста, чтобы не мучиться видомъ каменной полки, по которой не смѣетъ пройти. И съ язвительнымъ чувствомъ недовольства собой онъ въ октябрѣ вернулся въ Англію, и прямо съ вокзала поѣхалъ къ Зилановымъ. Горничная, которая ему открыла, оказалась новой, и это было непріятно, словно онъ попалъ къ чужимъ. Въ гостиной, вся въ черномъ, стояла Соня и поглаживала виски, а потомъ, рѣзко и прямо, по привычкѣ своей, протянула ему руку. Мартынъ съ удивленіемъ подумалъ, что ни разу не вспомнилъ ее за лѣто, ни разу ей не написалъ, а что все-таки, — вотъ ради этой неловкости, которую онъ чувствуетъ, глядя на ея хмурое, блѣдное лицо, — стоитъ продѣлать немалый путь. «Вы вѣроятно не знаете о нашемъ несчастіи», — сказала Соня и какъ-то сердито рассказала, что на прошлой недѣлѣ, въ одинъ и тотъ же день, пришло извѣстіе, что Нелли умерла отъ родовъ въ Бриндизи, а мужъ ея убитъ въ Крыму. «Ахъ, онъ поѣхалъ отъ Юденича къ Врангелю», — безпомощно сказалъ Мартынъ и съ рѣдкой ясностью представилъ себѣ этого Неллиного мужа, котораго видѣлъ всего разъ, и самое Нелли, казавшуюся ему тогда скучной, прѣсной, а теперь почему-то умершей въ Бриндизи. «Мама въ ужасномъ состояніи», — сказала Соня, перелистывая страницы книги, которая валялась на диванѣ. — «А папа Богъ знаетъ гдѣ побывалъ, {103} чуть ли не въ Кіевѣ», — добавила она погодя и, захвативъ первымъ пальцемъ нѣсколько страницъ, быстро ихъ процѣдила. Мартынъ сѣлъ въ кресло, потирая руки. Соня захлопнула книгу и сказала, поднявъ лицо: «Дарвинъ былъ идеаленъ, идеаленъ. Онъ страшно намъ помогъ. Такой трогательный, и такъ все безъ лишнихъ словъ. Вы у насъ ночуете?» «Собственно говоря, — отвѣтилъ Мартынъ, — я бы могъ и нынче поѣхать въ Кембриджъ. Навѣрно, вамъ неудобно и такъ далѣе». «Да нѣтъ, ерунда какая», — сказала Соня со вздохомъ. Внизу раздался глухой звонъ гонга, и это не вязалось съ тѣмъ, что въ домѣ трауръ. Мартынъ пошелъ мыть руки и, открывъ дверь уборной, столкнулся съ Михаиломъ Платоновичемъ, у котораго не въ обычаѣ было запирается на ключъ. Онъ посмотрѣлъ на Мартына тусклымъ взглядомъ, неторопливо вжимая пуговку въ петлю. «Примите мое глубокое соболѣзнованіе, — пробормоталъ Мартынъ и почему-то щелкнулъ каблукими. Зилановъ прикрылъ глаза въ знакъ признательности, пожалъ Мартыну руку, и то, что все это происходитъ на порогѣ уборной, подчеркивало нелѣпость рукопожатія и готовыхъ словъ. Зилановъ, подрыгивая ногами,

словно утряхивая что-то, медленно удалился; Мартынъ увидѣлъ въ зеркало свой болѣзненно сморщенный носъ. «Но я же долженъ былъ что-нибудь сказать», — проговорилъ онъ сквозь зубы.

Обѣдъ прошелъ молчаливо, если не считать шумное присасываніе, съ которымъ Михаилъ Платоновичъ ѣлъ супъ. Ирина съ матерью была въ загородной санаторіи, а Ольга Павловна къ обѣду не вышла, такъ что сидѣли втроемъ. Позвонилъ телефонъ, и Зилановъ, жуя на ходу, {104} проворно ушелъ въ кабинетъ. «Я знаю, вы баранину не любите», — тихо сказала Соня, — и Мартынъ молча улыбнулся, чуть-чуть приглушая улыбку. «Зайдетъ Юголевичъ, — сказалъ Михаилъ Платоновичъ, вновь садясь за столъ. — Онъ только что изъ Питера. Дай горчицу. Говорить, что перешелъ границу въ саванъ». «На снѣгу незамѣтнѣе», — черезъ минуту выговорилъ Мартынъ, чтобы поддержать бесѣду, — но бесѣды не вышло.

XXIII.

Юголевичъ оказался толстымъ, бородатымъ человѣкомъ въ сѣромъ вязаномъ жилетѣ и въ потрепаномъ черномъ костюмѣ, съ перхотью на плечахъ. Торчали ушки черныхъ ботинокъ на лястिकाхъ, а сквозь неподтянутые носки брезжили завязки подштанниковъ; его полная невнимательность къ вещамъ, къ ручкѣ кресла, по которой онъ похлопывалъ, къ толстой книжкѣ, на которую онъ сѣлъ и которую безъ улыбки вынулъ изъ-подъ себя и, не посмотрѣвъ на нее, отложилъ, — все это указывало на его тайное родство съ самимъ Зилановымъ. Кивая большой кудреватой головой, онъ только кратко поцокалъ языкомъ, узнавъ о горѣ Зилановыхъ, и затѣмъ, съ мѣста въ карьеръ, мазнувъ ладонью сверху внизъ по грубо скроенному лицу, пустился въ повѣствованіе. Было очевидно, что единственное, чего онъ полонъ, единственное, что занимаетъ его и волнуетъ, — это бѣда Россіи, и Мартынъ, съ содроганіемъ представлялъ себѣ, что было бы, если бъ взять {105} да перебить его бурную, напряженную рѣчь анекдотомъ о студентѣ и кузинѣ. Соня сидѣла поодаль, оперевъ локти на колѣни, а лицо на ладони. Зилановъ слушалъ, положивъ палецъ вдоль носа, и изрѣдка говорилъ, снимая палецъ: «Простите, Александръ Наумовичъ, — но вотъ вы упомянули...» Юголевичъ на мгновеніе останавливался, моргалъ и затѣмъ продолжалъ говорить, и его лѣпное лицо замѣчательно играло, безпрестанно мѣняя выраженіе, — играли косматые брови, ноздри грушеобразнаго носа, складки волосатыхъ щекъ, между тѣмъ, какъ руки его, съ черной шерстью на тыльной сторонѣ, ни одной секунды не оставались въ

покоѣ, что-то поднимали, подбрасывали, схватывали опять, расшвыривали во всѣ стороны, и жарко, съ раскатами, онъ говорилъ о казняхъ, о голодѣ, о петербургской пустынѣ, о людской злобѣ, скудоуміи и пошлости. Ушелъ онъ за-полночь, и уже съ порога вдругъ обернулся и спросилъ, сколько стоять въ Лондонѣ галоши. Когда закрылась за нимъ дверь, Зилановъ остался нѣкоторое время стоять въ раздумьи и, погодя, ушелъ наверхъ, къ женѣ. Черезъ три минуты раздался звонокъ: Юголевичъ вернулся; оказалось, что онъ не знаетъ, какъ дойти до станціи подземной дороги. Мартынъ взялся его проводить и, шагая рядомъ съ нимъ, мучительно придумывалъ тему для разговора. «Напомните вашему отцу, — я совсѣмъ забылъ передать, — что Максимовъ просить поскорѣе его статью о добровольческихъ впечатлѣніяхъ, — вдругъ сказалъ Юголевичъ, — онъ знаетъ, въ чемъ дѣло, — вы только передайте, Максимовъ уже вашему отцу писалъ». «Непремѣнно», — отвѣтилъ Мартынъ, — хотѣлъ что-то добавить, но осѣкся. {106}

Онъ, неспѣша, вернулся въ домъ, — представляя себѣ то Юголевича, въ бѣломъ балахонѣ, переходящимъ границу, то Зиланова съ портфелемъ на какой-то разрушенной станціи, подъ украинскими звѣздами. Все было тихо въ домѣ, когда онъ поднимался по лѣстницѣ. Раздѣваясь, онъ позѣвывалъ и чувствовалъ странную тоску. Ярко горѣла лампочка на ночномъ столикѣ, пухло бѣлѣла широкая постель, халатъ, вынутый горничной изъ портплекда, отливалъ синимъ шелкомъ, уютно растянувшись на креслѣ. Вдругъ Мартынъ съ досадой замѣтилъ, что забылъ захватить съ собою книгу, которую облюбовалъ въ гостиной, тогда же мелькомъ рѣшивъ взять ее съ собою въ постель. Онъ накинулъ халатъ и спустился во второй этажъ. Книга была потрепаннымъ томомъ Чехова. Онъ нашелъ ее — почему-то на полу — и вернулся къ себѣ въ спальню. Но тоска не прошла, хотя Мартынъ былъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ хорошая книжка передъ сномъ — драгоценное блаженство. Такой человѣкъ, вспомнивъ случайно днемъ, среди обычныхъ своихъ дѣлъ, что на ночномъ столикѣ, въ полной сохранности, ждетъ книга, — чувствуетъ приливъ неизъяснимаго счастья. Мартынъ началъ читать, выбравъ рассказъ, который онъ зналъ, любилъ, могъ перечестъ сто разъ подрядъ, — «Дама съ собачкой». Ахъ, какъ она хорошо потеряла лорнетку въ толпѣ, на ялтинскомъ молу! И внезапно, безъ всякой какъ будто причины, онъ понялъ, что именно такъ беспокоить его. Въ этой свѣтлой комнатѣ спала годъ назадъ Нелли, а теперь ея нѣтъ.

«Какіе пустяки», — сказалъ Мартынъ и попробовалъ продолжать чтеніе, — но это оказалось невозможнымъ. {107} Онъ вспомнилъ давно минушія ночи, когда ждалъ, что покойный отецъ царпнетъ въ углу. У Мартына сильно забилося сердце; въ постели стало жарко и неудобно.

Онъ представилъ себѣ, какъ самъ будетъ когда-нибудь умирать, — и было такое ощущеніе, словно медленно и неумолимо опускается потолокъ. Что-то мелко застучало въ тѣневой части комнаты, — и у Мартына екнуло въ груди. Но это просто закапала на линолеумъ вода, пролитая на доску умывальника. А вѣдь странно: если бродятъ души покойниковъ, то все хорошо, есть, значитъ, загробныя движенія души, — почему же это такъ страшно? «Какъ же я самъ буду умирать?» — подумалъ Мартынъ и началъ перебирать въ умѣ всѣ разновидности смерти. Онъ увидѣлъ себя стоящимъ у стѣнки, вобравшимъ въ грудь побольше воздуха и ожидающимъ залпа, и вспоминающимъ съ дикой безнадежностью вотъ эту, вотъ эту нынѣшнюю минуту, — свѣтлую спальню, пухлую ночь, безпечность, безопасность. Могли быть и болѣзни, ужасныя болѣзни, разрывающая внутренности. Или крушеніе поѣзда. Или, наконецъ, тихое замираніе старости, смерть во снѣ. А еще — темный лѣсъ и погоня. «Пустяки, — подумалъ Мартынъ. — У меня большой запасъ. Да и каждый годъ — цѣлая эпоха. Что же тутъ тревожиться? А можетъ быть Нелли здѣсь и сейчасъ видитъ меня? Можетъ быть, вотъ-вотъ — подастъ мнѣ знакъ?» Онъ посмотрѣлъ на часы, было около двухъ. Безпокойство становилось нестерпимымъ. Тишина какъ будто ждала, — дальній рожокъ автомобиля былъ бы счастьемъ. Тишина лилась, лилась — и вдругъ перелилась черезъ край: кто-то на цыпочкахъ босикомъ шелъ по коридору. {108} «Спите?» — раздался вопросительный шопотъ черезъ дверь, и Мартынъ не сразу могъ отвѣтить, что-то заскочило въ горлѣ. Соня, войдя, тихо опустилась съ пальцевъ на пятки. На ней была желтая пижама, жесткіе черные волосы были слегка растрепаны. Такъ она постояла нѣсколько мгновений, моргая спутанными рѣсницами. Мартынъ, присѣвъ на постели, глупо улыбался. «Нѣтъ никакой возможности спать, — таинственно проговорила Соня. — Мнѣ непріятно, мнѣ какъ-то жутко, — и потомъ эти ужасы, которые онъ рассказывалъ». «Отчего вы, Соня, босикомъ? — пробормоталъ Мартынъ. — Хотите мои ночныя туфли?» Она покачала головой, задумчиво пуча губы, и затѣмъ опять тряхнула волосами и посмотрѣла неопредѣленно на Мартинову постель. «Хопъ-хопъ», — сказалъ Мартынъ, похлопывая по одѣялу въ ногахъ постели. Она влѣзла и встала сперва на колѣни, а потомъ медленно задвигалась и свернулась въ уголку, на одѣялѣ, между изножьемъ постели и стѣной. Мартынъ вытащилъ изъ-подъ себя подушку и подложилъ ей за спину. «Спасибо», — сказала она совершенно беззвучно, — очертаніе слова можно было только угадать по движеніямъ блѣдныхъ мягкихъ губъ. «Вамъ удобно?» — нервно спросилъ Мартынъ, поджавъ колѣни, чтобы ей не мѣшать, а потомъ опять наклонился впередъ и, взявъ съ кресла

рядомъ халатъ, прикрылъ ея босыя ноги. «Дайте мнѣ папиросу», — попросила она погодя. Мартынъ далъ. Отъ Сони шло нѣжное тепло, и вокругъ прелестной голой шеи была тонкая цѣпочка. Она затянулась и, щурясь, выпустила дымъ и отдала папиросу Мартыну. «Крѣпкая», — сказала она съ грустью. «Что вы дѣлали лѣтомъ?» — спросилъ Мартынъ, стараясь побороть {109} что-то глухое, сумасшедшее, совершенно невозможное, отъ котораго даже знобило. «Такъ. Ничего. Были въ Брайтонѣ». Она вздохнула и добавила: «Летала на гидропланѣ». «А я чуть не погибъ, — сказалъ Мартынъ. — Да-да, чуть не погибъ. Высоко въ горахъ. Сорвался со скалы. Едва спасся». Соня смутно улыбнулась. «Знаете, Мартынъ, она всегда говорила, что самое главное въ жизни — это исполнять свой долгъ и ни о чемъ прочемъ не думать. Это очень глубокая мысль, правда?» «Да, можетъ быть, — отвѣтилъ Мартынъ, невѣрной рукой суя недокуренную папиросу въ пепельницу. — Можетъ быть. Но вѣдь иногда это скучновато». «Ахъ, нѣтъ же, нѣтъ, — не просто дѣло, не работу или тамъ службу, а такое, ну такое, — внутреннее». Она замолчала, и Мартынъ замѣтилъ, что она дрожить въ легонькой своей пижамѣ. «Холодно?» — спросилъ онъ. «Да, кажется холодно. И вотъ, это нужно исполнять, а у меня, напимѣръ, ничего нѣтъ». «Соня, — сказалъ Мартынъ, — можетъ быть, вы..?» Онъ слегка отвернулъ одѣяло, и она встала на колѣнки и медленно подвинулась къ нему. «И мнѣ кажется, — продолжала она, вползая подъ одѣяло, которое онъ, ничего не слыша изъ того, что она говоритъ, неловко натянулъ на нее и на себя. — Мнѣ вотъ кажется, что многіе люди этого не знаютъ, и отъ этого происходитъ...» Мартынъ глубоко вздохнулъ и обнялъ ее, прильнувъ губами къ ея щекѣ. Соня схватила его за кисть, приподнялась и мгновенно выкатилась изъ постели. «Боже мой, — сказала она, — Боже мой!» И ея темные глаза заблестѣли слезами, и въ одно мгновение все лицо стало мокро, длинныя свѣтлыя полосы поползли по щекамъ. «Ну, что вы, не надо, я просто, ну, я не знаю, ахъ, {110} Соня», — бормоталъ Мартынъ, не смѣя ея тронуть и теряясь отъ мысли, что она можетъ вдругъ закричать и поднять на ноги весь домъ. «Какъ вы не понимаете, — сказала она протяжно, — какъ вы не понимаете... Вѣдь я же вотъ такъ приходила къ Нелли, и мы говорили, говорили до свѣта...» Она повернулась и, плача, вышла изъ комнаты. Мартынъ, сидя въ спутанныхъ простыняхъ, беспомощно ухмылялся. Она прикрыла за собой дверь, но снова ее отворила, просунула голову. «Дуракъ», — сказала она совершенно спокойно и дѣловито, — послѣ чего засѣменила прочь по коридору.

Мартынъ нѣкоторое время глядѣлъ на бѣлую дверь. Когда онъ потушилъ свѣтъ и попробовалъ уснуть, послѣднее оказалось какъ будто

невозможно. Онъ сталъ размышлять о томъ, что, какъ только забрезжить утро, нужно будетъ одѣться, сложить вещи и тихо уйти изъ дому прямо на вокзалъ, — къ сожалѣнію, онъ на этихъ мысляхъ и уснулъ, — а проснулся въ четверть десятаго. «Можетъ быть, это все было сонъ?» — сказалъ онъ про себя съ нѣкоторой надеждой, но тутъ же покачалъ головой и, въ приливѣ мучительнаго стыда, подумалъ, какъ это онъ теперь встрѣтится съ Соней. Утро выдалось неудачное: онъ опять некстати влетѣлъ въ ванную комнату, гдѣ Зилановъ, широко разставивъ короткія ноги въ черныхъ штанахъ, наклонивъ корпусъ въ плотной фланелевой фуфайкѣ, мыль надъ раковиной лицо, до скрипа растиралъ щеки и лобъ, фыркалъ подъ бьющей струей, прижималъ пальцемъ то одну ноздрю, то другую, яростно высмаркиваясь и плюясь. «Пожалуйста, пожалуйста, я кончилъ», — сказалъ онъ и, ослѣпленный водой, роняя брызги, какъ крылышки держа руки, {111} понесся къ себѣ въ комнату, гдѣ предпочиталъ хранить полотенце.

Затѣмъ, спускаясь внизъ, въ столовую, пить цикуту, Мартынъ встрѣтился съ Ольгой Павловной: лицо у нея было ужасное, лиловатое, все распухшее, — и онъ страшно смутился, не смѣя ей сказать готовыхъ словъ соболѣзнованія, а другихъ не зная. Она обняла его, почему-то поцѣловала въ лобъ, — и, безнадежно махнувъ рукой, удалилась, и тамъ, въ глубинѣ коридора, мужъ ей что-то сказалъ о какихъ-то бумагахъ, съ совершенно неожиданной надтреснутой нѣжностью въ голосѣ, на которую онъ казался вовсе неспособенъ. Соню же Мартынъ встрѣтилъ въ столовой, — и первое, что она ему сказала, было: «Я васъ прощаю, потому что всѣ швейцарцы кретины, — кретинъ — швейцарское слово, — запишите это». Мартынъ собирался ей объяснить, что онъ ничего не хотѣлъ дурного, — и это было въ общемъ правдой, — хотѣлъ только лежать съ ней рядомъ и цѣловать ее въ щеку, — но Соня выглядѣла такой сердитой и унылой въ своемъ черномъ платьѣ, что онъ почелъ за лучшее смолчать. «Папа сегодня уѣзжаетъ въ Бриндизи, — слава Богу, дали, наконецъ, визу, — проговорила она, недоброжелательно глядя на плохо сдержанную жадность, съ которой Мартынъ, всегда какъ волкъ голодный по утрамъ, пожиралъ глазунью. Мартынъ подумалъ, что нечего тутъ засиживаться, день будетъ все равно нелѣпый, проводы и такъ далѣе. «Звонилъ Дарвинъ», — сказала Соня. {112}

XXIV.

Дарвинъ явился съ комедійной точностью, — сразу послѣ этихъ словъ, будто ждалъ за кулисами. Лицо у него было, отъ морского солнца, какъ ростбифъ, и одѣтъ онъ былъ въ замѣчательный, блѣдный костюмъ. Соня поздоровалась съ нимъ — слишкомъ томно, какъ показалось Мартыну. Мартынъ же былъ схваченъ, огрѣтъ по плечу, по бокамъ и нѣсколько разъ спрошенъ, почему онъ не позвонилъ. Вообще говоря, обычно лѣнивый Дарвинъ проявилъ въ этотъ день какую-то невиданную энергію, на вокзалѣ взялъ у носильщика чужой сундукъ и понесъ на затылкѣ, а въ Пульманскомъ вагонѣ, на полпути между Ливерпуль-стритъ и Кембриджемъ, посмотрѣлъ на часы, подозвалъ кондуктора, подалъ ему ассигнацію и торжественно потянулъ рукоятку тормазы. Поѣздъ застоналъ отъ боли и остановился, а Дарвинъ, съ довольной улыбкой, всемъ объяснилъ, что ровно двадцать четыре года тому назадъ онъ появился на свѣтъ. Черезъ день въ одной изъ газетъ побойчѣе была объ этомъ замѣтка подъ жирнымъ заголовкомъ: «Молодой авторъ въ день своего рожденія останавливаетъ поѣздъ»; самъ же Дарвинъ сидѣлъ у своего университетскаго наставника и гипнотизировалъ его подробнымъ рассказомъ о торговлѣ пивками, о томъ, какъ ихъ разводятъ, и какіе сорта лучше.

Та же была стужа въ спальнѣ, тѣ же переключки курантовъ, и тотъ же вваливался Вадимъ, съ тою же на устахъ риѣмованной азбукой, построенной на двустипіяхъ, {113} каждое изъ коихъ начиналось вѣскимъ утвержденіемъ «Японцы любятъ харикири» или: «Филиппъ Испанскій былъ пройдоха», — а кончалось строкой на ту же букву, не менѣе дидактической, но гораздо болѣе непристойной. А вотъ Арчибальдъ Мунъ былъ какъ будто и тотъ же и другой: Мартынъ никакъ не могъ возстановить прежнее очарованіе. Мунъ при встрѣчѣ сказалъ, что выработалъ за лѣто новыхъ шестнадцать страницъ своей Исторіи Россіи, цѣлыхъ шестнадцать страницъ, потому такъ много, объяснилъ онъ, что весь долгій лѣтній день уходилъ на работу, — и при этомъ онъ сдѣлалъ пальцами движеніе, обозначающее переливъ и пластичность каждой, имъ выношенной фразы, и въ этомъ движеніи Мартыну показалось что-то крайне развратное, а слушать густую рѣчь Муна было, какъ жевать толстый, тягучій рахатъ-лукумъ, запудренный сахаромъ. И впервые Мартынъ почувствовалъ нѣчто, для себя оскорбительное, въ томъ, что Мунъ относится къ Россіи, какъ къ мертвому предмету роскоши. Когда онъ въ этомъ сознался Дарвину, тотъ съ улыбкой кивнулъ и сказалъ, что Мунъ таковъ оттого, что преданъ уранизму. Мартынъ сталъ внимательнѣе, — и, послѣ того, какъ однажды Мунъ, ни съ того,

ни съ сего, дрожащими пальцами погладилъ его по волосамъ, онъ пересталъ его посѣщать и тихо спускался черезъ окно по трубѣ въ переулокъ, когда одинокій, томящійся Мунъ стучался въ дверь его комнаты. На лекціи Муна онъ все же продолжалъ ходить, но, изучая отечественныхъ писателей, старался вытравить изъ слуха интонаціи Муна, которыя преслѣдовали его, особенно въ ритмѣ стиховъ. И Муну онъ сталъ предпочитать другого профессора, — Стивенса, {114} благообразнаго старика, который преподавалъ Россію честно, тяжело, обстоятельно, а говорилъ по-русски съ задыхающимся лаемъ, часто вставляя сербскія и польскія слова. Все же не такъ скоро Мартыну удалось окончательно отряхнуть Арчибальда Муна. Порою онъ невольно любовался мастерствомъ его лекцій, но тотчасъ же, почти воочію, видѣлъ, какъ Мунъ уноситъ къ себѣ саркофагъ съ муміей Россіи. Въ концѣ концовъ Мартынъ отъ него совсѣмъ отдѣлался, взявъ кое-что, но претворивъ это въ собственность, и уже въ полной чистотѣ зазвучали русскія музы. А Муна иногда видѣли на улицѣ въ сопровожденіи прекраснаго пухляваго юноши, съ зачесанными назадъ блѣдными, пышными волосами, который игралъ женщинъ въ шекспировскихъ спектакляхъ, при чемъ Мунъ сидѣлъ въ первомъ ряду, весь разомлѣвшій, а потомъ шикалъ съ другими на Дарвина, который, откинувшись въ креслѣ, притворялся, что не въ силахъ сдержатъ восторгъ, и неумѣстно раздражался канонадой рукоплесканій.

Но и съ Дарвиномъ были у Мартына свои счеты. Дарвинъ иногда одинъ отлучался въ Лондонъ, и Мартынъ, въ воскресную ночь, до трехъ часовъ утра, до полнаго оскудѣнія кокса, сидѣлъ у камина, изъ котораго дуло, какъ изъ могилы, и настойчиво, яростно, словно нажимая на больной зубъ, представлялъ себѣ Соню и Дарвина вдвоемъ въ темномъ автомобилѣ. Однажды онъ не выдержалъ и покотилъ въ Лондонъ на вечеръ, на который не былъ званъ, и ходилъ по заламъ, полагая, что выгладитъ очень блѣднымъ и строгимъ, но вдругъ некстати уловилъ въ зеркалѣ свое круглое розовое лицо съ шишкой на лбу, напомнившей ему, какъ онъ наканунѣ вырывалъ футбольный {115} мячъ изъ-подъ мчавшихся ногъ. И вотъ — явились: Соня одѣтая цыганкой, и какъ будто забывшая, что едва четыре мѣсяца минуло со смерти сестры, и Дарвинъ, одѣтый англичаниномъ изъ континентальныхъ романовъ, — костюмъ въ крупную клѣтку, тропическій шлемъ съ платкомъ сзади для защиты затылка отъ солнца Помпеи, бѣдекеръ подмышкой и ярко-рыжіе баки. Была музыка, былъ серпантинъ, была мятель конфетти, и на одно упоительное мгновеніе Мартынъ почувствовалъ себя участникомъ тонкой маскарадной драмы. Музыка прекратилась, — и когда, несмотря на явное желаніе Дарвина остаться съ Соней наединѣ, Мартынъ влѣзъ въ

тотъ же таксомоторъ, онъ замѣтилъ вдругъ въ темнотѣ автомобиля, прорѣзанной случайнымъ отблескомъ, что Дарвинъ какъ будто держитъ Сонину руку въ своей, и мучительно принялся себя увѣрять, что это просто игра свѣта и тѣни. И невѣроятно было тяжело, когда Соня пріѣзжала въ Кембриджъ: Мартыну все казалось, что онъ лишній, что хотятъ отъ него отдѣлаться. И потомъ было опять лѣто въ Швейцаріи, отмѣченное побѣдой надъ однимъ изъ лучшихъ швейцарскихъ теннисистовъ, — но что было Сонѣ до его успѣховъ въ боксѣ, теннисѣ, футболѣ, — и иногда Мартынъ представлялъ себѣ въ живописной мечтѣ, какъ возвращается къ Сонѣ послѣ боевъ въ Крыму, и вотъ съ громомъ проскакивало слово: кавалерія... — маршъ-маршъ, — и свистъ вѣтра, комочки черной грязи въ лицо, атака, атака, — така-такъ подковъ, анапестъ полного карьера. Но теперь было поздно, бои въ Крыму давно кончились, давно прошло время, когда Неллинъ мужъ летѣлъ на вражескій пулеметъ, близился, близился и вдругъ ненарокомъ проскочилъ за черту, въ {116} еще звенѣвшую отзвукомъ земной жизни область, гдѣ нѣтъ ни пулеметовъ, ни конныхъ атакъ. «Спохватился, нечего сказать», — мрачно журилъ себя Мартынъ и вновь, и вновь, съ нестерпимымъ сознаниемъ чего-то упущеннаго, воображалъ георгіевскую ленточку, легкую рану въ лѣвое плечо, — непременно въ лѣвое, — и Соню, встрѣчающую его на вокзалѣ Викторіи. Его раздражала нѣжная улыбка матери при словахъ, которыми она какъ-то обмолвилась: «Видишь, это было все зря, зря, и ты бы зря погибъ. Неллинъ мужъ — другое дѣло, — настоящій боевой офицеръ, — такіе не могутъ жить безъ войны, — и умеръ онъ, какъ хотѣлъ умереть, — а эти мальчишки, которыхъ такъ и косить...» Иностранцамъ, впрочемъ, она съ жаромъ говорила о необходимости продленія военной борьбы, — особенно теперь, когда все прекратилось, и уже не было ничего такого, что могло бы сына залучить. И когда она, нѣсколько лѣтъ спустя, вспомнила это свое облегченіе и спокойствіе, Софья Дмитриевна вслухъ застонала, — вѣдь можно же было уберечь его, не отказаться такъ просто отъ вѣрныхъ предчувствій, быть наблюдательной, быть всегда на чеку, — и кто знаетъ, быть можетъ, лучше бъ было, если бъ онъ и впрямь пошелъ воевать, — ну, былъ бы раненъ, ну, заболѣлъ бы тифомъ, и хотя бы этой цѣной разъ навсегда отдѣлался отъ мальчишеской тяги къ опасности, — но зачѣмъ такія мысли, зачѣмъ предаваться унынію? Больше бодрости, больше вѣры, — пропадаютъ же люди безъ вѣсти и все-таки возвращаются, — ходитъ, напрімѣръ, слухъ, что схватили на границѣ и разстрѣляли, какъ шпіона, — а глядь — человекъ живъ, и вотъ уже посмѣивается и баситъ въ прихожей, — и если Генрихъ опять — {117}

XXV.

Въ то второе каникулярное лѣто не одна только эта мимолетная довольная улыбка матери вызвала у Мартына досаду, — гораздо непріятнѣе было кое-что другое. Онъ замѣтилъ во всемъ странную перемѣну, точно все кругомъ таитъ дыханіе, передвигается на цыпочкахъ. Дядя Генрихъ почему-то теперь звалъ Софью Дмитріевну не Софи, какъ прежде, а *chère amie*, и она тоже говорила ему иногда «мой другъ». Въ немъ появилась новая мягкость, разнѣженность, голосъ сталъ тише, движенія — осторожнѣе, и теперь уже достаточно было похвалить супъ или жаркое, чтобы увлажнились его глаза. Культа памяти Мартынова отца приобрѣлъ оттѣнокъ нестерпимой мистики, — Софья Дмитріевна глубже, чѣмъ когда-либо, чувствовала свою вину передъ покойнымъ, а дядя Генрихъ какъ-будто намѣчалъ для нея трудный, но вѣрный путь искупленія, говорилъ о томъ, какъ счастливъ Сергеевъ духъ видѣть ее въ домѣ у кузена, и однажды даже вынулъ пилочку и началъ съ пріятной грустью шмыгать ею по ногтямъ, — но тутъ Софья Дмитріевна не выдержала и глухо засмѣялась, и совершенно неожиданно смѣхъ перешелъ въ истерическій припадокъ, и Мартынъ второпяхъ такъ сильно пустилъ струю изъ крана на кухнѣ, что облилъ себѣ бѣлые штаны.

Нерѣдко ему приходилось видѣть, какъ мать, устало опираясь на руку Генриха, гуляетъ по саду, или какъ она {118} приноситъ Генриху на ночь пахучаго липоваго чайку для проясненія желудка, — и все это было тягостно, неловко, странно. Передъ его отъѣздомъ въ Кембриджъ, Софья Дмитріевна повидимому захотѣла что-то ему сообщить, и но ей было такъ же неловко, какъ и ему, она смѣшалась и всего только и сказала, что можетъ быть скоро напишетъ ему о важномъ событіи, и дѣйствительно, Мартынъ зимой получилъ письмо, но не отъ нея, а отъ дяди, который на шести страницахъ, плавнымъ почеркомъ, въ душещипательныхъ и выпренихъ выраженіяхъ, увѣдомлялъ его, что вѣнчается съ Софьей Дмитріевной, — очень скромно, въ сельской церкви, — и только дойдя до постскриптума, Мартынъ понялъ, что свадьба уже состоялась и мысленно поблагодарилъ мать за то, что она приурочила къ его отсутствію тяжкое это торжество. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ спрашивалъ себя, какъ же теперь съ нею встрѣтится, о чемъ будетъ говорить, удастся ли ему простить ей измѣну. Ибо, какъ ни верти, это была несомнѣнно измѣна по отношенію къ памяти отца, — а тутъ еще угнетала мысль, что отчимомъ является пухлоусый и недалекій дядя Генрихъ, и, когда Мартынъ на Рождество пріѣхалъ, мать принялась его обнимать и плакать, словно

забывъ, въ угоду Генриху, обычную сдержанность, и просто некуда было дѣваться отъ торжественнаго покашливанія отчима и его добрыхъ рас-
троганныхъ глазъ.

Вообще, въ этотъ послѣдній университетскій годъ Мартынъ то и дѣло чуждъ кознодѣйство нѣкихъ силъ, упорно старающихся ему доказать, что жизнь вовсе не такая легкая, счастливая штука, какой онъ ее мнитъ. Существованіе Сони, постоянное вниманіе, котораго оно вчужѣ требовало {119} отъ его души, мучительные ея пріѣзды, издѣвательскій тонъ, который у нихъ завелся, — все это было крайне изнурительно. Несчастливая любовь однако не мѣшала ему волочиться за всякой мило-
видной женщиной и холодѣть отъ счастья, когда, напримѣръ, Роза, богиня кондитерской, соглашалась на поѣздку вдвоемъ въ автомобилѣ. Въ этой кондитерской, очень привлекавшей студентовъ, пирожныя были всѣхъ цвѣтовъ, ярко-красныя въ пупырькахъ крема, будто мухоморы, лиловыя, какъ фіалковое мыло, и глянцевиито-черныя, негритянскія, съ бѣлой душой. Нажирались ими до отвала, такъ какъ все хотѣлось добратся до чего-нибудь вкуснаго, поглощался одинъ сортъ за другимъ, пока не слипались кишки. Роза, смугло-румяная, съ бархатными щеками и влажнымъ взоромъ, въ черномъ платьѣ и субреточномъ передничкѣ, чрезвычайно быстро ходила по залу, ловко разминаясь съ несущейся ей навстрѣчу другой прислужницей. Мартынъ сразу обратилъ вниманіе на ея толстопалую, красную руку, которую нисколько не украшала яркая звѣздочка дешеваго перстня, и мудро рѣшилъ на ея руки больше никогда не глядѣть, а сосредоточиться на длинныхъ рѣсницахъ, которыя она такъ хорошо опускала, когда записывала счетъ. Какъ-то, попивая жирный, сладкій шоколадъ, онъ передалъ ей цедулку и встрѣтился съ ней вечеромъ подъ дождемъ, а въ субботу нанялъ потрепанный лимузинъ и провелъ съ нею ночь въ старинной харчевнѣ, верстахъ въ пятидесяти отъ Кембриджа. Его нѣсколько потрясло, но и польстило ему, что, по ея словамъ, это первый ея романъ, — ея любовь оказалась бурной, неловкой, деревенской, и Мартынъ, представлявшій ее себѣ легкомысленной и опытной {120} сиреной, былъ такъ озадаченъ, что обратился за совѣтомъ къ Дарвину. «Вышибутъ изъ университета», — спокойно сказалъ Дарвинъ. «Глупости», — возразилъ Мартынъ, сдвинувъ брови. Когда же, недѣли черезъ три, Роза, ставя передъ нимъ чашку шоколада, сообщила ему быстрымъ шопотомъ, что беременна, онъ почувствовалъ, словно тотъ метеоритъ, который обыкновенно падаетъ въ пустыню Гоби, прямо угодилъ въ него.

«Поздравляю», — сказалъ Дарвинъ; послѣ чего очень искусно принялся ему рисовать судьбу грѣшницы съ брюхомъ. «А тебя тоже вышибутъ, — добавилъ онъ. — Это фактъ». «Никто не узнаетъ, я все

улажу», — растерянно проговорилъ Мартынъ. «Безнадежно», — отвѣтилъ Дарвинъ.

Мартынъ вдругъ разсердился и вышелъ, хлопнувъ дверь. Выбѣжавъ въ переулокъ, онъ едва не грохнулся, такъ какъ Дарвинъ очень удачно пустилъ ему въ голову изъ окна большой подушкой, а дойдя до угла и обернувшись, онъ увидѣлъ, какъ Дарвинъ съ трубкой въ зубахъ вышелъ, поднялъ, отряхнулъ подушку и вернулся въ домъ. «Жестокій скотъ», — пробормоталъ Мартынъ и направился прямо въ кондитерскую. Тамъ было полно. Роза, смугло-румяная, съ блестящими глазами, мелькала между столиками, сѣменила съ подносомъ или, нѣжно слюня карандашикъ, писала счетъ. Онъ тоже написалъ кое-что на листкѣ изъ блокъ-нота, а именно: «Прошу васъ выйти за меня замужъ. Мартынъ Эдельвейсъ», — и листокъ сунулъ ей въ ужасную руку; затѣмъ вышелъ, съ часъ ходилъ по улицамъ, вернулся домой, легъ на кушетку и такъ пролежалъ до вечера. {121}

XXVI.

Вечеромъ къ нему вошелъ Дарвинъ, великолѣпно скинулъ плащъ и, подсѣвъ къ камину, сразу началъ кочергой подбадривать угольки. Мартынъ лежалъ и молчалъ, полный жалости къ себѣ, и воображалъ вновь и вновь, какъ онъ съ Розой выходитъ изъ церкви, и она — въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, съ трудомъ налѣзшихъ. «Соня пріѣзжаетъ завтра одна, — беззаботно сказалъ Дарвинъ. — У ея матери инфлуэнца, сильная инфлуэнца». Мартынъ промолчалъ, но съ мгновеннымъ волненіемъ подумалъ о завтрашнемъ футбольномъ состязаніи. «Но какъ ты будешь играть, — сказалъ Дарвинъ, словно въ отвѣтъ на его мысли, — это, конечно, вопросъ». Мартынъ продолжалъ молчать. «Вѣроятно плохо, — заговорилъ снова Дарвинъ. — Требуется присутствіе духа, а ты — въ адскомъ состояніи. Я, знаешь, только что побесѣдовалъ съ этой женщиной».

Тишина. Надъ городомъ заиграли башенные куранты.

«Поэтическая натура, склонная къ фантазіи, — спустя минуту, продолжалъ Дарвинъ. — Она столь же беременна, какъ, напримѣръ, я. Хочешь держать со мною пари ровно на пять фунтовъ, что скручу кочергу въ вензель?» — (Мартынъ лежалъ, какъ мертвый) — «Твое молчаніе, — сказалъ Дарвинъ, — я принимаю за согласіе. Посмотримъ».

Онъ покряхтѣлъ, покряхтѣлъ... «Нѣтъ, сегодня не могу. Деньги твои. Я заплатилъ какъ разъ пять фунтовъ за {122} твою дурацкую записку. Мы — квиты, — все въ порядкѣ.»

Мартынъ молчалъ, только сильно забилося сердце.

«Но если, — сказалъ Дарвинъ, — ты когда-нибудь пойдешь опять въ эту скверную и дорогую кондитерскую, то знай: ты изъ университета вылетишь. Эта особа можетъ зачать отъ простого рукопожатія, — помни это».

Дарвинъ всталъ и потянулся. «Ты не очень разговорчивъ, другъ мой. Признаюсь, ты и эта гетера мнѣ какъ-то испортили завтрашній день».

Онъ вышелъ, тихо закрывъ за собою дверь, и Мартынъ подумалъ заразъ три вещи: что страшно голоденъ, что такого второго друга не сыскать, и что этотъ другъ будетъ завтра дѣлать предложеніе. Въ эту минуту онъ радостно и горячо желалъ, чтобы Соня согласилась, но эта минута прошла, и уже на другое утро, при встрѣчѣ съ Соней на вокзалѣ, онъ почувствовалъ знакомую, унылую ревность (единственнымъ, довольно жалкимъ преимуществомъ передъ Дарвиномъ былъ недавній, виномъ запитый переходъ съ Соней на ты; въ Англии второе лицо, вмѣстѣ съ луконосцами, вымерло; все же Дарвинъ выпилъ тоже на брудершафтъ и весь вечеръ обращался къ ней на архаическомъ нарѣчїи).

«Здравствуй, цвѣтокъ», — небрежно сказала она Мартыну, намекая на его ботаническую фамилію, и сразу, отвернувшись, стала рассказывать Дарвину о вещахъ, которыя могли бы также быть и Мартыну интересны.

«Да что же въ ней привлекательнаго? — въ тысячный разъ думалъ онъ. — Ну, ямочки, ну, блѣдность... Этого мало. И глаза у нея неважные, дикарскіе, и зубы неправильные. И губы какія-то быстрыя, мокрыя, вотъ бы ихъ остановить, {123} залѣпить поцѣлуемъ. И она думаетъ, что похожа на англичанку въ этомъ синемъ костюмѣ и безкаблучныхъ башмакахъ. Да она же, господа, совсѣмъ низенькая!» Кто были эти «господа», Мартынъ не зналъ; выносить свой судъ было бы имъ мудрено, ибо, какъ только Мартынъ доводилъ себя до равнодушія къ Сонѣ, онъ вдругъ замѣчалъ, какая у нея изящная спина, какъ она повернула голову, и ея раскосые глаза скользили по нему быстрымъ холодкомъ, и въ ея торопливомъ говорѣ проходилъ подземной струей смѣхъ, увлажняя снизу слова, и вдругъ проворно вырывался наружу, и она подчеркивала значеніе словъ, тряся туго-спеленутымъ зонтикомъ, который держала не за ручку, а за шелковое утолщеніе. И уныло плетясь, — то слѣдомъ за ними, то сбоку, по мостовой (итти по панели рядомъ было невозможно изъ-за упругаго воздуха, окружавшаго дородство Дарвина, и мелкаго, невѣрнаго, всегда виляющаго Сониного шага), — Мартынъ размышлялъ о томъ, что, если сложить всѣ тѣ случайные часы, которые онъ съ ней провелъ — здѣсь и въ Лондонѣ, — вышло бы не больше

полутора мѣсяцевъ постояннаго общенія, а знакомъ онъ съ нею, слава Богу, уже два года съ лишкомъ, — и вотъ уже третья — послѣдняя — кембриджская зима на исходѣ, и онъ право не можетъ сказать, что она за человѣкъ, и любитъ ли она Дарвина, и что она подумала бы, расскажи ей Дарвинъ вчерашнюю исторію, и сказала ли она кому-нибудь про ту безпокойную, чѣмъ-то теперь восхитительную, уже совсѣмъ нестыдную ночь, когда ее, дрожащую, босую, въ желтенькой пижамѣ, вынесла волна тишины и бережно положила къ нему на одѣяло. Пришли. Соня вымыла руки у Дарвина въ спальнѣ и, {124} подувъ на пуховку, напудрилась. Столъ къ завтраку былъ накрытъ на пятерыхъ. Пригласили, конечно, Вадима, но Арчибальдъ Мунъ давно выбылъ изъ круга друзей, и было даже какъ то странно вспоминать, то онъ почитался нѣкогда желаннымъ гостемъ. Пятымъ былъ некрасивый, но очень легко построенный и чуть эксцентрично одѣтый блондинъ, съ носомъ пуговкой и съ тѣми прекрасными, удлинненными руками, которыми иной романистъ надѣляетъ людей артистическихъ. Онъ однако не былъ ни поэтомъ, ни художникомъ, а все то легкое, тонкое, порхающее, что привлекало въ немъ, равно какъ и его знаніе французскаго и итальянскаго и нѣсколько не англійскія, но очень нарядныя манеры, Кембриджъ объяснялъ тѣмъ, что его отецъ былъ флорентійскаго происхожденія. Тэдди, добрѣйшій, легчайшій Тэдди, исповѣдывалъ католицизмъ, любилъ Альпы и лыжи, прекрасно гребъ, игралъ въ настоящій, старинный теннисъ, въ который игравали короли, и, хотя умѣлъ очень нѣжно обходиться съ дамами, былъ до смѣшнаго чистъ и только гораздо позже прислалъ какъ-то Мартыну письмо изъ Парижа съ такимъ извѣщеніемъ: «Я вчера завелъ себѣ дѣвку. Вполнѣ чистоплотную», — и, сквозь нарочитую грубость, было что-то грустное и нервное въ этой строкѣ, — Мартынъ вспомнилъ его неожиданные припадки меланхоліи и самобичеванія, его любовь къ Леопарди и снѣгу, и то, какъ онъ со злобой разбилъ ни въ чемъ неповинную этрусскую вазу, когда съ недостаточнымъ блескомъ выдержалъ экзамень.

«Пріятно зрѣть, когда большой медвѣдь ведетъ подручку...» {125}

И Соня закончила за Вадима, который уже давно ея не стѣснялся: «...маленькую сучку», — а Тэдди, склонивъ голову на бокъ, спросилъ, что такое: «Маэкасючику», — и всѣ смѣялись, и никто не хотѣлъ ему объяснить, и онъ такъ и обращался къ Сонѣ: «Можно вамъ положить еще горошку, маэкасючику?» Когда же Мартынъ впоследствии объяснилъ ему, что это значитъ, онъ со стономъ схватился за виски и рухнулъ въ кресло.

«Ты волнуешься, волнуешься?» — спросилъ Вадимъ.

«Ерунда, — отвѣтилъ Мартынъ. — Но я нынче дурно спалъ и пожалуй буду мазать. У нихъ есть трое съ интернаціональнымъ стажемъ, а у насъ только двое такихъ».

«Ненавижу футболъ», — сказалъ съ чувствомъ Тэдди. Дарвинъ его поддержалъ. Оба были итонцы, а въ Итонѣ своя особая игра въ мячъ, замѣняющая футболъ.

XXVII.

Межъ тѣмъ Мартынъ дѣйствительно волновался, и немало. Онъ игралъ голкиперомъ въ первой командѣ своего колледжа, и, послѣ многихъ схватокъ, колледжъ вышелъ въ финалъ и сегодня встрѣчался съ колледжемъ святого Іоанна на первенство Кембриджа. Мартынъ гордился тѣмъ, что онъ, иностранецъ, попалъ въ такую команду и, за блестящую игру, произведенъ въ званіе колледжскаго «голубого», — можетъ носить, вмѣсто пиджака, чудесную голубую куртку. Съ пріятнымъ удивленіемъ онъ вспоминалъ, какъ, бывало, въ Россіи, калачикомъ свернувшись въ мягкой выемкѣ ночи, предаваясь мечтанію, уводившему незамѣтно {126} въ сонъ, онъ видѣлъ себя изумительнымъ футболистомъ. Стоило прикрыть глаза и вообразить футбольное поле, или, скажемъ, длинные, коричневые, гармониками соединенные вагоны экспресса, которымъ онъ самъ управляетъ, и постепенно душа улавливала ритмъ, блаженно успокаивалась, какъ бы очищалась и, гладкая, умощенная, соскальзывала въ забытѣе. Былъ это иногда не поѣздъ, пущенный во всю, скользящій между ярко-желтыхъ березовыхъ лѣсовъ и далѣе, черезъ иностранные города, по мостамъ надъ улицами, и затѣмъ на югъ, сквозь внезапно свѣтающіе туннели, и положимъ берегомъ вдоль ослѣпительнаго моря, — это былъ иногда самолетъ, гоночный автомобиль, тобоганъ, въ вихрѣ снѣга берущій крутой поворотъ, или просто тропинка, по которой бѣжишь, бѣжишь, — и Мартынъ, вспоминая, подмѣчалъ нѣкую особенность своей жизни: свойство мечты незамѣтно осѣдать и переходить въ дѣйствительность, какъ прежде она переходила въ сонъ: это ему казалось залогомъ того, что и нынѣшнія его ночныя мечты, — о тайной, незаконной экспедиціи, — вдругъ окрѣпнутъ, наполнятся жизнью, какъ окрѣпла и одѣлась плотью греза о футбольныхъ состязаніяхъ, которой онъ бывало такъ длительно, такъ искусно наслаждался, когда, боясь дойти слишкомъ поспѣшно до сладостной сути, останавливался подробно на приготовленіяхъ къ игрѣ: вотъ натягиваетъ чулки съ цвѣтными отворотами, вотъ надѣваетъ черные трусики, вотъ завязываетъ шнурки крѣпкихъ буцовъ.

Онъ крикнулъ и разогнулся. Передъ каминомъ было тепло переодѣваться, — это чуть сбавляло дрожь волненія. На бѣлый, съ треугольнымъ вырѣзомъ, свѣтеръ тѣсно {127} налѣзла голубая куртка. Какъ уже потрепались голкиперскія перчатки... Ну вотъ, — готовъ. Кругомъ валялись его вещи, онъ все это подобралъ и понесъ въ спальню. По сравненію съ тепломъ шерстяного свѣтера, его голоколѣннымъ ногамъ въ просторныхъ, легкихъ трусахъ было удивительно прохладно. «Уфъ! — произнесъ онъ, входя въ комнату Дарвина. — Я, кажется, быстро переодѣлся». «Пошли», — сказала Соня и встала съ дивана. Тѣдди посмотрѣлъ на нее съ мольбой. «Прошу тысячу разъ прощенія, — взмолился онъ, — меня ждуть, меня ждуть».

Онъ ушелъ. Ушелъ и Вадимъ, обѣщавъ прикатить на поле попозже. «Можетъ быть, это и дѣйствительно не такъ уже интересно, — сказала Соня, обращаясь къ Дарвину. — Можетъ быть, не стоитъ?» «О, нѣтъ, непременно», — съ улыбкой отвѣтилъ Дарвинъ и потрепалъ Мартына по плечу. Они пошли втроемъ по улицѣ, Мартынъ замѣтилъ, что Соня совершенно не смотритъ на него, межъ тѣмъ онъ впервые показывался ей въ футбольномъ нарядѣ. «Прибавимъ шагу, — сказалъ онъ. — Мы еще опоздаемъ». «Не бѣда», — проговорила Соня и стала передъ витриной. «Ладно, я пойду впередъ», — сказалъ Мартынъ и, твердо стуча резиновыми шипами буцовъ, свернулъ въ переулокъ и зашагалъ по направленію къ полю.

Народу навалило уйма, — благо и день выдался отличный, съ блѣдно-голубымъ зимнимъ небомъ и бодрымъ воздухомъ. Мартынъ прошелъ въ павильонъ, и тамъ уже всѣ были въ сборѣ, и Армстронгъ, капитанъ команды, долговязый человѣкъ съ подстриженными усами, застѣнчиво улыбнувшись, въ сотый разъ замѣтилъ Мартыну, что тотъ напрасно не носитъ наколѣнниковъ. Погодя всѣ одиннадцать {128} человѣкъ гуськомъ выбѣжали изъ павильона, и Мартынъ разомъ воспринялъ то, что такъ любилъ: острый запахъ сыроватаго дерна, упругость его подъ ногой, тысячу людей на скамейкахъ, черную проплѣшину въ дернѣ у воротъ и гулкій звукъ, — это покикивала противная команда. Судья принесъ и положилъ на самый пупъ поля (обведенный мѣловой чертой) новенькій, свѣтло-желтый мячъ. Игроки встали по мѣстамъ, раздался свистокъ. И вдругъ волненіе Мартына совершенно исчезло, и, спокойно прислонившись къ штангѣ своихъ воротъ, онъ поглядѣлъ по сторонамъ, пытаясь найти Дарвина и Соню. Игра повелась далеко, въ томъ концѣ поля, и можно было наслаждаться холодомъ, матовой зеленью, говоромъ людей, стоявшихъ тотчасъ за сѣткой воротъ, и гордымъ чувствомъ, что отроческая мечта сбылась, что вонъ тотъ рыжій, главарь противниковъ, такъ восхитительно точно принимающій и передающій

мячъ, недавно игралъ противъ Шотландіи, и что среди толпы есть кое-кто, для кого стоитъ постараться. Въ дѣтскіе годы сонъ обычно наступалъ какъ разъ въ эти минуты начала игры, ибо Мартынъ такъ увлекался подробностями предисловія, что до главнаго не успѣвалъ дойти и забывался. Такъ онъ длилъ наслажденіе, откладывая на другую, менѣе сонную, ночь самую игру, — быструю, яркую, — и вотъ, топотъ ногъ близится, вотъ уже слышно храпящее дыханіе бѣгущихъ, вотъ выбился рыжій и несется, вздрагивая кокомъ, и вотъ — отъ удара его баснословнаго носка мячъ со свистомъ низко метнулся въ уголокъ воротъ, — голкиперъ, упавъ, какъ подкошенный, успѣлъ задержать эту молнію, и вотъ уже мячъ въ его рукахъ, и, увильнувъ отъ противниковъ, Мартынъ {129} всей силою ляжки и икры послалъ мячъ звучной параболой вдаль, подъ раскатъ рукоплесканій. Во время короткаго перерыва игроки валялись на травѣ, сося лимоны, и, когда затѣмъ стороны перемѣнились воротами, Мартынъ съ новаго мѣста опять высматривалъ Соню. Впрочемъ, нельзя было особенно глазѣть, — игра сразу пошла жаркая, и ему все время приходилось дѣлать стойку въ ожиданіи атаки. Нѣсколько разъ онъ ловилъ, согнувшись вдвое, пушечное ядро, нѣсколько разъ взлеталъ, отражая его кулакомъ, и сохранилъ дѣвственность своихъ воротъ до конца игры, счастливо улыбувшись, когда, за секунду до свистка, голкиперъ противниковъ выронилъ скользкій мячъ, который Армстронгъ тотчасъ и залѣпилъ въ ворота.

Все кончилось, публика затопила поле, никакъ нельзя было найти Соню и Дарвина. Уже за трибунами онъ нагналъ Вадима, который, въ тѣснотѣ пѣшихъ, тихо ѣхалъ на велосипедѣ, осторожно повиливая и дудя губами. «Давно драпу дали, — отвѣтилъ онъ на вопросъ Мартына, — сразу послѣ хафтайма, и, знаешь, у мамки —» — тутъ слѣдовало что-то смѣшное, чего, впрочемъ, Мартынъ не дослушалъ, такъ какъ, густо тарахтя, протиснулся одинъ изъ игроковъ, Фильпотъ, на красной мотоциклеткѣ и предложилъ его подвезти. Мартынъ сѣлъ сзади, и Фильпотъ нажалъ акселераторъ. «Вотъ я и напрасно удержалъ тотъ, послѣдній, подъ самую перекладину, — она все равно не видѣла», — думалъ Мартынъ, морщась отъ пестраго вѣтра. Ему сдѣлалось тяжело и горько, и, когда онъ на перекресткѣ слѣзъ и направился къ себѣ, онъ съ отвращеніемъ прожвакалъ вчерашній день, коварство Розы, и стало еще {130} обиднѣе. «Вѣроятно гдѣ-нибудь чай пьютъ», — пробормоталъ онъ, но на всякій случай заглянулъ въ комнату Дарвина. На кушеткѣ лежала Соня, и въ то мгновеніе, какъ Мартынъ вошелъ, она сдѣлала быстрый жестъ, ловя въ горсть пролетающую моль. «А Дарвинъ?» — спросилъ Мартынъ. «Живъ, пошелъ за пирожными», — отвѣтила она, недоброжелательно слѣдя глазами за непойманной, бѣлесой точкой. «Вы

напрасно не дождались конца, — проговорилъ Мартынъ и опустился въ бездонное кресло. — Мы выиграли. Одинъ на ноль». «Тебѣ хорошо бы вымыться, — замѣтила она. — Посмотри на свои колѣни. Ужасъ. И наслѣдилъ чѣмъ-то черненькимъ». «Ладно. Дай отсапать». Онъ нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ и, охая, всталъ. «Постой, — сказала Соня. — Это ты долженъ послушать, — просто уморительно. Онъ только-что мнѣ предложилъ руку и сердце. Вотъ я чувствовала, что это должно произойти: зрѣлъ, зрѣлъ и лопнулъ». Она потянулась и темно взглянула на Мартына, который сидѣлъ высоко поднявъ брови. «Умное у тебя личико», — сказала она и, отвернувшись, продолжала: «Просто не понимаю, на что онъ рассчитывалъ. Милѣйшій и все такое, — но вѣдь это дубъ, англійскій дубъ, — я бы черезъ недѣлю померла бы съ тоски. Вотъ она опять летаетъ, голубушка». Мартынъ прочистилъ горло и сказалъ: «Я тебѣ не вѣрю. Я знаю, что ты согласилась». «Съ ума сошелъ! — крикнула Соня, подскочивъ на мѣстѣ и хлопнувъ обѣими ладонями по кушеткѣ. — Ну какъ ты себѣ можешь это представить?» «Дарвинъ — умный, тонкій, — вовсе не дубъ», — напряженно сказалъ Мартынъ. Она опять хлопнула. «Но вѣдь это не настоящій человѣкъ, — какъ ты не понимаешь, балда! {131} Ну, право же, это даже оскорбительно. Онъ не человѣкъ, а нарочно. Никакого нутра и масса юмора, — и это очень хорошо для бала, — но такъ, надолго, — отъ юмора на стѣнку полѣзешь». «Онъ писатель, отъ него знатоки безъ ума», — тихо, съ трудомъ, проговорилъ Мартынъ и подумалъ, что теперь его долгъ исполненъ, довольно ее уговаривать, есть предѣлъ и благородству. «Да-да, вотъ именно, — только для знатоковъ. Очень мило, очень хорошо, но все такъ поверхностно, такъ благополучно, такъ...» Тутъ Мартынъ почувствовалъ, какъ, прорвавъ шлюзы, хлынула сіяющая волна, онъ вспомнилъ, какъ превосходно игралъ только-что, вспомнилъ, что съ Розой все улажено, что вечеромъ банкетъ въ клубѣ, что онъ здоровъ, силенъ, что завтра, послѣзавтра и еще много, много дней — жизнь, биткомъ набитая всякимъ счастьемъ, и все это налетѣло сразу, закружило его, и онъ, размѣявшись, схватилъ Соню въ охапку, вмѣстѣ съ подушкой, за которую она уцѣпилась, и сталъ ее цѣловать въ мокрые зубы, въ глаза, въ холодный носъ, и она брыкалась, и ея черные, пахнушіе фіалкой, волосы лѣзли ему въ ротъ, и, наконецъ, онъ уронилъ ее съ громкимъ смѣхомъ на диванъ, и дверь открылась, показалась сперва нога, нагруженный свертками вошелъ Дарвинъ, попытался ногой же дверь закрыть, но уронилъ бумажный мѣшокъ, изъ котораго высыпались меренги. «Мартынъ швыряется подушками, — жалобнымъ, запыхавшимся голосомъ сказала Соня. — Подумаешь, — одинъ: ноль, — нечего ужъ такъ бѣситься». {132}

XXVIII.

А на другой день и у Мартына и у Дарвина было съ утра тридцать восемь подмышечной температуры, — ломота, сухость въ горлѣ, звонъ въ ушахъ, — всѣ признаки сильнѣйшей инфлуэнцы. И, какъ ни было пріятно думать, что передаточной инстанціей послужила вѣроятно Соня, — оба чувствовали себя отвратительно, и Дарвинъ, который ни за что не хотѣлъ оставаться въ постели, выглядѣлъ въ своемъ цвѣтистомъ халатѣ тяжеловѣсомъ-боксеромъ, краснымъ и встрепаннымъ послѣ долгаго боя, и Вадимъ, героически презирая заразу, носилъ лѣкарства, а Мартынъ, накрывшись поверхъ одѣяла пледомъ и зимнимъ пальто, мало, впрочемъ, сбавляющими ознобъ, лежалъ въ постели съ сердитымъ выраженіемъ на лицѣ и во всякомъ узорѣ, во всякомъ соотношеніи между любимыми предметами въ комнатѣ, тѣнями, пятнами, видѣлъ человѣческой профиль, — тутъ были кувшинныя рыла, и бурбонскіе носы, и толстогубые негры, — неизвѣстно почему лихорадка всегда такъ усердно занимается рисованіемъ довольно плоскихъ карикатуръ. Онъ засыпалъ, — и сразу танцевалъ фокстротъ со скелетомъ, который во время танца начиналъ развинчиваться, терять кости, ихъ слѣдовало подхватить, попридержать, хотя бы до конца танца; а не то — начинался безобразный экзамень, вовсе непохожій на тотъ, который, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ маѣ, дѣйствительно пришлось Мартыну держать. Тамъ, во снѣ, {133} предлагались чудовищныя задачи съ большими желѣзными иксами, завернутыми въ вату, а тутъ, на яву, въ просторномъ залѣ, косо пересѣченномъ пыльнымъ лучомъ, студенты-филологи въ черныхъ плащахъ отмахивали по три сочиненія въ часъ, и Мартынъ, посматривая на стѣнные часы, крупнымъ, круглымъ своимъ почеркомъ писалъ объ опричникахъ, о Баратынскомъ, о петровскихъ реформахъ, о Лорисъ-Меликовѣ...

Кембриджское житъе подходило къ концу, и какимъ то сіяющимъ апофеозомъ показались послѣдніе дни, когда, въ ожиданіи результатовъ экзаменовъ, можно было съ утра до вечера валандаться, грѣться на солнцѣ, томно плыть, лежа на подушкахъ, внизъ по рѣкѣ, подъ величавымъ покровительствомъ розовыхъ каштановъ. Весной Соня съ семьей переселилась въ Берлинъ, гдѣ Зилановъ затѣялъ еженедѣльную газету, и теперь Мартынъ, лежа навзничъ подъ тихо проходившими вѣтвями, вспоминалъ послѣднюю свою поѣздку въ Лондонъ. Дарвинъ поѣхать не пожелалъ, лѣниво попросилъ передать Сонѣ привѣтъ и, помахавъ въ воздухъ пальцами, погрузился опять въ книгу. Когда Мартынъ при-

былъ, въ домѣ у Зилановыхъ былъ тотъ печальный кавардакъ, который такъ ненавидятъ пожилыя, домовитыя собаки, толстыя таксы, напримѣръ. Горничная и вихрастый малый съ папироской за ухомъ несли внизъ по лѣстницѣ сундукъ. Заплаканная Ирина сидѣла въ гостиной, кусая ногти и неизвѣстно о чемъ думая. Въ одной изъ спаленъ разбились что-то стеклянное, и сразу въ отвѣтъ зазвонилъ въ кабинетѣ телефонъ, но никто не подошелъ. Въ столовой покорно ждала тарелка, прикрытая другой, а что тамъ была за пища — неизвѣстно. {134} Откуда-то пріѣхалъ Зилановъ, въ черномъ пальто несмотря на теплынь, и, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ въ кабинетѣ писать. Ему, кочевнику, было, вѣроятно, совершенно все равно, что черезъ часъ надобно ѣхать на вокзалъ, и что въ углу торчитъ еще незаколоченный ящикъ съ книгами, — такъ сидѣлъ онъ и ровно писалъ, на сквознякъ, среди какихъ-то стружекъ и смятыхъ газетныхъ листовъ. Соня стояла посреди своей комнаты и, прижимая ладони къ вискамъ, сердито переводила взглядъ съ большого пакета на уже вполнѣ сытый чемоданъ. Мартынъ сидѣлъ на низкомъ подоконникѣ и курилъ. Нѣсколько разъ входили то Ольга Павловна, то ея сестра, искали чего-то и, не найдя, уходили. «Ты рада ѣхать въ Берлинъ?» — уныло спросилъ Мартынъ, глядя на свою папиросу, на пепельный наростъ, схожій съ сѣдой хвоей, въ которой сквозитъ зловѣщій закатъ. «Безъ. Разъ. Лично», — сказала Соня, прикидывая въ умѣ, закроется ли чемоданъ. «Соня», — сказалъ Мартынъ черезъ минуту. «А? Что?» — очнулась она и вдругъ быстро завозилась, рассчитывая взять чемоданъ врасплохъ, натискомъ. «Соня, — сказалъ Мартынъ, — неужели —». Вошла Ольга Павловна, посмотрѣла въ уголъ и, кому-то въ коридорѣ отвѣчая отрицательно, торопливо ушла, не прикрывъ двери. «Неужели, — сказалъ Мартынъ, — мы больше никогда не увидимся?» «Всѣ подъ Богомъ ходимъ», — отвѣтила Соня разсѣянно. «Соня», — началъ опять Мартынъ. Она посмотрѣла на него и не то поморщилась, не то улыбнулась. «Знаешь, онъ мнѣ отослалъ всѣ письма, всѣ фотографіи, — все. Комикъ. Могъ бы эти письма оставить. Я ихъ полчаса рвала и спускала, теперь тамъ испорчено». «Ты съ нимъ поступила {135} дурно, — хмуро проговорилъ Мартынъ. — Нельзя было подавать надежду и потомъ отказать». «Что за тонъ, что за тонъ! — съ легкимъ взвизгомъ крикнула Соня. — На что надежду? Какъ ты смѣешь говорить о надеждѣ? Вѣдь это пошлость, мерзость. Ахъ, вообще — отстань отъ меня! Лучше-ка сядь на этотъ чемоданъ», — добавила она нотой ниже. Мартынъ сѣлъ и напыжился. «Не закроется, — сказалъ онъ хрипло. — И я не знаю, почему ты приходишь въ такой ражъ. Я просто хочу сказать» — Тутъ что-то неохотно щелкнуло, и, не давъ чемодану опомниться, Соня повернула въ замкъ ключикъ. «Теперь все хорошо, —

сказала она. — Поди сюда, Мартынъ. Поговоримъ по душамъ». Въ комнату заглянулъ Зилановъ. «Гдѣ мама? — спросилъ онъ. — Я вѣдь просилъ оставить мой столъ въ покоѣ. Теперь исчезла пепельница, тамъ было двѣ почтовыхъ марки». Когда онъ ушелъ, Мартынъ взялъ Сонину руку въ свои, сжалъ ее между ладонями, тяжело вздохнулъ. «Ты все-таки очень хорошій, — сказала Соня. — Мы будемъ переписываться, и ты можетъ быть когда-нибудь прїѣдешь въ Берлинъ, а не то — въ Россіи встрѣтимся, будетъ очень весело». Мартынъ качалъ головой и чувствовалъ, какъ накипаютъ слезы. Соня выдернула руку. «Ну, если хочешь кукситься, — сказала она недовольно, — пожалуйста, сколько угодно». «Ахъ, Соня», — проговорилъ онъ сокрушенно. «Да чего же ты отъ меня, собственно, хочешь? — спросила она шурясь. — Скажи мнѣ, пожалуйста, чего ты отъ меня хочешь?» Мартынъ, отвернувъ голову, пожалъ плечами.

«Слушай, — сказала она — надо итти внизъ, надо ѣхать, меня злитъ, что ты такой надутый. Неужели нельзя все {136} просто?» «Ты въ Берлинѣ выйдешь замужъ», — безнадежно пробормоталъ Мартынъ. Влетѣла горничная, забрала чемоданъ. За ней появилась Ольга Павловна, уже въ шляпѣ. «Пора, пора, — сказала она. — Ты все здѣсь взяла, ничего не оставила? Это ужасъ, — обратилась она къ Мартыну, — мы думали спокойно завтра ѣхать...» Она исчезла, но ея голосъ въ коридорѣ нѣкоторое время еще объяснялъ кому-то о неотложныхъ дѣлахъ мужа, и Мартыну стало такъ пронзительно, такъ невыразимо грустно отъ всей этой кутерьмы, безалаберности, что захотѣлось скорѣе ужъ спровадить, сбыть Соню и вернуться въ Кембриджъ, къ лѣнивому солнцу.

Соня улыбнулась, взяла его за щеки и поцѣловала въ переносицу. «Не знаю, можетъ быть», — прошептала она и, быстро вывернувшись изъ метнувшихся Мартыновыхъ рукъ, подняла палецъ. «Тубо», — сказала она, а потомъ сдѣлала круглые глаза, такъ какъ снизу вдругъ донеслись ужасныя, невозможныя, потрясавшія весь домъ рыданія. «Пойдемъ, пойдемъ, — заторопилась Соня. — Я не понимаю, почему этой бѣдняжкѣ такъ не хочется отсюда уѣзжать. Перестань, чортъ возьми, оставь мою руку!»

Внизу у лѣстницы билась, рыдая, Ирина, цѣплялась за балюстраду. Елена Павловна тихо ее уговаривала, — «Ира, Ирочка», — а Михаилъ Платоновичъ, употребляя уже не разъ испытанное средство, вынулъ платокъ, быстро сдѣлалъ толстый узелъ съ длиннымъ ушкомъ, надѣлъ платокъ на руку, и, вертя ею, показалъ человѣчка въ ночной рубашкѣ и колпакѣ, уютно укладывающагося спать.

На вокзалѣ она расплакалась опять, но уже тише, безнадежнѣе. Мартынъ сунулъ ей коробку конфетъ, предназначенную, {137} собственно говоря, Сонѣ. Зилановъ, какъ только усѣлся, развернулъ газету. Ольга и Елена Павловны считали глазами чемоданы. Съ грохотомъ стали захлопываться дверцы; поѣздъ тронулся. Соня высунулась въ окно, облокотясь на спущенную раму, и Мартынъ нѣсколько мгновений шелъ рядомъ съ вагономъ, а потомъ отсталъ, и уже сильно уменьшившаяся Соня послала ему воздушный поцѣлуй, и Мартынъ споткнулся о какой-то ящикъ.

«Ну вотъ — уѣхали», — сказалъ онъ со вздохомъ и почувствовалъ облегченіе. Онъ перебрался на другой вокзалъ, купилъ свѣжій номеръ юмористическаго журнала съ носастымъ, крутогорбымъ Петрушкой на обложкѣ, а когда все было высосано изъ журнала, засмотрѣлся на нѣжные луга, проплывавшіе мимо. «Моя прелесть, моя прелесть», — произнесъ онъ нѣсколько разъ и, глядя сквозь горячую слезу на зелень, вообразилъ, какъ, послѣ многихъ приключеній, попадетъ въ Берлинъ, явится къ Сонѣ, будетъ, какъ, Отелло, рассказывать, рассказывать... «Да, такъ дальше нельзя, — сказалъ онъ, пальцемъ потирая вѣко и напрягая надгубье, — нельзя, нельзя. Больше активности». Прикрывъ глаза, удобно вдвинувшись въ уголъ, онъ принялся готовиться къ опасной экспедиціи, изучалъ карту, никто не зналъ, что онъ собирается сдѣлать, зналъ, пожалуй, только Дарвинъ, прощай, прощай, ни пуха, ни пера, отходить поѣздъ на сѣверъ, — и на этихъ приготовленіяхъ онъ заснулъ, какъ прежде засыпалъ, надѣвая въ мечтѣ футбольные доспѣхи. Было темно, когда онъ прибылъ въ Кембриджъ. Дарвинъ читалъ все ту же книгу и, какъ левъ, зѣвнулъ, когда онъ къ нему вошелъ. И тутъ Мартынъ поддакъ маленькому озорному соблазну, — за что {138} впоследствии поплатился. Онъ съ нарочитой задумчивой улыбкой уставился въ уголъ, и Дарвинъ, неторопливо доканчивая зѣвокъ, посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ. «Я счастливѣйшій человекъ въ мірѣ, — тихо и проникновенно сказалъ Мартынъ. — Ахъ, если бъ можно было все рассказать». Онъ, впрочемъ, не лгалъ: давеча въ вагонѣ, когда онъ заснулъ, ему привидѣлся сонъ, выросшій изъ двухъ-трехъ Сониныхъ словъ, — она прижимала его голову къ своему гладкому плечу, наклонялась, щекоча губами, говорила что-то придушенно-тепло и нѣжно, и теперь было трудно отдѣлать сонъ отъ яви. «Что жъ, очень радъ за тебя», — сказалъ Дарвинъ. Мартыну вдругъ сдѣлалось неловко, и онъ, посвистывая, пошелъ спать. Черезъ недѣлю онъ получилъ открытку съ видомъ Бранденбургскихъ воротъ и долго разбиралъ паукообразный Сонинъ почеркъ, тщетно пытаясь найти скрытый смыслъ въ незначительныхъ словахъ.

И вотъ, плывя по рѣкѣ подъ низкими цвѣтущими вѣтвями, Мартынъ вспоминалъ, провѣрялъ, испытывалъ разными кислотами послѣднюю встрѣчу съ ней, — пріятная, хотя не очень плодотворная работа. Было жарко, сквозь закрытыя вѣки солнце проникало томнымъ клубничнымъ румянцемъ, слышенъ былъ сдержанный плескъ воды и далекая нѣжная музыка плывущихъ грамофоновъ. Погодя Мартынъ открылъ глаза и въ потокѣ солнца увидѣлъ Дарвина, лежащаго въ подушкахъ напротивъ, въ такихъ же бѣлыхъ фланелевыхъ штанахъ и открытой рубашкѣ, какъ и онъ. На ютѣ этой плотоподобной шлюпки съ плоскимъ, неглубокимъ днищемъ и тупымъ носомъ стоялъ Вадимъ и налегалъ на упорный шестъ. Потрескавшіяся бальныя {139} туфли сверкали отъ брызгъ, на остромъ лицѣ было внимательное выраженіе, — онъ любилъ воду, онъ священнодѣйствовалъ, искусно, плавно орудуя шестомъ, вынимая его изъ воды ритмическими перехватами и снова на него налегая. Шлюпка скользила между цвѣтущихъ береговъ; въ прозрачно-зеленоватой водѣ отражались то каштаны, то млечные кусты ежевики; иногда падалъ лепестокъ, и было видно въ водѣ, какъ изъ глубины спѣшить къ нему навстрѣчу отраженіе, и вотъ — сошлись. Мимо, лѣниво и безмолвно, если не считать воркотни грамофоновъ, проплывали такія же плоскія шлюпки, а изрѣдка байдарка или пирога со вздернутымъ носомъ. Мартынъ замѣтилъ впереди открытый цвѣтной зонтикъ, который колесомъ вращался то вправо, то влѣво, но отъ женщины, тихо вращавшей его, ничего не было видно, кромѣ руки — почему-то въ бѣлой перчаткѣ. На кормѣ стоялъ молодой человѣкъ въ очкахъ и очень неумѣло дѣйствовалъ шестомъ, такъ что шлюпка виляла, и Вадимъ кипѣлъ презрѣніемъ и не зналъ, съ какой стороны ее перегнать. На первой же излучинѣ она неуклонно пошла на берегъ, при чемъ выпуклый зонтикъ обернулся въ профиль, и Мартынъ узналъ Розу. «Посмотри, какъ забавно», — сказалъ онъ, и Дарвинъ, не мѣняя положенія толстыхъ заломленныхъ рукъ, посмотрѣлъ по направленію его взгляда. «Запрещаю съ ней здороваться», — сказалъ онъ спокойно. Мартынъ улыбнулся: «Нѣтъ-нѣтъ, непременно». «Если ты это сдѣлаешь, — протяжно проговорилъ Дарвинъ, — я отшибу тебѣ голову». Было что-то странное въ его глазахъ, и Мартыну сдѣлалось не по себѣ; но именно потому, что онъ разслышалъ въ словахъ Дарвина нешуточную угрозу и испугался ея, Мартынъ, {140} проплывая мимо застрявшей въ кустахъ шлюпки, крикнулъ: «Алло, алло, Роза!» И она молча улыбнулась, сіяя глазами и вертя зонтикомъ, и молодой человѣкъ въ очкахъ уронилъ со шлепкомъ шестъ въ воду, и въ слѣдующее мгновеніе поворотъ ихъ закрылъ, и Мартынъ опять закинулъ голову и сталъ смотрѣть въ небо. Черезъ нѣсколько минутъ молчаливаго

скольженія вдругъ раздался голосъ Дарвина: «Здорово, Джонъ, — рявкнулъ онъ. — Подплывай сюда!»

Джонъ осклабился и затабанилъ. Этотъ чернобровый, ежомъ остриженный толстякъ былъ даровитымъ математикомъ и недавно получилъ за одну изъ своихъ работъ стипендію. Онъ глубоко сидѣлъ въ пирогѣ, двигая вдоль самага борта блестящимъ гребкомъ. «Вотъ что, Джонъ, — сказалъ Дарвинъ. — Тутъ меня вызвали на драку, такъ что будь свидѣтелемъ. Мы выберемъ мѣсто потише и пристанемъ». «Ладно, — отвѣтилъ Джонъ, не выказавъ никакого удивленія, и, плывя рядомъ, сталъ длинно рассказывать о студентѣ, недавно купившемъ гидропланъ и немедленно разбившемъ его при попыткѣ подняться вотъ съ этой узкой рѣки. Мартынъ лежалъ въ подушкахъ, не шевелясь. Знакомая дрожь и слабость въ ногахъ. Быть можетъ Дарвинъ все-таки шутить. Съ чего бы ему такъ взъерепениться?»

Вадимъ, поглощенный навигаторскимъ таинствомъ, ничего повидимому не слышалъ. Послѣ трехъ-четырехъ поворотовъ Дарвинъ попросилъ его пристать. Уже близился вечеръ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ была пустынна. Вадимъ направилъ шлюпку на зеленый мысокъ, выдававшійся изъ-подъ навѣса листвы. Мягко стукнулись. {141}

XXIX.

Дарвинъ первый выскочилъ на берегъ и помогъ Вадиму причалиться. Мартынъ потянулся, неторопясь всталъ, вышелъ тоже. «Я вчера началъ читать Чехова, — сказалъ ему Джонъ, шевеля бровями. — Очень благодарю васъ за совѣтъ. Милый, человѣческій писатель». «О, еще бы», — отвѣтилъ Мартынъ и быстро подумалъ: «Неужто и впрямь будетъ драка?»

«Ну вотъ, — сказалъ Дарвинъ подойдя. — Теперь можно приступить; если пройти сквозь эти кусты, мы выйдемъ на поляну. Съ рѣки ничего не будетъ видно».

Вадимъ только теперь понялъ, что затѣвается. «Мамка тебя убьетъ», — сказалъ онъ по-русски Мартыну. «Пустяки, — отвѣтилъ Мартынъ. — Я боксую не хуже его». «Не надо бокса, — лихорадочно шепнулъ Вадимъ. — Дай ему сразу ногой», — и онъ опредѣлилъ, куда именно. Стоялъ онъ за Мартина только изъ любви къ отечеству.

Полянка, окруженная орѣшникомъ, оказалась ровной, бархатной. Дарвинъ засучилъ рукава, но, подумавши, развернулъ ихъ опять и снялъ рубашку: освѣтилось крупное розовое тѣло съ мускулистымъ лоскомъ на плечахъ и съ дорожкой золотистыхъ волосъ посрединѣ

широкой груди. Онъ pokrѣпче затянулъ ремень пояса и вдругъ заулыбался. «Все это шутка», — радостно подумалъ Мартынъ, но, на всякій случай, тоже обнажилъ торсъ: кожа у него была болѣе кремоваго оттѣнка съ многочисленными {142} родинками, какъ часто бываетъ у русскихъ. По сравненію съ Дарвиномъ онъ казался болѣе поджарымъ, хотя былъ плотенъ и плечистъ. Онъ снялъ черезъ голову крестъ, загребъ въ ладонь цѣпочку, и эту горсточку текучаго золота сунулъ въ карманъ. Вечернее солнце обдавало тепломъ лопатки.

«Вы какъ хотите, — съ перерывами?» — спросилъ Джонъ, удобно растянувшись на травѣ. Дарвинъ вопросительно взглянулъ на Мартына, который стоялъ, сложивъ руки на груди и разставя ноги. «Мнѣ все равно», — замѣтилъ Мартынъ, а въ мысляхъ пронеслось: «Нѣтъ, повидимому драка будетъ, — это ужасно...» Кругомъ да около безпокойно слонялся Вадимъ, заложивъ руки въ карманы, посапывалъ, смущенно ухмылялся, а потомъ сѣлъ по-турецки рядомъ съ Джономъ. Джонъ вынулъ часы. «Имъ все-таки не слѣдуетъ дать больше пяти минутъ, — правда, Вадимъ?» Вадимъ растерянно закивалъ. «Ну-съ, можете начать», — сказалъ Джонъ.

Дарвинъ и Мартынъ, мгновенно сжавъ кулаки, подняли согнутыя въ локтяхъ руки (правая заслоняетъ животъ, лѣвая ходитъ поршнемъ) и принялись упруго и живо переступать на напряженныхъ ногахъ, словно потанцовывая. Въ эту минуту Мартыну еще казалось невозможнымъ ударить Дарвина въ лицо, въ это большое, гладко-выбритое, доброе лицо съ мягкими морщинками у рта; но когда кулакъ Дарвина вдругъ вылетѣлъ и Мартына треснулъ по челюсти, все измѣнилось: пропалъ страхъ, стало на душѣ хорошо, свѣтло, а звонъ въ головѣ отъ встряски пѣлъ о Сонѣ, — настоящей виновницѣ поединка. Увильнувъ отъ новаго выпада, онъ хватилъ Дарвина по его доброму лицу, {143} во время нырнулъ (стремительная рука Дарвина метеоромъ пронеслась надъ самымъ теменемъ) и хотѣлъ двинуть еще разъ снизу вверхъ, но промахнулся и получилъ самъ въ глазъ такой черный и звѣздный ударъ, что пошатнулся и уже не могъ отклониться отъ пяти-шести кулаковъ, летавшихъ вокругъ его головы, но самый опасный изъ нихъ ему все же удалось пропустить черезъ плечо: нагнувшись, онъ обманулъ Дарвина проворнымъ маневромъ и со всей силы хряпнулъ его по мокрому, твердому отъ зубовъ рту, — и тутъ же самъ екнулъ, почувствовавъ, словно налетѣлъ животомъ на торчащій конецъ желѣзнаго бруса. Оба отскочили другъ отъ друга и пошли опять кружить, и у Дарвина изъ угла рта текла красная струйка, и онъ дважды сплюнулъ. Схватились снова. Джонъ, задумчиво покуривая трубку, мысленно противопоставлялъ опытность Дарвина быстротѣ Мартына и думалъ, что, пожалуй, въ рингѣ онъ, выбирая

между этими двумя тяжеловѣсами, отдалъ бы предпочтеніе старшему. У Мартына лѣвый глазъ закрылся и уже распухъ, и оба бойца были мокрые и лоснящіеся, въ красноватыхъ пятнахъ. Вадимъ межъ тѣмъ разошелся, что-то азартно кричалъ, Джонъ на него шикалъ. Бабахъ въ ухо: Мартынъ не удержался на ногахъ, и, пока онъ валился, Дарвинъ успѣлъ его еще разъ хватить, и Мартынъ сильно сѣлъ на траву, ушибивъ копчикъ, но тотчасъ вспрынулъ и налетѣлъ. Несмотря на боль въ головѣ, на глухоту, на багровый туманъ въ глазахъ, Мартыну казалось, что онъ причиняетъ Дарвину больше увѣчій, чѣмъ тотъ ему, но Джонъ, знатокъ бокса, уже ясно видѣлъ, что Дарвинъ только входитъ во вкусъ, еще немножко, и младшій будетъ уложенъ. Мартынъ, однако, {144} чудомъ выдержалъ рѣшительный напоръ Дарвина, состоявшій изъ звучныхъ заушинъ, кои зовутся раскатихами, и успѣлъ еще разъ брякнуть его по рту, а случайно коснувшись своихъ бѣлыхъ штановъ, оставилъ на нихъ красный отпечатокъ. Онъ дышалъ съ присвистомъ, мало уже соображалъ, и то, что было передъ нимъ, называлось уже не Дарвинъ, — и вообще не носило человѣческаго имени, — а было только розовой, скользкой, быстроходной громадой, по которой слѣдовало шмякать изъ послѣднихъ силъ. Ему удалось очень плотно и ладно ударить куда-то, — куда — онъ не видѣлъ, — но тотчасъ множество кулаковъ, справа, слѣва, куда ни сунься, продолжало его обрабатывать, онъ упрямо искалъ въ этомъ вихрѣ брешь, нашель, забарабанилъ по какой-то чмокающей мякинѣ, почувствовалъ вдругъ, что у самого отлетаетъ голова, и, поскользнувшись, повисъ на Дарвинѣ, зажимая сдвинутыми локтями его мокрыя, горячія руки. «Время!» — донесся вдругъ изъ отдаленныхъ пространствъ голосъ Джона, и бойцы расцѣпились, Мартынъ рухнулъ на мураву, Дарвинъ, улыбаясь окровавленнымъ ртомъ, присѣлъ рядомъ, нѣжно перекинулъ руку черезъ его плечо, и оба замерли, склонивъ головы и тяжело дыша.

«Надо вамъ обмыться», — сказалъ Джонъ, а Вадимъ, съ опаской подойдя, сталъ разглядывать ихъ разбитыя лица. «Ты можешь встать?» — съ участіемъ спросилъ Дарвинъ; Мартынъ кивнулъ и, опираясь на него, выпрямился, и они въ обнимку направились къ рѣкѣ; Джонъ похлопалъ ихъ по холоднымъ голымъ спинамъ; Вадимъ пошелъ впередъ, отыскалъ укромный затончикъ; Дарвинъ помогъ Мартыну хорошенько обмыть лицо и торсъ, а потомъ Мартынъ {145} сдѣлалъ для него тоже, — и оба тихо и участливо спрашивали другъ у друга, гдѣ болитъ, не жжетъ ли вода.

XXX.

Сумерки уже переходили въ ночь, шелкали соловьи, дымные луга и темный прибрежный кустарникъ дышалъ сыростью. Джонъ въ своей черной пирогахъ исчезъ въ туманѣ рѣки. Вадимъ, опять стоя на ютѣ, призрачно бѣлѣясь во мракѣ, безмолвно, съ лунатической плавностью, погружалъ свой призрачный шестъ. Мартынъ и Дарвинъ лежали рядомъ на подушкахъ, размаянные, томные, опухшіе, и глядѣли тремя глазами на небо, по которому изрѣдка проходила темная вѣтвь. И это небо, и вѣтвь, и едва плещущая вода, и фигура Вадима, таинственно облагороженнаго любовью къ плаванію, и цвѣтные огни бумажныхъ фонарей на носгахъ встрѣчныхъ шлюпокъ, и мысль, что на-дняхъ конецъ Кембриджу, что въ послѣдній разъ, быть можетъ, они втроемъ скользятъ по узкой туманной рѣкѣ, — все это для Мартына сливалось во что-то удивительное, очаровательное, а свинцовая боль въ головѣ и ломота въ плечахъ тоже казались ему возвышеннаго, романтическаго свойства: ибо такъ плылъ раненый Тристанъ самъ другъ съ арфой.

Еще одна послѣдняя излучина, и вотъ — берегъ. Берегъ, къ которому Мартынъ присталъ, былъ очень хорошъ, яркъ, разнообразенъ. Онъ зналъ, однако, что, напримѣръ, дядя Генрихъ твердо увѣренъ, что эти три года плаванія по кембриджскимъ водамъ пропали даромъ, {146} оттого что Мартынъ побаловался филологической прогулкой, не Богъ вѣсть какой дальней, вмѣсто того, чтобы изучить плодоносную профессію. Мартынъ же по совѣсти не понималъ, чѣмъ знатокъ русской словесности хуже инженера путей сообщенія или купца. Оказалось, что въ звѣринцѣ у дяди Генриха, — а звѣринецъ есть у каждого, — имѣлся, между прочимъ, и тотъ звѣрекъ, который по-французски зовется «чернымъ», и этимъ чернымъ звѣрькомъ былъ для дяди Генриха: двадцатый вѣкъ. Мартына это удивило, ибо ему казалось, что лучшаго времени, чѣмъ то, въ которое онъ живетъ, прямо себѣ не представишь. Такого блеска, такой отваги, такихъ замысловъ не было ни у одной эпохи. Все то, что искрилось въ прежнихъ вѣкахъ, — страсть къ изслѣдованію невѣдомыхъ земель, дерзкіе опыты, подвиги любознательныхъ людей, которые слѣпли или разлетались на мелкія части, героическіе заговоры, борьба одного противъ многихъ, — все это проявлялось теперь съ необывалой силой. То, что человѣкъ, проигравшій на биржѣ милліонъ, хладнокровно кончалъ съ собой, столь же поражало воображеніе Мартына, какъ, скажемъ, вольная смерть полководца, павшаго грудью на мечъ. Автомобильная реклама, ярко алѣющая въ дикомъ и живописномъ ущельѣ, на совершенно недоступномъ мѣстѣ альпійской скалы, восхищала его до слезъ. Услужливость, ласковость очень сложныхъ и очень

простыхъ машинъ, какъ, напимѣрь, тракторъ или линотипъ, приводили его къ мысли, что добро въ человѣчествѣ такъ заразительно, что передается металлу. Когда надъ городомъ, изумительно высоко въ голубомъ небѣ, аэропланъ величиной съ комарика выпускалъ нѣжныя, молочно-бѣлыя {147} буквы во сто кратъ больше него самого, повторяя въ божественныхъ размѣрахъ росчеркъ фирмы, Мартынъ проникался ощущеніемъ чуда. А дядя Генрихъ, подкармливая своего черного звѣрька, съ ужасомъ и отвращеніемъ говорилъ о закатѣ Европы, о послѣвоенной усталости, о нашемъ слишкомъ трезвомъ, слишкомъ практическомъ вѣкѣ, о нашествіи мертвыхъ машинъ; въ его представленіи была какая-то дьявольская связь между фокстротомъ, небоскребами, дамскими модами и коктейлями. Кромѣ того, дядѣ Генриху казалось, что онъ живетъ въ эпоху страшной спѣшки, и было особенно смѣшно, когда онъ объ этой спѣшкѣ бесѣдовалъ въ лѣтній день, на краю горной дороги, съ аббатомъ, — межъ тѣмъ, какъ тихо плыли облака, и старая, розовая аббатова лошадь, со звономъ отряхиваясь отъ мухъ, моргая бѣлыми рѣсницами, опускала голову полнымъ невыразимой прелести движеніемъ и сочно похрустывала придорожной травой, вздрагивая кожей и переставляя изрѣдка копыто, и, если разговоръ о безумной спѣшкѣ нашихъ дней, о власти доллара, объ аргентинцахъ, соблазвившихъ всѣхъ дѣвушекъ въ Швейцаріи, слишкомъ затягивался, а наиболѣе нѣжные стебли уже оказывались въ данномъ мѣстѣ съѣденными, она слегка подвигалась впередъ, при чемъ со скрипомъ поворачивались высокія колеса таратайки, и Мартынъ не могъ оторвать взглядъ отъ добрыхъ сѣдыхъ лошадиныхъ губъ, отъ травинокъ, застрявшихъ въ удилахъ. «Вотъ, напимѣрь, этотъ юноша, — говорилъ дядя Генрихъ, указывая палкой на Мартына, — вотъ онъ кончилъ университетъ, одинъ изъ самыхъ дорогихъ въ мірѣ университетовъ, а спросите его, чему онъ научился, на что онъ способенъ. {148} Я совершенно не знаю, что онъ будетъ дальше дѣлать. Въ мое время молодые люди становились врачами, офицерами, нотариусами, а вотъ онъ, вѣроятно, мечтаетъ быть летчикомъ или платнымъ танцоромъ». Мартыну было невдомекъ, чего именно онъ служилъ примѣромъ, аббатъ повидимому понималъ парадоксы дяди Генриха и сочувственно улыбался. Иногда Мартына такъ раздражали подобные разговоры, что онъ былъ готовъ сказать дядѣ — и, увы, отчиму — грубость, но во время останавливался, замѣтивъ особое выраженіе, которое появлялось на лицѣ у Софьи Дмитриевны всякій разъ, какъ Генрихъ впадалъ въ краснорѣчіе. Тутъ была и едва проступавшая ласковая насмѣшка, и какая-то грусть, и безсловесная просьба простить чудаку, — и еще что-то неизъяснимое, очень мудрое. И Мартынъ молчалъ, втайнѣ отвѣчая дядѣ Генриху примѣрно такъ: «Неправда, что я въ

Кембриджъ занимался пустяками. Неправда, что я ничему не научился. Колумбъ, прежде, чѣмъ взяться черезъ западное плечо за восточное ухо, отправился инкогнито для полученія кое-какихъ справокъ въ Исландію, зная, что тамошніе моряки — народъ дошлый и дальноходный. Я тоже собираюсь изслѣдовать далекую землю».

XXXI.

Софья Дмитриевна не докучала сыну нудными разговорами, до которыхъ былъ падохъ Генрихъ; она не спрашивала его, чѣмъ онъ собирается заниматься, считая, что это все какъ-то само собой устроится, и была только счастлива, {149} что онъ сейчасъ при ней, здоровъ, плечистъ, темень отъ загара, лупить въ теннисъ, говоритъ низкимъ голосомъ, ежедневно бреется и вгоняетъ въ макъ молодую, яркоглазую мадамъ Гишаръ, мѣстную купчиху. Порою она думала о томъ, что Россія вдругъ стряхнетъ дурной сонъ, полосатый шлагбаумъ поднимется, и всѣ вернутся, займутъ прежнія свои мѣста, — и Боже мой, какъ подросли деревья, какъ уменьшился домъ, какая грусть и счастье, какъ пахнетъ земля... По утрамъ она такъ же страстно ждала почтальона, какъ и во дни пребыванія сына въ Кембриджъ и, когда теперь приходило, — а приходило оно нечасто, — письмо на имя Мартына, въ конторскомъ конвертѣ съ паукообразнымъ почеркомъ и берлинской маркой, она испытывала живѣйшую радость, и, схвативъ письмо, спѣшила къ нему въ комнату. Мартынъ еще лежалъ въ постели, очень взлохмаченный, посасывалъ папиросу, держа руку у подбородка. Онъ видѣлъ въ зеркалѣ, какъ солнечной раной раскрывалась дверь, и видѣлъ особое выраженіе на розовомъ, веснущатомъ лицѣ матери: по ея плотно-сжатымъ, но уже готовымъ расплыться въ улыбку губамъ, онъ зналъ, что есть письмо. «Сегодня ничего для тебя нѣтъ», — небрежно говорила Софья Дмитриевна, держа руку за спиной, но сынъ уже протягивалъ нетерпѣливые пальцы, и она, просіявъ, прикладывала конвертъ къ груди, и оба смѣялись, и затѣмъ, не желая мѣшать его удовольствію, она отходила къ окну, облакачивалась, захвативъ ладонями щеки, и съ чувствомъ совершеннаго счастья глядѣла на горы, на одну далекую, розовато-снѣжную вершину, которая была видна только изъ этого окна. Мартынъ, залпомъ проглотивъ письмо, притворялся {150} значительно болѣе довольнымъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, такъ что Софья Дмитриевна представляла себѣ эти письма отъ маленькой Зилановой полными нѣжности и вѣроятно почувствовала бы печальную обиду за сына, если бы ей довелось ихъ прочесть. Она помнила маленькую Зиланову со стран-

ной ясностью: черноволосая, блѣдная дѣвочка, всегда съ ангиной или послѣ ангины, съ шей, забинтованной или пожелтѣвшей отъ іода; она помнила, какъ однажды повела десятилѣтняго Мартына къ Зилановымъ на елку, и маленькая Соня была въ бѣломъ платьѣ съ кружевцами и съ широкимъ шелковымъ кушакомъ на бедрахъ. Мартынъ же этого не помнилъ вовсе, елокъ было много, онѣ мѣшались, и только одно было очень живо, ибо повторялось всегда: мать говорила, что пора домой, и засовывала пальцы за воротникъ его матроски, провѣряя, не очень ли онъ потенъ отъ бѣготни, а онъ еще рвался куда-то съ огромной золотой хлопущей въ рукѣ, но хватка матери была ревнива, и вотъ уже натягивались шерстяные рейтузики, почти до подмышекъ, надѣвались ботики, полушубокъ, съ туго застегивавшимся на душкѣ крючкомъ, отвратительно щекотный башлыкъ, — и вотъ — морозная радуга фонарей проходитъ по стекламъ кареты. Мартына волновало, что тогда и теперь выраженіе материнскихъ глазъ было то же, — что и теперь она легко трогала его за шею, когда онъ возвращался съ тенниса, и приносила Сонино письмо съ тою же нѣжностью, какъ нѣкогда — выписанное изъ Англіи духовое ружье въ длинной картонной коробкѣ.

Ружье оказывалось несовсѣмъ такимъ, какъ онъ ожидалъ, не совпадало съ мечтой о немъ, какъ и теперь письма {151} Сони были не такими, какихъ ему хотѣлось. Она писала рѣдко, писала какъ-то судорожно, ни одного не попадалось таинственнаго слова, и ему приходилось удовлетворяться такими выраженіями, какъ: «часто вспоминаю добрый, старый Кембриджъ» или «всѣхъ благъ, мой маленькій цвѣточекъ, жму лапу». Она сообщала, что служить, машинка да стенографія, что съ Ириной очень трудно, — сплошная истерія, — что у отца ничего путнаго не вышло съ газетой, и онъ теперь налаживаетъ издательское дѣло, что въ домѣ иногда не бываетъ ни копѣйки, и очень грустно, что масса знакомыхъ, и очень весело, что трамваи въ Берлинѣ зеленые, и что въ теннисъ берлинцы играютъ въ крахмальныхъ воротничкахъ и подтяжкахъ. Мартынъ терпѣлъ, терпѣлъ, протерпѣлъ лѣто, осень и зиму, и какъ-то, въ апрѣльскій день, объявилъ дядѣ Генриху, что ѣдетъ въ Берлинъ. Тотъ надулся и сказалъ недовольно: «Мнѣ кажется, дружокъ, что это лишено здраваго смысла. Ты всегда успеешь увидѣть Европу, — я самъ думалъ осенью взять васъ, тебя и твою мать, въ Италію. Но вѣдь нельзя безъ конца валандаться. Короче, — я хотѣлъ тебѣ предложить попробовать твои молодя силы въ Женевѣ». — (Мартынъ хорошо зналъ о чемъ рѣчь, — уже нѣсколько разъ выползалъ, крадучись, этотъ жалкій разговоръ о какомъ-то коммерческомъ домѣ братьевъ Пти, съ которыми дядя Генрихъ былъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ), — «попробовать твои молодя силы, — повторилъ дядя Генрихъ. — Въ этотъ

жестокій вѣкъ, въ этотъ вѣкъ очень практическій, юноша долженъ научиться зарабатывать свой хлѣбъ и пробивать себѣ дорогу. Ты основательно знаешь англійскій языкъ. Иностранная корреспонденція — вещь {152} крайне интересная. Что же касается Берлина... Ты вѣдь не очень силенъ въ нѣмецкомъ, — не такъ ли? Не вижу, что ты будешь тамъ дѣлать». «Предположимъ, что ничего». — угрюмо сказалъ Мартынь. Дядя Генрихъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. «Странный отвѣтъ. Не знаю, что твой отецъ подумалъ бы о подобномъ отвѣтѣ. Мнѣ кажется, что онъ, какъ и я, былъ бы удивленъ, что юноша, полный здоровья и силъ, гнушается всякой работы. Пойми, пойми, — поспѣшно добавилъ дядя Генрихъ, замѣтивъ, что Мартынь неприятно побавровѣлъ, — я вовсе не мелочень. Я достаточно богатъ, слава Богу, чтобы тебя обезпечить, — я себѣ дѣлаю изъ этого долгъ и счастье, — но съ твоей стороны было бы безуміемъ не работать. Европа проходитъ черезъ неслыханный кризисъ, человѣкъ теряетъ состояніе въ мгновение ока. Это такъ, ничего не подѣлаешь, надо быть ко всему готовымъ». «Мнѣ твоихъ денегъ не нужно», — тихо и грубо сказалъ Мартынь. Дядя Генрихъ сдѣлалъ видъ, будто не разслышалъ, но его глаза налились слезами. «Неужели, — спросилъ онъ, — у тебя нѣтъ честолюбія? Неужели ты не думаешь о карьерѣ? Мы, Эдельвейсы, всегда умѣли работать. Твой дѣдъ былъ сначала бѣднымъ домашнимъ учителемъ. Когда онъ сдѣлалъ предложеніе твоей бабушкѣ, ея родители прогнали его изъ дому. И вотъ — черезъ годъ онъ возвращается директоромъ экспортной фирмы, и тогда, разумѣется, всѣ препятствія были сметены...» «Мнѣ твоихъ денегъ не нужно, — еще тише повторилъ Мартынь, — а насчетъ дѣдушки — это все глупая семейная легенда, — и ты это знаешь». «Что съ нимъ, что съ нимъ, — съ испугомъ забормоталъ дядя Генрихъ. — Какое ты имѣешь {153} право меня такъ оскорблять? Что я тебѣ сдѣлалъ худого? Я, который всегда»... — «Однимъ словомъ, я ѣду въ Берлинъ», — перебилъ Мартынь, и, дрожа, вышелъ изъ комнаты.

XXXII.

Вечеромъ было примиреніе, объятія, сморканіе, разнѣженный кашель, — но Мартынь настоялъ на своемъ. Софья Дмитриевна, чувствуя его тоску по Сонѣ, оказалась его сообщницей и бодро улыбалась, когда онъ садился въ автомобиль.

Какъ только домъ скрылся изъ вида, Мартынь перемѣнился мѣстами съ шоферомъ и легко, почти нѣжно держа руль, словно нѣчто живое и цѣнное, и глядя, какъ мощная машина глотаешь дорогу, испы-

тывалъ почти то же, что въ дѣтствѣ, когда, сѣвъ на полъ, такъ, чтобы педали рояля пришлись подъ подошвы, держалъ между ногъ табуретъ съ круглымъ вращающимся сидѣніемъ, орудовалъ имъ, какъ рулемъ, бралъ на полномъ ходу восхитительные повороты, еще и еще нажималъ педаль (рояль при этомъ гукалъ) и шурился отъ воображаемаго вѣтра. Затѣмъ, въ поѣздѣ, въ нѣмецкомъ вагонѣ, гдѣ въ простѣнкахъ были небольшія карты, какъ разъ тѣхъ областей, по которымъ данный поѣздъ не проходилъ, — Мартынъ наслаждался путешествіемъ, ѣлъ шоколадъ, курилъ, совалъ окурокъ подъ желѣзную крышку пепельницы, полной сигарнаго праха. Къ Берлину онъ подѣзжалъ вечеромъ и, глядя прямо изъ вагона на уже освѣщенныя улицы, пережилъ снова давнишнее {154} дѣтское впечатлѣніе Берлина, счастливые жители котораго могутъ хоть каждый день смотрѣть на поѣздъ баснословнаго слѣдованія, плывущій по черному мосту надъ ежедневной улицей, и вотъ этимъ отличался Берлинъ отъ Петербурга, гдѣ желѣзнодорожное движеніе скрывалось, какъ нѣкое таинство. Но черезъ недѣлю, когда онъ къ городу присмотрѣлся, Мартынъ былъ уже безсиленъ возстановить тотъ уголь зрѣнія, при которомъ черты показались знакомы, — какъ при встрѣчѣ съ человѣкомъ, годами невидѣннымъ, признаешь сперва его обликъ и голосъ, а присмотришься — и тутъ же наглядно продѣлывается все то, что незамѣтно продѣлало время, мѣняются черты, разрушается сходство, и сидитъ чужой человѣкъ, самодовольный поглотитель небольшого и хрупкаго своего двойника, котораго отнынѣ уже будетъ трудно вообразить, — если только не поможетъ случай. Когда Мартынъ нарочно посѣщалъ тѣ улицы въ Берлинѣ, тотъ перекрестокъ, ту площадь, которые онъ видѣлъ въ дѣтствѣ, ничто, ничто не волновало душу, но зато, при случайномъ запахѣ угля или бензиннаго перегара, при особомъ блѣдномъ оттѣнкѣ неба сквозь кисею занавѣски, при дрожи оконныхъ стеколъ, разбуженныхъ грузовикомъ, онъ мгновенно проникался тѣмъ городскимъ, отельнымъ, блѣдно-утреннимъ, чѣмъ нѣкогда пахнулъ на него Берлинъ. Игрушечные магазины на когда-то нарядной улицѣ порѣдѣли, осунулись, локомотивы въ нихъ были теперь поменьше, поплоче. Мостовая на этой улицѣ была разворочена, рабочіе въ жилеткахъ сверлили, дымили, рыли глубокія ямы, такъ что приходилось пробираться по мосткамъ, а иногда даже по рыхлому песку. Въ пассажномъ {155} паноптикумѣ потеряли свою страшную прелесть человѣкъ въ саванѣ, энергично выходящій изъ могилы, и желѣзная женщина для чрезвычайной пытки. Когда Мартынъ пошелъ искать на Курфюрстендамѣ тотъ огромный скэтингъ-ринкъ, отъ котораго остались въ памяти: гремучій раскатъ колесиковъ, красная форма инструкторовъ, раковина оркестра, соленый тортъ-мокка, подававшійся въ круговыхъ ложахъ, и

па-де-патинеръ, которое онъ танцевалъ подь всякую музыку, подгибая то правый, то лѣвый роликъ, и Богъ ты мой, какъ онъ разъ шлепнулся, — оказалось, что все это исчезло безслѣдно. Курфюрстендамъ измѣнился тоже, возмужалъ, вытянулся, и гдѣ-то — не то подь новымъ домомъ, не то на пустырь, — была могила большого тенниса въ двадцать площадокъ, гдѣ раза два Мартынъ игралъ съ матерью, которая, подавая снизу мячъ, говорила яснымъ голосомъ «плэй» и, бѣгая, шуршала юбкой. Теперь, не выходя изъ города, онъ добирался до Груневальда, гдѣ жили Зилановы, и отъ Сони узнавалъ, что бессмысленно ѣздить за покупками къ Вертхайму, и что вовсе не обязательно посѣщать Винтергартенъ, — гдѣ нѣкогда высокій потолокъ былъ, какъ дивное звѣздное небо, и въ ложахъ, у освѣщенныхъ столиковъ, сидѣли прусскіе офицеры, затянутые въ корсеты, а на сценѣ двѣнадцать голоногихъ дѣвицъ пѣли гортанными голосами и, держась подруки, переливались справа налево и обратно и скидывали двѣнадцать бѣлыхъ ногъ, и маленькій Мартынъ тихо охнулъ, узнавъ въ нихъ тѣхъ миловидныхъ, скромныхъ англичанокъ, которыя, какъ и онъ, бывали по утрамъ на деревянномъ каткѣ.

Но пожалуй самымъ неожиданнымъ въ этомъ новомъ, {156} широко расползавшемся Берлинѣ, такомъ тихомъ, деревенскомъ, растяпистомъ по сравненію съ гремящимъ, яснымъ и наряднымъ городомъ Мартынова дѣтства, — самымъ неожиданнымъ въ немъ была та развязная, громкоголая Россія, которая тараторила повсюду — въ трамваяхъ, на углахъ, въ магазинахъ, на балконахъ домовъ. Лѣтъ десять тому назадъ, въ одной изъ своихъ пророческихъ грезъ (а у всякаго человѣка съ большимъ воображеніемъ бываютъ грезы пророческія, — такова математика грезъ), петербургскій отрокъ Мартынъ снился себѣ самому изгнанникомъ, и подступали слезы, когда, на воображаемомъ дебаркадерѣ, освѣщенномъ причудливо тускло, онъ невзначай знакомился — съ кѣмъ?.. — съ землякомъ, сидящимъ на сундукѣ, въ ночь озноба и запозданій, и какіе были дивные разговоры! Для роли этихъ земляковъ онъ попросту бралъ русскихъ, замѣченныхъ имъ во время заграничной поѣздки, — семью въ Біаррицѣ, съ гувернанткой, гувернеромъ, бритымъ лакеемъ и рыжей таксой, замѣчательную бѣлокурую даму въ берлинскомъ Кайзергофѣ, или въ коридорѣ нордъ-экспресса стараго господина въ черной мурмолкѣ, котораго отецъ шопотомъ назвалъ «писатель Боборыкинъ», — и, выбравъ имъ подходящіе костюмы и реплики, посылалъ ихъ для встрѣчъ съ собой въ отдаленнѣйшія мѣста свѣта. Нынѣ эта случайная мечта — слѣдствіе Богъ вѣсть какой дѣтской книги — воплотилась полностью и, пожалуй,хватила черезъ край. Когда, въ трамваѣ, толстая расписная дама уныло повисала на ремнѣ и, гремя роскошными русскими звуками, говорила черезъ

плечо своему спутнику, старику въ сѣдыхъ усахъ: «Поразительно, прямо поразительно, — ни {157} одинъ изъ этихъ невѣжъ не уступить мѣсто», — Мартынъ вскакивалъ и, съ сіяющей улыбкой повторяя то, что нѣкогда въ отроческихъ мечтахъ случайно прорепетировалъ, восклицалъ: «Пожалуйста!» — и, сразу поблѣднѣвъ отъ волненія, повисалъ въ свою очередь на ремнѣ. Мирные нѣмцы, которыхъ дама звала невѣжами, были все усталые, голодные, работающіе, и сѣрые бутерброды, которые они жевали въ трамваѣ, пускай раздражали русскихъ, но были необходимы: настоящіе обѣды обходились дорого въ тотъ годъ, и, когда Мартынъ мѣнялъ въ трамваѣ долларъ, — вмѣсто того, чтобы на этотъ долларъ купить доходный домъ, — у кондуктора отъ счастья и удивленія тряслись руки. Доллары Мартынъ зарабатывалъ особымъ способомъ, которымъ очень гордился. Трудъ былъ, правда, каторжный. Съ мая, когда онъ на этотъ трудъ набрелъ (благодаря милѣйшему русскому нѣмцу Киндерману, уже второй годъ преподававшему теннисъ случайнымъ богачамъ), и до середины октября, когда онъ вернулся на зиму къ матери, и потомъ опять цѣлую весну, — Мартынъ работалъ почти ежедневно съ ранняго утра до заката, — держа въ лѣвой рукѣ пять мячей (Киндерманъ умѣлъ держать шесть), посылалъ ихъ по одному черезъ сѣтку все тѣмъ же гладкимъ ударомъ ракеты, межъ тѣмъ, какъ напряженный пожилой ученикъ (или ученица) по ту сторону сѣтки старательно размахивался и обыкновенно никуда не попадалъ. Первое время Мартынъ такъ уставалъ, такъ ныло правое плечо, такъ горѣли ноги, что, придя домой, онъ сразу ложился въ постель. Отъ солнца волосы посвѣтлѣли, лицо потемнѣло, — онъ казался негативомъ самого себя. Маіорская вдова, его квартирная хозяйка, {158} отъ которой онъ для пущей таинственности скрывалъ свою профессію, полагала, что бѣдняга принужденъ, какъ, увы, многіе интеллигентные люди, заниматься чернымъ трудомъ, таскать камни, напимѣръ (отсюда загаръ), и стѣсняется этого, какъ всякій деликатный человѣкъ. Она деликатно вздыхала и угощала его по вечерамъ колбасой, присланной дочерью изъ померанскаго имѣнія. Была она саженнаго роста, краснолицая, по воскресеньямъ душилась одеколономъ, держала у себя въ комнатѣ попугая и черепаху. Мартына она считала жильцомъ идеальнымъ: онъ рѣдко бывалъ дома, гостей не принималъ и не пользовался ванной (последнюю замѣняли сполна душъ въ клубѣ и груневальдское озеро). Эта ванна была вся сну-три облѣплена хозяйскими волосами, сверху на веревкѣ зловонно сохли безымянныя тряпки, а рядомъ у стѣны стоялъ старый, пыльный, поржавѣвшій велосипедъ. Впрочемъ добратъся до ванны было мудрено: туда велъ длинный, темный, необыкновенно угластый коридоръ, заставленный всякимъ хламомъ. Комната же Мартына была вовсе не плохая,

очень забавная, съ такими предметами роскоши, какъ піанино, споконъ вѣка запертое на ключъ, или громоздкій, сложный барометръ, испортившійся года за два до послѣдней войны, — а надъ диваномъ, на зеленой стѣнѣ, какъ постоянное, благожелательное напоминаніе, вставалъ изъ беклиновскихъ волнъ тотъ же голый старикъ съ трезубцемъ, который — въ рамѣ попроче — оживлялъ гостиную Зилановыхъ. {159}

XXXIII.

Когда въ первый разъ онъ къ нимъ пришелъ, увидѣлъ ихъ дешевую, темную квартиру, состоящую изъ четырехъ комнатъ и кухни, гдѣ на столѣ сидѣла по-новому причесанная, совсѣмъ чужая Соня и, качая ножками въ заштопанныхъ чулкахъ, тянула носомъ и чистила картофель, Мартынъ понялъ, что нечего ждать отъ Сони, кромѣ огорченій, и что напрасно онъ махнулъ въ Берлинъ. Чужое въ ней было все: и бронзоваго оттѣнка джемперъ, и открытыя уши, и простуженный голосъ, — ее донималъ сильный насморкъ, вокругъ ноздрей и подъ носомъ было розово, она чистила картофель, сморкалась и, высморкавшись, уныло крикала и опять сръзала ножомъ спирали бурой шелухи. Къ ужину была гречневая каша, маргаринъ вмѣсто масла; Ирина пришла къ столу, держа на рукахъ котенка, съ которымъ не разставалась, и встрѣтила Мартына радостнымъ и страшнымъ смѣхомъ. И Ольга Павловна и Елена Павловна постарѣли за этотъ годъ, еще больше стали похожи другъ на дружку, и только одинъ Зилановъ былъ все тотъ же и съ прежнею мощью рѣзалъ хлѣбъ. «Я слышалъ», — (хрякъ, хрякъ) — «что Грузиновъ въ Лозаннѣ, вы его» — (хрякъ) — «не встрѣчали? Мой большой пріятель и замѣчательная волевая личность». Мартынъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, кто такой Грузиновъ, но ничего не спросилъ, боясь попасть впросакъ. Послѣ ужина Соня мыла тарелки, а онъ ихъ вытиралъ, {160} и одну разбилъ. «Съ ума сойти, все заложено, — сказала она, — и пояснила: «Да нѣтъ, не вещи, а у меня въ носу. Вещи, впрочемъ, тоже». Затѣмъ она спустилась вмѣстѣ съ нимъ, чтобы отпереть ему дверь, — и очень забавно при нажимѣ кнопки стучало что-то, и вспыхивалъ на лѣстницѣ свѣтъ, — и Мартынъ покашливалъ и не могъ выговорить ни одного слова изъ всѣхъ тѣхъ, которыя онъ собирался Сонѣ сказать. Далѣе послѣдовали вечера, совсѣмъ другіе, — множество гостей, танцы подъ граммофонъ, танцы въ ближнемъ кафе, темнота маленькаго кинематографа за угломъ. Со всѣхъ сторонъ возникали вокругъ Мартына новые люди, туманности рождали міры, и вотъ получало опредѣленные имена и облики все русское, разсыпанное по Бер-

лину, все, что такъ волновало Мартына, — будь это просто обрывокъ житейскаго разговора среди прущей панельной толпы, хамелеонное словцо — доллaры, доллaры, доллaра, — или схваченная на лету речитативная ссора четы, «а я тебѣ говорю...» — для женскаго голоса, — «ну, и пожалуйста...» — для мужскаго, — или, наконецъ, человѣкъ, лѣтней ночью съ задранной головой бьющій въ ладони подъ освѣщеннымъ окномъ, выкликающій звучное имя и отчество, отъ котораго сотрясается вся улица, и шарахается, нервно хрюкнувъ, таксомоторъ, чуть не налетѣвшій на голосистаго гостя, который уже отступилъ на середку мостовой, чтобы лучше видѣть, не появился ли Петрушкой въ окнѣ нужный ему человѣкъ. Черезъ Зилановыхъ Мартынъ узналъ людей, среди которыхъ сначала почувствовалъ себя невѣждой и чужакомъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ съ нимъ повторялось то же, что было, когда онъ пріѣхалъ въ Лондонъ. И теперь, когда на квартирѣ {161} у писателя Бубнова большими волнами шель разговоръ, полный именъ, и Соня, все знавшая, смотрѣла искоса на него съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ, Мартынъ краснѣлъ, терялся, собирался пустить свое утлое словцо на волны чужихъ рѣчей, да такъ, чтобы оно не опрокинулось сразу, и все не могъ рѣшиться, и потому молчалъ; зато, устыдясь отсталости своихъ познаній, онъ много читалъ по ночамъ и въ дождливые дни, и очень скоро приняхался къ тому особому запаху — запаху тюремныхъ библиотекъ, — который исходилъ отъ совѣтской словесности.

XXXIV.

Писатель Бубновъ, — всегда съ удовольствіемъ отмѣчавшій, сколь много выдающихся литературныхъ именъ двадцатаго вѣка начинается на букву «б», — былъ плотный, тридцатилѣтній, уже лысый мужчина съ огромнымъ лбомъ, глубокими глазницами и квадратнымъ подбородкомъ. Онъ курилъ трубку, — сильно вбирая щеки при каждой затяжкѣ, — носилъ старый черный галстукъ бантикомъ и считалъ Мартына франтомъ и европейцемъ. Мартына же плѣняла его напористая круглая рѣчь и вполне заслуженная писательская слава. Начавъ писать уже заграницей, Бубновъ за три года выпустилъ три прекрасныхъ книги, писалъ четвертую, героемъ ея былъ Христофоръ Колумбъ — или, точнѣе, русскій дьякъ, чудесно попавшій матросомъ на одну изъ колумбовыхъ каравеллъ, — а такъ какъ Бубновъ не зналъ ни одного языка, кромѣ {162} русскаго, то для собиранія нѣкоторыхъ матеріаловъ, имѣвшихся въ Государственной библиотекѣ, охотно бралъ съ собою Мартына, когда тотъ бывалъ свободенъ. Нѣмецкимъ Мартынъ владѣлъ плоховато и

потому радовался, если текстъ попадался французскій, англійскій, или — еще лучше — итальянскій: этотъ языкъ онъ зналъ, правда, еще хуже нѣмецкаго, но небольшое свое знаніе особенно цѣнилъ, памятуя, какъ съ меланхолическимъ Тэдди переводилъ Данте. У Бубнова бывали писатели, журналисты, прыщеватые молодые поэты, — все это были люди, по мнѣнію Бубнова, средняго таланта, и онъ праведно царилъ среди нихъ, выслушивалъ, прикрывъ ладонью глаза, очередное стихотвореніе о тоскѣ по родинѣ или о Петербургѣ (съ непремѣннымъ присутствіемъ Мѣднаго Всадника) и затѣмъ говорилъ, тиская бритый подбородокъ: «Да, хорошо»; и повторялъ, уставившись блѣдно-карими, немного собачьими, глазами въ одну точку: «Хорошо», съ менѣе убѣдительнымъ отгѣнкомъ; и, снова перемѣнивъ направленіе взгляда, говорилъ: «Не плохо»; а затѣмъ: «Только, знаете, слишкомъ у васъ Петербургъ портативный»; и постепенно снижая сужденіе, доходилъ до того, что глухо, со вздохомъ, бормоталъ: «Все это не то, все это не нужно», и удрученно моталъ головой, и вдругъ, съ блескомъ, съ восторгомъ, разрѣшался стихомъ изъ Пушкина, — и, когда однажды молодой поэтъ, обидѣвшись, возразилъ: «То Пушкинъ, а это я», — Бубновъ подумалъ и сказалъ: «А все-таки у васъ хуже». Случалось, впрочемъ, что чья-нибудь вещь была дѣйствительно хороша, и Бубновъ, — особенно, если вещь была написана прозой, — дѣлался необыкновенно мрачнымъ и нѣсколько дней пребывалъ {163} не въ духахъ. Съ Мартыномъ, который, кромѣ писемъ къ матери, ничего не писалъ, (и былъ за это прозванъ однимъ острословомъ «наша мадамъ де-Севинье»), Бубновъ дружилъ искренно и безбоязненно, и разъ даже, послѣ третьей кружки пильзнера, весь налитой свѣтлымъ пивомъ, весь тугой и прозрачный, мечтательно заговорилъ (и это напомнило Яйлу, костерь) о дѣвушкѣ, у которой поетъ душа, поютъ глаза, и кожа блѣдна, какъ дорогой фарфоръ, — и затѣмъ свирѣпо глянулъ на Мартына и сказалъ: «Да, это пошло, сладко, отвратительно, фу... презирай меня, пускай я бездарь, но я ее люблю. Ея имя, какъ куполь, какъ свистъ голубиныхъ крыль, я вижу свѣтъ въ ея имени, особый свѣтъ, «кана-инумъ» старыхъ хадирскихъ мудрецовъ, — свѣтъ оттуда, съ востока, — о, это большая тайна, страшная тайна»; и уже истощнымъ шопотомъ: «Женская прелесть страшна, — ты понимаешь меня, — страшна. И туфельки у нея стоптаны, стоптаны...»

Мартынъ стѣснялся и молча кивалъ. Съ Бубновымъ онъ всегда чувствовалъ себя странно, немного какъ во снѣ, — и какъ-то несовсѣмъ довѣрялъ ни ему, ни хадирскимъ старцамъ. Другіе Сонины знакомые, какъ, напримѣръ, веселый зубастый Каллистратовъ, бывший офицеръ, теперь занимавшійся автомобильнымъ извозомъ, или милая, бѣлая, пол-

ногрудая Веретенникова, игравшая на гитарѣ и пѣвшая звучнымъ контральто «Есть на Волгѣ утесъ», или молодой Юголевичъ, умный, ехидный, малоразговорчивый юноша въ роговыхъ очкахъ, читавшій Пруста и Джойса, были куда проще Бубнова. Къ этимъ Сонинымъ друзьямъ примѣшивались и пожилые знакомые ея родителей, — все люди почтенные, общественные, чистые, вполне достойные {164} будущаго некролога въ сто кристалльныхъ строкъ. Но, когда, въ іюльскій день, отъ разрыва сердца умеръ на улицѣ, охнувъ и грузно упавъ ничкомъ, старый Юголевичъ, и въ русскихъ газетахъ было очень много о незамѣнимой утратѣ и подлинномъ труженикѣ, и Михаилъ Платоновичъ, съ портфелемъ подмышкой, шелъ одинъ изъ первыхъ за гробомъ, среди розъ и чернаго мрамора еврейскихъ могилъ, Мартыну казалось, что слова некролога «пламенѣлъ любовью къ Россіи» или «всегда держалъ высоко перо» — какъ-то унижаютъ покойнаго тѣмъ, что они же, эти слова могли быть примѣнены и къ Зиланову, и къ самому маститому автору некролога. Мартыну было больше всего жаль своеобразія покойнаго, дѣйствительно незамѣнимаго, — его жестовъ, бороды, лѣпныхъ морщинъ, неожиданной застѣнчивой улыбки, и пиджачной пуговицы, висѣвшей на ниткѣ, и манеры всѣмъ языкомъ лизнуть марку, прежде, чѣмъ ее налѣпить на конвертъ да хлопнуть по ней кулакомъ. Это было въ какомъ-то смыслѣ цѣннѣе его общественныхъ заслугъ, для которыхъ былъ такой удобный шаблончикъ, — и со страннымъ перескокомъ мысли Мартынъ поклялся себѣ, что никогда самъ не будетъ состоять ни въ одной партіи, не будетъ присутствовать ни на одномъ засѣданіи, никогда не будетъ тѣмъ персонажемъ, которому предоставляется слово, или который закрываетъ пренія и чувствуетъ при этомъ всѣ восторги гражданственности. И часто Мартынъ дивился, почему никакъ не можетъ заговорить о сокровенныхъ своихъ замыслахъ съ Зилановымъ, съ его друзьями, со всѣми этими дѣятельными, почтенными, безкорыстно любящими родину русскими людьми. {165}

XXXV.

Но Соня, Соня... Отъ ночныхъ мыслей объ экспедиціи, отъ литературныхъ бесѣдъ съ Бубновымъ, отъ ежедневныхъ трудовъ на теннисѣ, онъ снова и снова къ ней возвращался, подносилъ для нея спичку къ газовой плитѣ, гдѣ сразу, съ сильнымъ пыхомъ, выпускалъ всѣ когти голубой огонь. Говорить съ ней о любви было бесполезно, но однажды, провожая ее домой изъ кафе, гдѣ они тянули сквозь соломинки шведскій пуншъ подъ скрипичный вой румына, онъ почувствовалъ такую нѣж-

ность отъ теплоты ночи, и отъ того, что въ каждомъ подъѣздѣ стояла неподвижная чета, — такъ подѣйствовали на него ихъ смѣхъ и шопоть, и внезапное молчаніе, — и сумрачное колыханіе сирени въ палисадникахъ, и диковинныя тѣни, которыми свѣтъ фонаря оживлялъ лѣса обновлявшагося дома, — что внезапно онъ забылъ обычную выдержку, обычную боязнь быть поднятымъ Соней на зубки, — и чудомъ заговорилъ — и о чемъ? — о Гораціи... Да, Горацій жилъ въ Римѣ, а Римъ походилъ на большую деревню, гдѣ, впрочемъ, немало было мраморныхъ зданій, но тутъ же гнались за бѣшеной собакой, тутъ же хлюпала въ грязи свинья съ черными своими поросятами, — и всюду строили, стучали плотники, громыхая, проѣзжала телѣга съ лигурійскимъ мраморомъ или огромной сосной, — но къ вечеру стукъ затихалъ, какъ затихалъ въ сумерки Берлинъ, и напоследокъ гремѣли желѣзныя цѣпи запираемыхъ {166} на ночь лавокъ, совсѣмъ, какъ гремѣли, спускаясь, ставни лавокъ берлинскихъ, и Горацій шелъ на Марсово поле, тщедушный, но съ брюшкомъ, лысый и ушастый, въ неряшливой тогѣ, и слушалъ нѣжный шопоть бесѣдъ подъ портиками, прелестный смѣхъ въ темныхъ углахъ.

«Ты такой милый, — вдругъ сказала Соня, — что я должна тебя поцѣловать, — только постой, отойдемъ сюда». У рѣшетки, черезъ которую свисала листва, Мартынъ привлекъ къ себѣ Соню, и, чтобы не терять ничего изъ этой минуты, не зажмурился, медленно цѣлуя ея холодныя мягкія губы, а слѣдилъ за блѣднымъ отсвѣтомъ на ея щекѣ, за дрожью ея опущенныхъ вѣкъ: вѣки поднялись на мгновеніе, обнаживъ влажный слѣпой блескъ, и прикрылись опять, и она вздрагивала, и вытягивала губы, и вдругъ ладонью отодвинула его лицо, и, стуча зубами, вполголоса сказала, что больше не надо, пожалуйста, больше не надо.

«А если я другого люблю?» — спросила Соня съ неожиданной живостью, когда они снова побрели по улицѣ. «Это ужасно», — сказалъ Мартынъ и почувствовалъ, что было какое-то мгновеніе, когда онъ могъ Соню удержать, — а теперь она опять выскользнула. «Убери руку, мнѣ неудобно итти, что за манера, какъ воскресный приказчикъ», — вдругъ проговорила она, и послѣдняя надежда, блаженно теплое ощущеніе ея голаго предплечья подъ его рукой, — исчезло тоже. «У него есть по крайней мѣрѣ талантъ, — сказала она, — а ты — ничто, просто путешествующей барчукъ». «У кого — у него?» Она ничего не отвѣтила и молчала до самаго дома; но на прощаніе поцѣловала еще разъ, закинувъ ему за шею обнаженную руку, и, {167} съ серьезнымъ лицомъ, потупясь, заперла снутри дверь, и онъ прослѣдилъ сквозь дверное стекло, какъ

она поднялась по лѣстницѣ, поглаживая балюстраду, — и вотъ — исчезла за поворотомъ, и вотъ — потухъ свѣтъ.

«Съ Дарвиномъ вѣроятно было то же самое», — подумалъ Мартынъ, и ему страшно захотѣлось его повидать, — но Дарвинъ былъ далеко, въ Америкѣ, посланный туда лондонской газетой. И на другой день простылъ слѣдъ этого вечера, точно его не было вовсе, и Соня уѣхала съ друзьями за-городъ, на Павлиній островъ, тамъ былъ пикникъ, и купаніе, Мартынъ объ этомъ даже не зналъ, — и, когда вечеромъ подходилъ къ ея дому, неся подмышкой большую плюшевую собаку съ малиновымъ бантомъ, купленную за пять минутъ до закрытія магазина, то встрѣтилъ на улицѣ всю возвращавшуюся компанію, и у Сони на плечахъ былъ пиджакъ Каллистратова, и какая-то вспыхивала между ней и Каллистратовымъ шутка, смыслъ которой никто Мартыну не потрудился открыть.

Тогда онъ ей написалъ письмо, и нѣсколько дней отсутствовалъ; она ему отвѣтила дней черезъ десять цвѣтной фотографической открыткой; — смазливый молодой мужчина наклоняется сзади надъ зеленой скамейкой, на которой сидитъ смазливая молодая женщина, любящая букетомъ розъ, а внизу золотыми буквами нѣмецкій стишокъ: «Пускай умалчиваетъ сердце о томъ, что розы говорятъ». «Какіе миленькіе, — написала на оборотѣ Соня, — знай нашихъ! А ты — вотъ что: приходи, у меня три струны лопнули на ракетѣ». И ни слова о письмѣ. Но зато при одной изъ ближайшихъ встрѣчъ она сказала: «Послушай, это глупо, можешь, наконецъ, пропустить одинъ день, тебя {168} замѣнить Киндерманъ». «У него свои уроки», — нерѣшительно отвѣтилъ Мартынъ, — но все же съ Киндерманомъ поговорилъ, и вотъ, въ удивительный день, совершенно безоблачный, Мартынъ и Соня поѣхали въ озерныя, камышевыя, сосновыя окрестности города, и Мартынъ героически держалъ данное ей слово, не дѣлалъ мармеладныхъ глазъ — ея выраженіе — и не пытался къ ней прикоснуться. Съ этого дня началась между ними по случайному поводу серія особенныхъ разговоровъ. Мартынъ, рѣшивъ поразить Сонино воображеніе, очень туманно намекнулъ на то, что вступилъ въ тайный союзъ, налаживающій кое-какія операціи развѣдочнаго свойства. Правда, союзы такіе существовали, правда, общій знакомый, поручикъ Мелкихъ, по слухамъ пробирался дважды кое-куда, правда и то, что Мартынъ все искалъ случая поближе съ нимъ сойтись (разъ даже угощалъ его ужиномъ) и все жалѣлъ, что не встрѣтился въ Швейцаріи съ Грузиновымъ, о которомъ упомянулъ Зилановъ, и который, по навѣденнымъ справкамъ, оказался человѣкомъ большихъ авантуръ, террористомъ, заговорщикомъ, руководителемъ недавнихъ крестьянскихъ возстаній. «Я не знала, что ты о такихъ вещахъ думаешь. Но только,

знаешь, если ты правда вступилъ въ организацію, очень глупо объ этомъ сразу болтать». «Ахъ, я пошутилъ», — сказалъ Мартынь и загадочно прищурился для того, чтобы Соня подумала, что онъ нарочно обратилъ это въ шутку. Но она этой тонкости не замѣтила; валяясь на сухой, хвойными иглами устланной землѣ, подъ соснами, стволы которыхъ были испещрены солнцемъ, она закинула голыя руки за голову, показывая прелестныя впадины подмышекъ, недавно {169} выбритыя и теперь словно заштрихованныя карандашомъ, — и сказала, что это странно, — она тоже объ этомъ часто думаетъ: вотъ есть на свѣтѣ страна, куда входъ простымъ смертнымъ воспрещенъ: «Какъ мы ее назовемъ?» — спросилъ Мартынь, вдругъ вспомнивъ игры съ Лидой на крымскомъ лукоморьѣ. «Что-нибудь такое — сѣверное, — отвѣтила Соня. — Смотри, бѣлка». Бѣлка, играя въ прятки, толчками поднялась по стволу и куда-то исчезла. «Напримѣръ — Зоорландія, — сказалъ Мартынь. — О ней упоминаютъ норманы». «Ну, конечно — Зоорландія», — подхватила Соня, и онъ широко улыбнулся, нѣсколько потрясенный неожиданно открывшейся въ ней способностью мечтать. «Можно снять муравья?» — спросилъ онъ въ скобкахъ. «Зависитъ откуда». «Съ чулка». «Убирайся, милый», — обратилась она къ муравью, смахнула его сама и продолжала: «Тамъ холодныя зимы и сосулици съ крышъ, — цѣлая система, какъ, что-ли, органныя трубы, — а потомъ все таетъ, и все очень водянисто, и на снѣгу — точки вродѣ копоты, вообще, знаешь, я все могу тебѣ рассказать, вотъ, напримѣръ, вышелъ тамъ законъ, что всѣмъ жителямъ надо брить головы, и потому теперь самые важные, самые такіе вліятельные люди — парикмахеры». «Равенство головъ», — сказалъ Мартынь. «Да. И конечно лучше всего лысымъ. И, знаешь —» «Бубновъ былъ бы счастливъ», — въ шутку вставилъ Мартынь. На это Соня почему-то обидѣлась и вдругъ изсякла. Все же съ того дня она изрѣдка соизволяла играть съ нимъ въ Зоорландію, и Мартынь терзался мыслью, что она, быть можетъ, изощренно глумится надъ нимъ и вотъ-вотъ заставитъ его оступиться, доведя его незамѣтно до черты, за которой {170} бредни становятся безвкусны, и внезапнымъ хохотомъ разбудивъ босого лунатика, который видитъ вдругъ и карнизъ, на которомъ виситъ, и свою задравшуюся рубашку, и толпу на панели, глядящую вверхъ, и каски пожарныхъ. Но если это былъ со стороны Сони обманъ, — все равно, все равно, его прельщала возможность пускать передъ ней душу свою налегкѣ. Они изучали зоорландскій бытъ и законы, страна была скалистая, вѣтреная, и вѣтеръ признанъ былъ благою силой, ибо, ратуя за равенство, не терпѣлъ башенъ и высокихъ деревьевъ, а самъ былъ только выразителемъ соціальныхъ стремленийъ воздушныхъ слоевъ, прилежно слѣдящихъ, чтобы вотъ тутъ не было

жарче, чѣмъ вотъ тамъ. И конечно искусства и науки объявлены были внѣ закона, ибо слишкомъ обидно и раздражительно для честныхъ невѣждъ видѣть задумчивость грамотѣя и его слишкомъ толстыя книги. Бриголовые, въ бурныхъ рясахъ, зоорландцы грѣлись у костровъ, въ которыхъ звучно лопались струны сжигаемыхъ скрипокъ, а иные поговаривали о томъ, что пора пригладить гористую страну, взорвать горы, чтобы онѣ не торчали такъ высокомѣрно. Иногда среди общей бесѣды, за столомъ, наприимѣръ, — Соня вдругъ поворачивалась къ нему и быстро шептала: «Ты слышалъ, вышелъ законъ, запретили гусеницамъ окукляться», — или: «Я забыла тебѣ сказать, что Саванъ-на-рыло» (кличка одного изъ вождей) «приказалъ врачамъ лечить всѣ болѣзни однимъ способомъ, а не разбрасываться». {171}

XXXVI.

Вернувшись на зиму въ Швейцарію, Мартынъ предвкушалъ занятную корреспонденцію, но Соня въ нечастыхъ своихъ письмахъ не упоминала больше о Зоорландіи; зато въ одномъ изъ нихъ просила отъ имени отца передать Грузинову привѣтъ. Оказалось, что Грузиновъ жилъ какъ разъ въ гостиницѣ, столь привлекшей Мартына, но, когда онъ на лыжахъ спустился туда, то узналъ, что Грузиновъ на время уѣхалъ. Привѣтъ онъ передалъ женѣ Грузинова, Валентинѣ Львовнѣ, свѣжей, ярко одѣтой, сорокалѣтней дамѣ съ иссиня черными волосами, улыбавшейся очень осторожно, такъ какъ передніе зубы (всегда запачканные карминомъ) черезчуръ выдавались, и она спѣшила натянуть на нихъ верхнюю губу. Такихъ очаровательныхъ рукъ, какъ у нея, Мартынъ никогда не видалъ: маленькихъ, мягкихъ, въ жаркихъ перстняхъ. Но, хотя ее всѣ считали привлекательной и восхищались ея плавными тѣлодвиженіями, звучнымъ, ласковымъ голосомъ, Мартынъ остался холодень, и ему было непріятно, что она, чего добраго, старается ему нравиться. Боялся онъ, впрочемъ, зря. Валентина Львовна была къ нему такъ же равнодушна, какъ къ высокому, носатому англичанину съ сѣдой щетиной на узкой головѣ и съ пестрымъ шарфомъ вокругъ шеи, который каталъ ее на салазкахъ.

«Мужъ вернется только въ іюль», — сказала она и принялась {172} спрашивать про Зилановыхъ. ...«Да-да, я слышала, — несчастная мать, —» (Мартынъ упомянулъ объ Иринѣ). — «Вы вѣдь знаете, съ чего это началось?» Мартынъ зналъ: четырнадцатилѣтняя Ирина, тогда тихая, полная дѣвочка, склонная къ меланхоліи, оказалась съ матерью въ теплушкѣ, среди всякаго сброда. Онѣ ѣхали бесконечно, — и двое

забіякъ, несмотря на уговоры товарищей, то и дѣло щупали, щипали, щекотали ее и говорили чудовищныя сальности, и мать, улыбаясь отъ ужаса, беспомощно старалась ее защитить и все повторяла: «Ничего, Ирочка, ничего, ахъ, пожалуйста, оставьте дѣвочку, какъ вамъ не совѣстно, ничего, Ирочка...» — и совершенно такъ же вскрикивала и причитала, и совершенно такъ же держала дочь за голову, когда, уже въ другомъ вагонѣ, поближе къ Москвѣ, солдаты — на полномъ ходу — вытискивали въ окно ея толстаго мужа, который чудомъ подобралъ семью на засыпанной снѣгомъ станціи. Да, онъ былъ очень толстъ и истерически смѣялся, такъ какъ застрялъ въ окнѣ, но наконецъ напиравшіе густо ухнули, и онъ исчезъ, и мимо пустого окна мчался слѣпой снѣгъ. Затѣмъ былъ у Ирины тифъ, и она непонятно какъ выжила, но перестала владѣть человѣческой рѣчью и только въ Лондонѣ научилась по разному мычать и довольно сносно произносить «ма-ма».

Мартынъ, никогда какъ-то Ириной не занимался, давно привыкнувъ къ ея дурости, но теперь что-то его потрясло, когда Валентина Львовна сказала: «Вотъ у нихъ въ домѣ есть постоянный живой символъ». Зоорландская ночь показалась еще темнѣе, дебри ея лѣсовъ еще глубже, и Мартынъ уже зналъ, что никто и ничто не можетъ {173} ему помѣшать вольнымъ странникомъ пробраться въ эти лѣса, гдѣ въ сумракѣ мучать толстыхъ дѣтей, и пахнетъ гарью и тлѣномъ. И, когда онъ по веснѣ впопыхахъ вернулся въ Берлинъ, къ Сонѣ, ему мерещилось (такъ полны приключеній были его зимнія ночи), что онъ уже побывалъ въ той одинокой, отважной экспедиціи и вотъ — будетъ рассказывать, рассказывать. Войдя къ ней въ комнату, онъ сказалъ, торопясь это выговорить, покамѣстъ еще не подпалъ подъ знакомое опустошительное вліяніе ея тусклыхъ глазъ: «Такъ, такъ я когда-нибудь вернусь и тогда, вотъ тогда...» «Ничего никогда не будетъ», — воскликнула она тономъ пушкинской Наины. Была она еще блѣднѣе обыкновеннаго, очень уставала на службѣ; дома ходила въ старомъ черномъ бархатномъ платьѣ съ ремешкомъ вокругъ бедеръ и въ шлепанцахъ съ потрепанными помпонами. Часто по вечерамъ, надѣвъ макинтошъ, она уходила куда-то, и Мартынъ, послонявшись по комнатамъ, медленно направлялся къ трамвайной остановкѣ, глубоко засунувъ руки въ карманы штановъ, а перебравшись на другой конецъ Берлина, нѣжно посвистывалъ подъ окномъ танцовщицы изъ «Эреба», съ которой познакомился въ теннисномъ клубѣ. Она вылетала на балкончикъ и на мигъ замирала у перилъ, и затѣмъ исчезала, и, вылетѣвъ опять, бросала ему завернутый въ бумагу ключъ. У нея Мартынъ пилъ зеленый мятный ликеръ и цѣловалъ ее въ золотую голую спину, и она сильно сдвигала лопатки и трясла головой. Онъ любилъ смотрѣть, какъ она, быстро и тѣсно переставляя мускули-

стыя загорѣлыя ноги, ходитъ по комнатѣ, ругмя-ругая все того же антрепренера, любилъ ея странное лицо съ неестественно тонкими бровями, оранжеватымъ {174} румянцемъ и гладко зачесанными назадъ волосами, — и тщетно старался не думать о Сонѣ. Какъ-то, въ майскій вечеръ, когда онъ съ улицы переливчато и тихо свистнулъ, на балкончикѣ, вмѣсто танцовщицы, появился пожилой господинъ въ подтяжкахъ; Мартынъ вздохнулъ и ушелъ, вернулся къ дому Зилановыхъ и ходилъ взадъ и впередъ, отъ фонаря къ фонарю. Соня появилась за-полночь, одна, и, пока она рылась въ сумкѣ, ища связку ключей, Мартынъ къ ней подошелъ и робко спросилъ, куда она ходила. «Ты меня оставишь когда-нибудь въ покоѣ?» — воскликнула Соня и, не дождавшись отвѣта, хрустнула дважды ключомъ, и тяжелая дверь открылась, замерла, бухнула. А затѣмъ Мартыну стало казаться, что не только Соня, но и всѣ общіе знакомые, какъ-то его сторонятся, что никому онъ не нуженъ и никѣмъ не любимъ. Онъ заходилъ къ Бубнову, и тотъ смотрѣлъ на него страннымъ взглядомъ, просилъ извиненія и продолжалъ писать. И, наконецъ, чувствуя, что еще немного, и онъ превратится въ Сонину тѣнь и будетъ до конца жизни скользить по берлинскимъ панелямъ, израсходовавъ на тщетную страсть то важное, торжественное, что зрѣло въ немъ. Мартынъ рѣшилъ развязаться съ Берлиномъ и гдѣ-нибудь, все равно гдѣ, въ очистительномъ одиночествѣ спокойно обдумать планъ экспедиціи. Въ серединѣ мая, уже съ билетомъ на Страсбургъ въ бумажникѣ, онъ зашелъ попрощаться съ Соней, и конечно ея не оказалось дома; въ сумеркахъ комнаты сидѣла, вся въ бѣломъ, Ирина, плавала въ сумеркахъ, какъ призрачная черепаха и не сводила съ него глазъ, и тогда онъ написалъ на конвертѣ: «Въ Зоорландіи вводится полярная ночь», — и, оставивъ конвертъ {175} на Сониной подушкѣ, сѣлъ въ ожидавшій таксомоторъ и, безъ пальто, безъ шляпы, съ однимъ чемоданомъ, — уѣхалъ.

XXXVII.

Какъ только тронулся поѣздъ, Мартынъ ожилъ, повеселѣлъ, исполнился дорожнаго волненія, въ которомъ онъ теперь усматривалъ необходимую тренировку. Пересѣвъ во французскій поѣздъ, идущій черезъ Ліонъ на югъ, онъ какъ будто окончательно высвободился изъ Сониныхъ тумановъ. И вотъ, уже за Ліономъ, развернулась южная ночь, отраженія оконъ бѣжали блѣдными квадратами по черному скату, и въ грязномъ, до ужаса жаркомъ отдѣленіи второго класса единственнымъ спутникомъ Мартына былъ пожилой французъ, бритый, бровастый, съ

лоснящимися маслаками. Французъ скинулъ пиджакъ и быстрымъ переборомъ пальцевъ сверху внизъ разстегнулъ жилетъ; стянулъ манжеты, словно отвинтилъ руки, и бережно положилъ эти два крахмальныхъ цилиндра въ сѣтку. Затѣмъ, сидя на краю лавки, покачиваясь, — поѣздъ шелъ во всю, — поднявъ подбородокъ, онъ отцѣпилъ воротникъ и галстукъ, и такъ какъ галстукъ былъ готовый, пристяжной, то опять было впечатлѣніе, что человекъ разбирается по частямъ и сейчасъ сниметъ голову. Обнаживъ дряблую, какъ у индюка, шею, французъ облегченно ею повертѣлъ и, согнувшись, крякая, смѣнилъ ботинки на старыя ночныя туфли. Теперь въ открытой на курчавой груди рубашкѣ, онъ производилъ впечатлѣніе добраго малаго, слегка подвыпившаго, — ибо эти ночные спутники, съ блестящими {176} блѣдными лицами и оловяными глазами, всегда кажутся захмелѣвшими отъ вагонной качки и жары. Порывшись въ корзину, онъ вынулъ бутылку краснаго вина и большой апельсинъ, сперва глотнулъ изъ горлышка, чмокнулъ губами, крѣпко, со скрипомъ, вдавилъ пробку обратно, и принялся большимъ пальцемъ оголять апельсинъ, предварительно укусивъ его въ темя. И тутъ, встрѣтившись глазами съ Мартыномъ, который, положивъ на колѣно Таухницъ, только что приготовился зѣвнуть, французъ заговорилъ: «Это уже Провансъ», — сказалъ онъ съ улыбкой, шевельнувъ усатой бровью по направленію окна, въ зеркально-черномъ стеклѣ котораго чистилъ апельсинъ его тусклый двойникъ. «Да, чувствуется югъ», — отвѣтилъ Мартынъ. «Вы англичанинъ?» — освѣдомился тотъ и разорвалъ на двѣ части очищенный, въ клочьяхъ сѣдины, апельсинъ. «Правильно, — отвѣтилъ Мартынъ. — Какъ вы угадали?» Французъ, сочно жуя, повелъ плечомъ. «Не такъ ужъ мудрено», — сказалъ онъ, и, глотнувъ, указалъ волосатымъ пальцемъ на Таухницъ. Мартынъ снисходительно улыбнулся. «А я ліонецъ, — продолжалъ тотъ, — и состою въ винной торговлѣ. Мнѣ приходится много разѣзжать, но я люблю движеніе. Видишь новыя мѣста, новыхъ людей, міръ — наконецъ. У меня жена и маленькая дочь», — добавилъ онъ, вытирая бумажкой концы растопыренныхъ пальцевъ. Затѣмъ, посмотрѣвъ на Мартына, на его единственный чемоданъ, на мятые штаны и сообразивъ, что англичанинъ-туристъ врядъ ли поѣхалъ бы вторымъ классомъ, онъ сказалъ, заранѣе кивая: «Вы путешественникъ?» Мартынъ понялъ, что это просто сокращеніе — вояжеръ вмѣсто комивояжеръ. «Да, я именно {177} путешественникъ, — отвѣтилъ онъ, старательно придавая французской рѣчи британскую густоту, — но путешественникъ въ болѣе широкомъ смыслѣ. Я ѣду очень далеко». «Но вы въ коммерціи?» Мартынъ замоталъ головой. «Вы это, значитъ, дѣлаете для вашего удовольствія?» — «Пожалуй», — согласился Мартынъ. Французъ помолчалъ и

затѣмъ спросилъ: «Вы ѣдете пока-что въ Марсель?» «Да, вѣроятно въ Марсель. У меня, видите-ли, не всѣ еще приготовленія закончены». Французъ кивнулъ, но явно былъ озадаченъ. «Приготовленія, — продолжалъ Мартынъ, — должны быть въ такихъ вещахъ очень тщательны. Я около года провелъ въ Берлинѣ, гдѣ думалъ найти нужныя мнѣ свѣдѣнія, и что же вы думаете?..» «У меня племянникъ инженеръ», — вкрадчиво вставилъ французъ. «О, нѣтъ, я не занимаюсь техническими науками, не для этого я посѣщаль Германію. Но вотъ — я говорю: вы не можете себѣ представить, какъ было трудно выуживать справки. Дѣло въ томъ, что я предполагаю изслѣдовать одну далекую, почти недоступную область. Кое-кто туда пробирался, но какъ этихъ людей найти, какъ ихъ заставить рассказать? Что у меня есть? Только карта», — и Мартынъ указалъ на чемоданъ, гдѣ дѣйствительно находилась одноверстка, которую онъ добылъ въ Берлинѣ въ бывшемъ Генеральномъ Штабѣ. Послѣдовало молчаніе. Поѣздъ гремѣлъ и трясся. «Я всегда утверждаю, — сказалъ французъ, — что у нашихъ колоній большая будущность. У вашихъ, разумѣется, тоже, — и у васъ ихъ такъ много. Одинъ ліонецъ изъ моихъ знакомыхъ провелъ десять лѣтъ на тропикахъ и говоритъ, что охотно бы туда вернулся. Онъ мнѣ однажды рассказывалъ, какъ обезьяны, {178} держа другъ дружку за хвосты, переходятъ по стволу черезъ рѣку, — это было дьявольски смѣшно, — за хвосты, за хвосты...» «Колоніи это особь-статья, — сказалъ Мартынъ. — Я собираюсь не въ колоніи. Мой путь будетъ пролегать черезъ дикія опасныя мѣста, и — кто знаетъ? — можетъ быть мнѣ не удастся вернуться». «Это экспедиція научная, что-ли?» — спросилъ французъ, раздавливая задними зубами зѣвокъ. «Отчасти. Но — какъ вамъ объяснить? Это не главное. Главное, главное... Нѣтъ, право, я не знаю, какъ объяснить». «Понятно, понятно, — устало сказалъ французъ. — Вы, англичане, любите пари и рекорды, — слово «рекорды» прозвучало у него соннымъ рычаніемъ. — На что міру голая скала въ облакахъ? Или — охъ, какъ хочется спать въ поѣздѣ! — айсберги, какъ ихъ зовутъ, полюсь — наконецъ? Или болота, гдѣдохнуть отъ лихорадки?» «Да, вы, пожалуй, попали въ точку, но это не все, не только спортъ. Да, это далеко не все. Вѣдь есть еще, — какъ бы сказать? — любовь, нѣжность къ землѣ, тысячи чувствъ, довольно таинственныхъ». Французъ сдѣлалъ круглые глаза и вдругъ, поддавшись впередъ, легонько хлопнулъ Мартына по колѣну. «Смѣяться изволите надо мной?» — сказалъ онъ благодушно. «Ахъ, ничуть, ничуть». «Полно, — сказалъ онъ, откинувшись въ свой уголь. — Вы еще слишкомъ молоды, чтобы бѣгать по Сахарамъ. Если разрѣшите, мы сейчасъ притушимъ свѣтъ и соснемъ». {179}

XXXVIII.

Тьма. Французъ почти тотчасъ захрапѣлъ. «А все-таки онъ повѣрилъ, что я англичанинъ. И вотъ такъ я буду ѣхать на сѣверъ, вотъ такъ, — въ вагонѣ, который нельзя остановить, — а потомъ, потомъ...» Онъ побрелъ по лѣсной тропинкѣ, тропинка разматывалась, разматывалась, но сонъ къ нему навстрѣчу не шелъ. Мартынъ открылъ глаза. Хорошо-бы спустить оконную раму. Теплый ночной вѣтеръ хлынулъ въ лицо, и, напрягая зрѣніе, Мартынъ высунулся, но въ глаза летѣла незримая пыль, быстрая ночь ослѣпляла, онъ втянулъ голову. Въ темнотѣ отдѣленія раздался кашель. «Нѣтъ ужъ, пожалуйста, — проговорилъ недовольный голосъ. — Я не желаю спать подъ звѣздами. Закройте, закройте». «Закройте сами», — сказалъ Мартынъ и, выйдя въ освѣщенный коридоръ, пошелъ мимо отдѣленій, гдѣ угадывалась сонная мѣшанина безпомощныхъ, полураздѣтыхъ тѣлъ, сопѣніе и вздохи, порыбьи открытые рты, клонящаяся и вдругъ поднимающаяся голова, а прямо ей въ носъ — чужая пятка. Перебираясь изъ тамбура въ тамбуръ по скрежещущимъ желѣзнымъ площадкамъ, Мартынъ прошелъ черезъ два вагона третьяго класса. Двери нѣкоторыхъ отдѣленій были открыты, въ одномъ голубые солдаты шумно играли въ карты. Дальше, въ коридорѣ спальнаго вагона, онъ остановился у полуспущенного окна и такъ живо вспомнилъ вдругъ дѣтское свое путешествіе по югу Франціи, и вотъ {180} это откидное сидѣніе у окна, и матерчатый ремень, при помощи котораго можно было управлять поѣздомъ, и дивную мелодію на трехъ языкахъ, — особенно: периколоза... Онъ подумалъ, — какая странная, странная выдалась жизнь, — ему показалось, что онъ никогда не выходилъ изъ экспресса, а просто слонялся изъ одного вагона въ другой, и въ одномъ были молодые англичане, Дарвинъ, торжественно берущійся за рукоять тормоза, въ другомъ — Алла съ мужемъ, а не то — крымскіе друзья или храпящій дядя Генрихъ, или Зилановы, Михаилъ Платоновичъ, съ газетой, Соня, тусклымъ взглядомъ уставившаяся въ окно. «А потомъ пѣшечкомъ, пѣшечкомъ», — взволнованно проговорилъ Мартынъ, — лѣсъ и вьющаяся въ немъ тропинка... какія большія деревья! А тутъ, въ этомъ спальномъ вагонѣ, тутъ ѣхало должно быть дѣтство его; дрожь, освобождало кожаную сторку, а если пройти дальше, тамъ — вагонъ-ресторанъ, и отецъ съ матерью обѣдаютъ, — на столикѣ болванка шоколада въ фіолетовой оберткѣ, а надъ раскидными дверцами мрѣетъ винтовой вентиляторъ среди цвѣтущихъ рекламъ. И вдругъ Мартынъ увидѣлъ въ окно то, что видѣлъ и въ дѣтствѣ, — огни, далеко, среди темныхъ холмовъ; вотъ кто-то ихъ пересы-

паль изъ ладони въ ладонь и положилъ въ карманъ. И пока онъ глядѣлъ, поѣздъ началъ тормазить, — и тогда Мартынъ сказалъ себѣ, что, если будетъ сейчасъ станція, онъ выйдетъ, и уже оттуда пойдетъ къ огнямъ. Такъ и случилось. Подплыла платформа, лунный дискъ часовъ, и поѣздъ остановился, выдохнувъ: «Уш-ш-ш-ш-ш...» Мартынъ опрометью бросился къ своему вагону, несразу могъ найти отдѣленіе, дважды внѣдрялся въ чужую сопящую {181} темноту и наконецъ нашель, безцеремонно зажегъ свѣтъ, и французъ на лавкѣ медленно приподнялся, протирая кулаками глаза. Мартынъ сдернулъ чемоданъ, сунулъ въ карманъ книгу, — все это страшно спѣша. Онъ не замѣтилъ, что уже поѣздъ тихо поплылъ, и потому едва не упалъ, спрыгнувъ на скользящую платформу. Прошли окна, окна, окна, и вотъ — уже поѣзда нѣтъ, пустые рельсы, поблескиваніе угольной пыли между шпаль.

Мартынъ, глубоко дыша, пошелъ по платформѣ, и носильщикъ, везущій на тачкѣ ящикъ съ надписью «Fragile», весело сказалъ, съ особой южной металлической интонаціей: «Вы проснулись во время». «Скажите, — любопытствовалъ Мартынъ, — что въ этомъ ящикѣ?» Тотъ взглянулъ на ящикъ, словно впервые его замѣтилъ. «Музей естественныхъ наукъ», — прочелъ онъ адресъ. «Вотъ оно что, вѣроятно коллекція», — произнесъ Мартынъ и направился туда, гдѣ стояло нѣсколько столиковъ у входа въ тускло освѣщенный буфетъ.

Воздухъ былъ бархатный, теплый; бѣлымъ свѣтомъ горѣлъ газовый фонарь, и вокругъ — металась блѣдная мошкара, и одна широкая, темная бабочка на сѣдой подкладкѣ. Стѣну украшало саженное объявленіе военнаго вѣдомства, старающееся соблазнить молодыхъ людей прелестями военной службы: на переднемъ планѣ — бравый французскій солдатъ, на заднемъ — финиковая пальма, дромадеръ, арабъ въ бурнусѣ, а съ краю — двѣ пышныхъ женщины въ чарчафахъ.

Платформа была безлюдна. Поодаль стояли клѣтки со спящими курами. По ту сторону рельсъ смутно чернѣли растрепанные кусты. Пахло въ воздухѣ углемъ, можжевельникомъ {182} и мочей. Изъ буфета вышла смуглая старуха, и Мартынъ спросилъ себѣ аперитивъ, прекрасное названіе коего прочелъ на одной изъ рекламъ. Погодя рабочій, весь въ синемъ, сѣлъ за сосѣдній столикъ и, уронивъ голову на руку, уснулъ.

«Я хочу кое-что узнать, — сказалъ Мартынъ старухѣ. — Подѣзжая сюда, я видѣлъ огни». «Гдѣ? Вонъ тамъ?» — переспросила она, протянувъ руку въ томъ направленіи, откуда пришелъ поѣздъ. Мартынъ кивнулъ. «Это можетъ быть только Молиньякъ, — сказала она. — Да, Молиньякъ. Маленькая деревня». Мартынъ расплатился и пошелъ къ выходу. Темная площадь, платаны, дальше — синеватые дома, узкая улица. Онъ уже шелъ по ней, когда спохватился, что забылъ посмотрѣть

съ платформы на вокзальную вывѣску, и теперь не знаетъ названія города, въ который попалъ. Это пріятно взволновало его. Какъ знать, — быть можетъ, онъ уже за пограничной чертой... ночь, неизвѣстность... сейчасъ окликнуть...

XXXIX.

Проснувшись на другое утро, Мартынъ несразу могъ возстановить вчерашнее, — а проснулся онъ оттого, что лицо щекотали мухи. Замѣчательно мягкая постель; аскетическій умывальникъ, а рядомъ туалетное орудіе скрипичной формы; жаркій голубой свѣтъ, дышущій въ свѣтлую занавѣску. Онъ давно такъ славно не высыпался, давно не былъ такъ голоденъ. Откинувъ занавѣску, онъ увидѣлъ {183} напротивъ ослѣпительно бѣлую стѣну въ пестрыхъ афишахъ, а нѣсколько лѣвѣе полосатая маркизы лавокъ, пѣгую собаку, которая задней лапой чесала себѣ за ухомъ, и блескъ воды, струящейся между панелью и мостовой.

...Звонокъ громко пробѣжалъ по всей двухэтажной гостиницѣ и, бойко топая, пришла яркоглазая грязная горничная. Онъ потребовалъ много хлѣба, много масла, много кофе и, когда она все это принесла, спросилъ, какъ ему добратся до Молиньяка. Она оказалась разговорчивой и любознательной. Мартынъ мелькомъ упомянулъ о томъ, что онъ нѣмецъ, — пріѣхалъ сюда по порученію музея собирать насѣкомыхъ, и при этомъ горничная задумчиво посмотрѣла на стѣну, гдѣ виднѣлись подозрительныя рыжія точки. Постепенно выяснилось, что черезъ мѣсяць, можетъ быть даже раньше, между городомъ и Молиньякомъ установится автобусное сообщеніе. «Значить, надо пѣшкомъ?» спросилъ Мартынъ. «Пятнадцать километровъ, — съ ужасомъ воскликнула горничная, — что вы! Да еще по такой жарѣ...»

Купивъ карту мѣстности въ табачной лавкѣ, надъ вывѣской которой торчала трехцвѣтная трубка, Мартынъ зашагалъ по солнечной сторонѣ улочки и сразу замѣтилъ, что его открытый воротъ и отсутствіе головного убора возбуждаютъ всеобщее вниманіе. Городокъ былъ яркій, бѣлый, рѣзко раздѣленный на свѣтъ и на тѣнь, съ многочисленными кондитерскими. Дома, налѣзая другъ на друга, отошли въ сторону, и шоссеиная дорога, обсаженная огромными платанами съ тѣлеснаго цвѣта разводами на зеленыхъ стволахъ, потекла мимо виноградниковъ. Рѣдкіе встрѣчные, каменщики, дѣти, бабы въ черныхъ соломенныхъ {184} шляпахъ, — съѣдали глазами. Мартыну внезапно явилась мысль продѣлать полезный для будущаго опытъ: онъ пошелъ, хоронясь, — перескакивая черезъ канаву и скрываясь за ежевику, если вдали пока-

зывалась повозка, запряженная осликомъ въ черныхъ шорахъ, или пыльный, расхлябанный автомобиль. Версты черезъ двѣ онъ и вовсе покинулъ дорогу и сталъ пробираться параллельно съ ней по косогору, гдѣ дубки, блестящій миртъ и каркасныя деревца заслоняли его. Солнце такъ пекло, такъ трещали цикады, такъ прямо и жарко пахло, что онъ въ конецъ разомлѣлъ и сѣлъ въ тѣнь, вытирая платкомъ холодную, липкую шею. Посмотрѣвъ на карту, онъ убѣдился въ томъ, что на пятомъ километрѣ дорога даетъ петлю, и потому, если пойти на востокъ черезъ вонъ тотъ желтый отъ дрока холмъ, можно вѣроятно попасть на ея продолженіе. Переваливъ на ту сторону, онъ дѣйствительно увидѣлъ бѣлую змѣю дороги и опять пошелъ вдоль нея, среди благоуханныхъ зарослей и все радовался своей способности опознавать мѣстность.

Вдругъ онъ услышалъ прохладный звукъ воды и подумалъ, что въ мірѣ нѣтъ лучше музыки. Въ туннелѣ листья дрожали на плоскихъ камняхъ ручей. Мартынь опустился на колѣни, утолилъ жажду, глубоко вздохнулъ. Затѣмъ онъ закурилъ: отъ сѣрной спички передался въ ротъ сладковатый вкусъ, и огонекъ спички былъ почти незримъ въ знойномъ воздухѣ. И, сидя на камнѣ и слушая журчаніе воды, Мартынь наслаждался сполна чувствомъ путевой безопасности, — онъ, потерянный странникъ, былъ одинъ въ чудномъ мірѣ, совершенно къ нему равнодушномъ, — играли въ воздухѣ бабочки, юркали ящерицы по камнямъ, {185} и блестѣли листья, какъ блестятъ они и въ русскомъ лѣсу, и въ лѣсу африканскомъ.

Было уже далеко за полдень, когда Мартынь вошелъ въ Молиньякъ. Вотъ, значитъ, гдѣ горѣли огни, звавшіе его еще въ дѣтствѣ. Тишина, зной. Въ бѣгущей вдоль узкой панели узловатой водѣ сквозило разноцвѣтное дно, — черепки битой посуды. На булыжникахъ и на теплой панели дремали робкія, бѣлыя, страшно худыя собаки. Посреди небольшой площади стоялъ памятникъ: лицо женскаго пола, съ крыльями, поднявшее знамя.

Мартынь прежде всего зашелъ на почтамтъ, гдѣ было прохладно, темновато, сонно. Тамъ онъ написалъ матери открытку подъ пронзительное зудѣніе мухи, одной лапкой приклеившейся къ медово-желтому листу на подоконникѣ. Съ этой открытки начался новый пакетикъ въ комодѣ у Софьи Дмитриевны, — предпоследній.

XL.

Хозяйкѣ единственной въ Молиньякъ гостиницы и затѣмъ брату хозяйки, лиловому отъ вина и полнокровія фермеру, къ которому, въ

виду полного обнищанія, ему пришлось черезъ недѣлю наняться въ батраки, Мартынъ сказалъ, что — швейцарецъ (это подтверждалъ паспортъ), и далъ понять, что давно шатается по свѣту, работая гдѣ попало. Третій разъ такимъ образомъ онъ мѣнялъ отечество, пытая доврчивость чужихъ людей и учась жить инкогнито. То, что онъ родомъ изъ далекой сѣверной страны, давно прибрѣло оттѣнокъ оболстительной тайны. {186} Вольнымъ заморскимъ гостемъ онъ разгуливалъ по басурманскимъ базарамъ, — все было очень занимательно и пестро, но гдѣ бы онъ ни бывалъ, ничто не могло въ немъ ослабить удивительное ощущеніе избранности. Такихъ словъ, такихъ понятій и образовъ, какіе создала Россія, не было въ другихъ странахъ, — и часто онъ доходилъ до косноязычія, до нервнаго смѣха, пытаясь объяснить иноземцу, что такое «оскомина» или «пошлость». Ему льстила влюбленность англичанъ въ Чехова, влюбленность нѣмцевъ въ Достоевскаго. Какъ-то въ Кембриджѣ онъ нашель въ номерѣ мѣстнаго журнала шестидесятихъ годовъ стихотвореніе, хладнокровно подписанное «А. Джемсонъ»: «Я иду по дорогѣ одинъ, мой каменистый путь простирается далеко, тиха ночь и холодень камень, и ведется разговоръ между звѣздой и звѣздой». На него находила поволока странной задумчивости, когда, бывало, доносились изъ пропасти берлинскаго двора звуки перемчивой шарманки, невѣдающей, что ея пѣсня жалобила томныхъ пьяницъ въ русскихъ кабакахъ. Музыка... Мартыну было жаль, что какой-то стражъ не пускаетъ ему на языкъ звуковъ, живущихъ въ слухѣ. Все же, когда, повисая на вѣтвяхъ провансальскихъ черешенъ, горланили молодые итальянцы-рабочіе, Мартынъ — хрипло и бодро, и феноменально фальшиво затягивалъ что-нибудь свое, и это былъ звукъ той поры, когда на крымскихъ ночныхъ пикникахъ баритонъ Зарянскаго, потопляемый хоромъ, пѣлъ о чарочкѣ, о семиструнной подругѣ, объ иностранномъ-странномъ-странномъ офицерѣ.

Глубоко внизу бѣжала подъ вѣтромъ люцерна, сверху наваливалась жаркая синева, у самой щеки шелестѣли {187} листья въ серебристыхъ прожилкахъ, и клеенчатая корзинка, нацѣпленная на сукъ, постепенно тяжелѣла, наполняясь крупными, глянцевиито-черными черешнями, которыя Мартынъ срывалъ за тугіе хвосты. Когда черешни были собраны, поспѣло другое, абрикосы, пропитанные солнцемъ, и персики, которые слѣдовало нѣжно подхватывать ладонью, а то получались на нихъ синяки. Были и еще работы: по поясъ голый, съ уже терракотовой спиной, Мартынъ, въ угоду молодой кукурузѣ, разрыхлялъ, подкучивалъ землю, выбивалъ угломъ цапки лукавый, упорный пырей, или часами нагибался надъ ростками яблонь и грушъ, щелкалъ секаторомъ, — и какъ же весело было, когда изъ двороваго бассейна проводилась вода къ

питомнику, гдѣ киркой проложенныя борозды соединялись между собой и съ чашками, расцапанными вокругъ деревецъ; блистая на солнцѣ, растекалась по всему питомнику напущенная вода, пробиралась, какъ живая, вотъ остановилась, вотъ побѣжала дальше, словно нащупывая путь, и Мартынь, изрѣдка морщась отъ уколовъ крохотныхъ репейниковъ, чавкалъ по щиколки въ жирной, лиловой грязи, — тутъ втыкалъ съ размаху желѣзный щитъ въ видѣ преграды, тамъ, напротивъ, помогаль струѣ пробиться, — и, хлюпая, шелъ къ чашкѣ вокругъ деревца: чашка наполнялась пузырячатою, коричневой водой, и онъ шарилъ въ ней лопатой, сердобольно размягчая почву, и что-то изумительно легчало, вода просачивалась, благодатно омывала корни. Онъ былъ счастливъ, что умѣетъ утолить жажду растенія, счастливъ, что случай помогъ ему найти трудъ, на которомъ онъ можетъ провѣрить и смѣтливость свою, и выносливость. Онъ жилъ, вмѣстѣ съ {188} другими рабочими, въ сараѣ, выпивалъ, какъ они, полтора литра вина въ сутки и находилъ спортивную отраду въ томъ, что отъ нихъ не отличается ничѣмъ, — развѣ только свѣтлой бородкой, незамѣтно имъ отпущенной.

По вечерамъ, передъ тѣмъ, какъ завалиться спать, онъ шелъ покурить и погрезить къ пробковой роцѣ за фермой. Гдѣ-то невдалекѣ прерывисто и сочно свистали соловьи, а съ бассейна уже доносился гуттаперчевый, давящійся квохъ лягушекъ. Воздухъ былъ нѣженъ и тускловатъ, это были несовсѣмъ сумерки, но уже не день, и террасы оливъ, и миѳологическіе холмы вдалькѣ, и отдѣльно стоящая на бугрѣ сосна, все было немножко плоско и обморочно, а ровное, потухшее небо тѣснило, дурманило, и хотѣлось поскорѣе, чтобы въ немъ просквозили живительныя звѣзды. Темнѣло, темнѣло, на почернѣвшихъ холмахъ уже вздрагивали огоньки, зажигались окна въ хозяйскомъ домѣ, еще минута — и окрестъ былъ сумракъ, и, когда, далече-далече, въ невѣдомой темнотѣ, горящими члениками проползалъ рокочущій поѣздъ и внезапно исчезалъ, Мартынь съ удовольствіемъ говорилъ себѣ, что оттуда, изъ этого поѣзда, видны ферма и Молиньякъ, какъ соблазнительная пригоршня огней. Онъ радовался, что послушался ихъ, раскрылъ ихъ прекрасную, тихую сущность, — и однажды, въ воскресный вечеръ, онъ набрелъ въ Молиньякъ на небольшой, бѣлый домъ, окруженный крутыми виноградниками, и увидѣлъ покосившійся столбъ съ надписью: «продается». Въ самомъ дѣлѣ, — не лучше ли отбросить опасную и озорную затѣю, не лучше ли отказаться отъ желанія заглянуть въ безпощадную зорландскую ночь, и не поселиться ли съ {189} молодой женой вотъ здѣсь, на клинѣ тучной земли, ждущей трудолюбиваго хозяина? Да, надо было рѣшить: время шло, близилась черная осенняя ночь, имъ намѣченная для перехода, и онъ уже чувствовалъ себя отдохнувшимъ,

спокойнымъ, увѣреннымъ въ своей способности прикидываться чѣмъ угодно, никогда не теряться, всегда и вездѣ умѣть жить такъ, какъ требуютъ обстоятельства...

И вотъ, пытая судьбу, онъ написалъ Сонѣ. Отвѣтъ пришелъ скоро, и, прочтя его, Мартынъ облегченно вздохнулъ. «Да не мучь ты меня», — писала Соня. — «Ради Бога, довольно. Я не буду твоей женой никогда. И я ненавижу виноградники, жару, змѣй и, главное, чеснокъ. Поставь на мнѣ крестъ, удружи, миленькій».

Въ тотъ же день онъ на автобусѣ покатылъ въ городъ, сбрилъ свѣтлую бородку, взялъ въ гостиницѣ чемоданъ и пошелъ на станцію. Тамъ, у того же столика, положивъ голову на руку, дремалъ тотъ же рабочій. Зажигались фонари, рѣяли летучія мыши, выцвѣтало зеленоватое небо. «Прощай, прощай», — на какой-то пѣсенный ладъ подумалъ Мартынъ, глядя на растрепанный можжевельникъ по ту сторону уже дрожавшихъ рельсъ, на семафоръ, на черный силуэтъ человѣка, подвигавшаго черный силуэтъ тачки.

Влетѣлъ ночной экспрессъ, черезъ минуту тронулся опять, и Мартына пронзило мгновенное желаніе выскочить, вернуться на благополучную, на сказочную, ферму. Но станція уже сгинула. Глядя въ окно, онъ ждалъ появленія Молиньякскихъ огней, чтобы проститься съ ними. Вотъ они рассыпались вдаль, — они были такъ хороши, даже какъ-то не вѣрилось... «Скажите, — обратился {190} Мартынъ къ кондуктору, — вонъ эти огни, это — Молиньякъ?» «Какіе огни?» — спросилъ тотъ и взглянулъ въ окно, — но тутъ все заслонилъ вдругъ поднявшійся скатъ. «Во всякомъ случаѣ это не Молиньякъ, — сказалъ кондукторъ. — Молиньякъ не виденъ отсюда».

XLI.

На швейцарской границѣ Мартынъ купилъ «Зарубежное Слово» и едва повѣрилъ глазамъ, замѣтивъ внизу крупный заголовокъ фельетона: «Зоорландія». Подписано было «С. Бубновъ». Это оказался короткій, чудеснымъ языкомъ написанный рассказъ «съ налетомъ фантастики», какъ выражаются критики, и въ немъ Мартынъ со смущеніемъ и ужасомъ узналъ (словно произошла страшная непристойность) многое изъ того, о чемъ онъ говорилъ съ Соней, — но все это было странно освѣщено чужимъ, бубновскимъ, воображеніемъ. «Какая она все-таки предательница», — подумалъ Мартынъ и въ порывѣ острой и безнадежной ревности вспомнилъ, какъ видѣлъ однажды Бубнова и Соню, идущихъ по темной улицѣ подруку, и какъ увѣрилъ себя, что обознался,

когда Соня на другой день сказала, что была съ Веретенниковой въ кинематографѣ.

Моросило, горы были видны только до половины, когда, въ шарабанѣ, среди тюковъ, корзины и тучныхъ женщинъ, онъ пріѣхалъ въ деревню, отъ которой было десять минутъ ходьбы до дядинаго дома. Софья Дмитриевна знала, что сынъ скоро долженъ пріѣхать, — третій день {191} ждала телеграммы, съ волненіемъ думая, какъ поѣдетъ его встрѣчать на станцію въ автомобилѣ. Она сидѣла въ гостиной и вышивала, когда услышала изъ сада басокъ сына и тотъ его круглый, глуховатый смѣхъ, которымъ онъ смѣялся, когда возвращался послѣ долгой разлуки. Мартынъ шелъ рядомъ съ раскраснѣвшей Маріей, которая старалась выхватить у него чемоданъ, а онъ его на ходу все перемѣщаль изъ одной руки въ другую. Сынъ былъ съ лица мѣдно-темень, глаза посвѣтлѣли, отъ него дивно пахло табачнымъ перегаромъ, мокрой шерстью пиджака, поѣздомъ. «Ты теперь надолго, надолго», — повторяла она счастливымъ, лающимъ голосомъ. «Вообще — да, — солидно отвѣтилъ Мартынъ. — Только вотъ недѣли черезъ двѣ мнѣ нужно будетъ съѣздить по дѣлу въ Берлинъ, — а потомъ я вернусь». «Ахъ, какія тамъ дѣла, успѣется!» — воскликнула она, — и дядя Генрихъ, который почивалъ у себя послѣ завтрака, проснулся, прислушался, поспѣшно обулся и спустился внизъ.

«Блудный сынъ, — сказалъ онъ входя, — я очень радъ тебя видѣть опять». Мартынъ щекой коснулся его щеки, и оба одновременно чмокнули пустоту, какъ было между ними принято. «Надѣюсь — на нѣкоторое время?» — спросилъ дядя, не спуская съ него глазъ, и оцупью взялся за спинку стула, и сѣлъ, растопыривъ ноги. «Вообще — да, — отвѣтилъ Мартынъ, пожирая ветчину, — только вотъ недѣли черезъ двѣ мнѣ придется съѣздить въ Берлинъ, — но потомъ я вернусь». «Не вернешься, — сказала со смѣхомъ Софья Дмитриевна, — знаю тебя. Ну, расскажи, какъ это все было. Неужели ты правда пахалъ, и косилъ, и доилъ?» «Доить очень весело», — сказалъ Мартынъ, и показалъ {192} двумя разставленными пальцами, какъ это дѣлается (какъ разъ доить коровъ ему въ Молиньякѣ не проходило, — былъ для этого его тезка, Мартэнъ Рокъ, — и неизвѣстно, почему онъ сначала рассказалъ именно объ этомъ, когда было такъ много другого, подлиннаго).

Утромъ, взглянувъ на горы, Мартынъ снова, на тотъ же нѣсколько всхлипывающій мотивъ, подумалъ: «Прощай, прощай», — но сразу пожурилъ себя за недостойное малодушіе, и тутъ вошла Софья Дмитриевна съ письмомъ, и, уже съ порога — такъ, чтобы не дать времени сыну напрасно подумать, что это отъ Сони, — бодро сказала: «Отъ твоего Дарвина. Забыла тебѣ вчера дать». Мартынъ съ первыхъ же строкъ

началъ тихо смѣяться. Дарвинъ писалъ, что женится на удивительной дѣвушкѣ, англичанкѣ, встрѣченной въ гостиницѣ надъ Ніагарой, что ему приходится много развѣзжать, и что онъ будетъ черезъ недѣлю въ Берлинѣ. «Да пригласи его сюда, — живо сказала Софья Дмитриевна, — чего же проще?» «Нѣтъ-нѣтъ, я тебѣ говорю, что я долженъ тамъ быть, выходить вполне удачно...»

«Скажи, Мартынъ», — начала Софья Дмитриевна и замялась. «Въ чемъ дѣло?» — спросилъ онъ со смѣхомъ. «Какъ у тебя тамъ все, — ну, ты знаешь, о чемъ я спрашиваю... Ты можетъ быть уже обрученъ?» Мартынъ шурился и смѣялся, и ничего не отвѣчалъ. «Я буду ее очень любить», — тихо, святымъ голосомъ, произнесла Софья Дмитриевна. «Пойдемъ гулять, чудная погода», — сказалъ Мартынъ, дѣлая видъ, что мѣняетъ разговоръ. «Ты пойдѣ, — отвѣтила она. — Я, дура, какъ разъ на сегодня пригласила старичковъ Друэ, и они умрутъ отъ разрыва сердца, если имъ протелефонировать». {193}

Въ саду дядя Генрихъ прилаживалъ лѣсенку къ стволу яблони и потомъ, съ величайшей осторожностью, поднялся на третью ступеньку. У колодца, позабывъ о ведрѣ, переполнявшемся блестящей водой, стояла, подбоченясь, Марія и глядѣла куда-то въ сторону. Она очень раздобрѣла за послѣдніе годы, но въ эту минуту, съ солнечными бликами на голой шеѣ, на платьѣ, на туго скрученныхъ косахъ, она Мартыну напомнила его мимолетную влюбленность. Марія быстро повернула къ нему лицо. Толстое и тупое.

XLII.

Упруго идя по тропѣ въ черной еловой чащѣ, гдѣ, тамъ и сямъ, сіяла желтизной тонкая береза, онъ съ восторгомъ предвкушалъ вотъ такую же прохваченную солнцемъ осеннюю глушь, съ паутинами, растянутыми на лучахъ, съ зарослями царскаго чая въ сырыхъ ложбинкахъ, — и вдругъ просвѣтъ, и дальше — просторъ, пустыя осеннія поля и на пригоркѣ плотную бѣлую церковку, пасущую нѣсколько бревенчатыхъ избъ, готовыхъ вотъ-вотъ разбрестись, и вокругъ пригорка ясную излучину рѣки съ кудрявыми отраженіями. Онъ былъ почти удивленъ, когда, сквозь черноту хвои, глянулъ альпійскій склонъ.

Это напомнило ему, что до отъѣзда слѣдовало расчитаться съ совѣстью. Дѣловито и неторопливо онъ поднялся по склону, достигъ сѣрыхъ изломанныхъ скалъ, вскарабкался по каменистой крутизнѣ и оказался на той площадкѣ, откуда велъ за уголъ знакомый карнизъ. Не задумываясь, {194} исполняя приказъ, коего послушаться было немис-

лимо, онъ принялся бокомъ переступать по узкой полкѣ и, когда дошелъ до конца, посмотрѣлъ черезъ плечо и увидѣлъ тотчасъ за каблуками солнечную бездну, и въ самой глубинѣ — фарфоровую гостиницу. «На, выкуси», — сказалъ ей Мартынъ и, не поддаваясь головокруженію, двинулся налѣво, откуда пришелъ, — и еще разъ остановился, и, провѣряя свою выдержку, попробовалъ извлечь изъ задняго кармана штановъ портсигаръ и закурить. Было одно мгновеніе, когда, грудью касаясь скалы, онъ руками за нее не держался и чувствовалъ, какъ пропасть за нимъ напрягается, тянетъ его за икры и плечи. Онъ не закурилъ только потому, что выронилъ спичечный коробокъ, и было очень страшно, что звука паденія не послѣдовало, и, когда онъ опять двинулся по карнизу, ему казалось, что коробокъ все еще летитъ. Благополучно добравшись до площадки, Мартынъ крикнулъ отъ радости и опять дѣловито, со строгимъ сознаниемъ выполненнаго долга, пошелъ внизъ по склону и, найдя нужную тропинку, спустился къ бѣлой гостиницѣ — посмотрѣть, что она на все это скажетъ. Тамъ — въ саду, около тенниса, — онъ увидѣлъ Валентину Львовну, сидѣвшую на скамейкѣ рядомъ съ господиномъ въ бѣлыхъ штанахъ, и понадѣялся, что она не замѣтитъ его, — было жаль такъ скоро растрясти то драгоцѣнное, что принесъ онъ съ вершины. «Мартынъ Сергѣичъ, а, Мартынъ Сергѣичъ», — крикнула она, и Мартынъ ослабилъ и подошелъ. «Это сынъ доктора Эдельвейса», — сказала Валентина Львовна господину въ бѣлыхъ штанахъ. Тотъ привсталъ и, не снимая канотье, отодвинулъ локоть, нацѣлился и, рѣзко выѣхавъ впередъ {195} ладонью, крѣпко пожалъ Мартыну руку. «Грузиновъ», — сказалъ онъ вполголоса, какъ будто сообщая тайну.

«Надолго пріѣхали?» — спросила Валентина Львовна съ улыбкой и быстро натянула яркую, съ пушкомъ, губу на большіе розовые зубы. «Вообще — да, — сказалъ Мартынъ. — Только вотъ съѣзжу по дѣламъ въ Берлинъ, а потомъ вернусь». «Мартынъ... Сергѣевичъ?» — тихо справился Грузиновъ и, на утвердительный отвѣтъ Мартына прикрылъ вѣки и повторилъ его имя-отчество еще разъ про себя. «А знаете, вы»... — проговорила Валентина Львовна и сдѣлала вазообразный жестъ своими дивными руками. «Еще бы, — отвѣтилъ Мартынъ. — Я батрачилъ на югѣ Франціи. Тамъ такъ спокойно живется, что нельзя не поправиться». Грузиновъ двумя пальцами потрогалъ себя за углы рта, и при этомъ его добротное, чистое, моложавое лицо со сливочнымъ оттѣнкомъ на щекахъ, изъ которыхъ, казалось, можно было сдѣлать тянушки, приняло немного бабье выраженіе. «Да, вспомнилъ, — сказалъ онъ. — Его зовутъ Кругловъ, и онъ женатъ на турчанкѣ», — («ахъ, садитесь», — вскользь произнесла Валентина Львовна и двумя толчками

отодвинула вбокъ свое мягкое, очень надушенное тѣло, — чтобы дать Мартыну мѣсто на скамейкѣ) — «у него какъ разъ заимка на югѣ Франціи, — развилъ свою мысль Грузиновъ, — и, кажется, онъ поставляетъ въ городъ жасминъ. Вы въ какихъ же мѣстахъ были, — тоже въ духодѣльныхъ?» Мартынъ сказалъ. «Во-во, — подхватилъ Грузиновъ, — гдѣ-то тамъ по близости. А, можетъ быть, и не тамъ. Вы что, учитесь въ берлинскомъ университетѣ?» «Нѣтъ, я кончилъ въ Кембриджѣ». «Весьма любопытно, — вѣско сказалъ Грузиновъ. — Тамъ {196} еще сохранились римскіе водопроводы, — продолжалъ онъ, обратившись къ женѣ. — Представь себѣ, голубка, этихъ римлянъ, которые вдалекѣ отъ родины устраиваются на чужой землѣ, — и замѣть: хорошо, удобно, по-барски». Мартынъ никакихъ особенныхъ водопроводовъ въ Кембриджѣ не видалъ, но все же счелъ нужнымъ закивать. Какъ всегда въ присутствіи людей замѣчательныхъ, съ необыкновеннымъ прошлымъ, онъ испытывалъ пріятное волненіе и уже рѣшалъ про себя, какъ лучше всего воспользоваться новымъ знакомствомъ. Оказалось однако, что Юрія Тимофеевича Грузинова не такъ-то легко привести въ благое состояніе духа, когда человѣкъ вылѣзаетъ изъ себя, какъ изъ норы, и усаживается нагишомъ на солнцѣ. Юрій Тимофеевичъ не желалъ вылѣзать. Онъ былъ въ совершенствѣ добродушенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непроницаемъ, онъ охотно говорилъ на любую тему, обсуждалъ явленія природы и человѣческія дѣла, но всегда было что-то такое въ этихъ рѣчахъ, отчего слушатель вдругъ спрашивалъ себя, не измывается ли надъ нимъ потихоньку этотъ сдобный, плотный, опрятный господинъ съ холодными глазами, какъ бы не участвующими въ разговорѣ. Когда прежде, бывало, рассказывали о немъ, о страсти его къ опасности, о переходахъ черезъ границу, о таинственныхъ возстаніяхъ, Мартынъ представлялъ себѣ что-то властное, орлиное. Теперь же, глядя, какъ Юрій Тимофеевичъ открываетъ черный, изъ двухъ частей, футляръ и нацѣпляетъ для чтенія очки, — очень почему-то простые очки, въ металлической оправѣ, какіе подстать было бы носить пожилому рабочему, мастеру со складнымъ аршиномъ {197} въ карманѣ, — Мартынъ чувствовалъ, что Грузиновъ другимъ и не могъ быть. Его простоватость, даже нѣкоторая рыхлость, старомодная изысканность въ платьѣ (фланелевый жилетъ въ полоску), его шутки, его обстоятельность, — все это было прочной оболочкой, кокономъ, который Мартынъ никакъ не могъ разорвать. Однако самый фактъ, что встрѣтился онъ съ нимъ почти наканунѣ экспедиціи, казался Мартыну залогомъ успѣха. Это тѣмъ болѣе было удачно, что, вернись Мартынъ въ Швейцарію на мѣсяць позже, онъ бы Грузинова не засталъ: Грузиновъ былъ бы уже въ Бессарабіи.

XLIII.

Прогулки. До водопада, до Сенъ-Клера, до пещеры, гдѣ нѣкогда жилъ отшельникъ. И обратно. Сентябрь былъ жаркій, погожій. — Утромъ, бывало, моросить, а уже къ полудню весь міръ нѣжно вспыхиваетъ на солнцѣ, блестятъ стволы деревьевъ, горять синія лужи на дорогѣ, и горы, разогрѣвшись, освобождаются отъ туманнаго облаченія. Впереди — Софья Дмитриевна и Валентина Львовна, сзади — Грузиновъ и Мартынъ. Грузиновъ шагаль съ удовольствіемъ, крѣпко опираясь на самодѣльную трость, и не любилъ, когда останавливались, чтобы поглазѣть на видъ: онъ говорилъ, что это портитъ ритмъ прогулки. Разъ съ какой-то фермы метнулась овчарка и стала посреди дороги, урча. Валентина Львовна сказала: «ой, я боюсь», — зашла за спину мужа, а Мартынъ взялъ палку изъ руки матери, которая, обращаясь къ собакѣ, издавала {198} тотъ звукъ, какимъ у насъ подгоняютъ лошадей. Одинъ Грузиновъ поступилъ правильно: онъ сдѣлалъ видъ, что поднимаетъ съ земли камень, и собака сразу отскочила. Пустякъ, конечно, — но Мартынъ любилъ такіе пустяки. Въ другой разъ, видя, что Мартыну трудно итти безъ трости по очень крутой тропинкѣ, Грузиновъ извлекъ изъ кармана финскій ножъ, выбралъ деревцо и, молча, очень точными ударами ножа, смастерилъ ему палку, гладкую, бѣлую, еще живую, еще свѣжую на ощупь. Тоже пустякъ, — но эта палка почему-то пахла Россіей. Софья Дмитриевна находила Грузинова милѣйшимъ и какъ-то за завтракомъ сказала мужу, что онъ непременно долженъ поближе съ нимъ познакомиться, что о немъ уже сложились легенды. «Не спорю, не спорю, — отвѣтилъ дядя Генрихъ, поливая салатъ уксусомъ, — но вѣдь это авантюристъ, человѣкъ несовсѣмъ нашего общества, впрочемъ, если хочешь, зови». Мартынъ пожалѣлъ, что не услышитъ, какъ Юрій Тимофеевичъ разговорится съ дядей Генрихомъ, — о деспотизмѣ машинъ, о вещественности нашего вѣка. Послѣ завтрака Мартынъ послѣдовалъ за дядей въ кабинетъ и сказалъ: «Я во вторникъ ѣду въ Берлинъ. Мнѣ нужно съ тобой поговорить». «Куда тебя несетъ?» — недовольно спросилъ дядя Генрихъ и добавилъ, тараща глаза и качая головой: «Твоя мать будетъ крайне огорчена, — самъ знаешь». «Я обязанъ поѣхать, — продолжалъ Мартынъ. — У меня есть дѣло». «Амурное?» — любопытствовалъ дядя Генрихъ. Мартынъ безъ улыбки покачалъ головой. «Такъ что же?» — пробормоталъ дядя Генрихъ и поглядѣлъ на кончикъ зубочистки, которой онъ уже нѣкоторое время производилъ раскопки. «Это о деньгахъ, — довольно {199} твердо сказалъ Мартынъ, — я хочу попросить тебя дать мнѣ въ долгъ. Ты знаешь, что я лѣтомъ хорошо зараба-

тываю. Я тебѣ лѣтомъ отдамъ». «Сколько?» — спросилъ дядя Генрихъ, и лицо его приняло довольное выраженіе, глаза подернулись влагой, — онъ чрезвычайно любилъ показывать Мартыну свою щедрость. «Пятьсотъ франковъ». Дядя Генрихъ поднялъ брови. «Это, значить, карточный долгъ, такъ что ли?» «Если ты не хочешь...» — началъ Мартынъ, съ ненавистью глядя, какъ дядя обсасываетъ зубочистку. Тотъ сразу испугался. «У меня есть правило, — проговорилъ онъ примирительно, — никогда не слѣдуетъ требовать отъ молодого человѣка откровенности. Я самъ былъ молодъ и знаю, какъ иногда молодой человѣкъ бываетъ опрометчивъ, это только естественно. Но слѣдуетъ избѣгать азартныхъ... ахъ постой же, постой, куда ты, — я же тебѣ дамъ, я дамъ, — мнѣ не жалко, — а насчетъ того, чтобы вернуть...» «Значить ровно пятьсотъ, — сказалъ Мартынъ, — и я уѣзжаю во вторникъ».

Дверь пріоткрылась. «Мнѣ можно?» — спросила Софья Дмитріевна тонкимъ голосомъ. «Какіе у васъ тутъ секреты? — немного жеманно продолжала она, безпокойно перебѣгая глазами съ сына на мужа. — Мнѣ развѣ нельзя знать?» «Да нѣтъ, все о томъ же, — о братьяхъ Пти», — отвѣтилъ Мартынъ. «А онъ, между прочимъ, во вторникъ отбываетъ», — произнесъ дядя Генрихъ и сунулъ зубочистку въ жилетный карманъ. «Какъ, уже?» — протянула Софья Дмитріевна. «Да, уже, уже, уже, уже», — съ несвойственнымъ ему раздраженіемъ сказалъ сынъ и вышелъ изъ комнаты. «Онъ безъ дѣла свихнется», — замѣтилъ дядя Генрихъ, комментируя грохотъ двери. {200}

XLIV.

Когда Мартынъ вошелъ въ надоѣвшій садъ гостиницы, онъ увидѣлъ Юрія Тимофеевича, стоящаго у теннисной площадки, на которой шла довольно живая игра между двумя юношами. «Смотрите, — козлами скачутъ, — сказалъ Грузиновъ, — а вотъ у насъ былъ кузнецъ, вотъ онъ дѣйствительно здорово жарилъ въ лапту, — за каланчу лупнетъ, или за рѣчку, — очень просто. Пустить бы его сюда, какъ бы онъ разбилъ этихъ молодчиковъ». «Въ теннисѣ другія правила», — замѣтилъ Мартынъ. «Онъ бы имъ безъ всякихъ правилъ наклалъ», — спокойно возразилъ Грузиновъ. Послѣдовало молчаніе. Хлопали мячи. Мартынъ прищурился. «У блондина довольно классный драйвъ». «Комикъ», — сказалъ Грузиновъ и потрепалъ его по плечу. Межъ тѣмъ подошла Валентина Львовна, плавно покачивая бедрами, а потомъ завидѣла двухъ знакомыхъ барышень англичанокъ и поплыла къ нимъ, осторожно улыбаясь. «Юрій Тимофееичъ, — сказалъ Мартынъ, — у меня

къ вамъ разговоръ. Это важно и секретно». «Сдѣлайте одолженіе. Я — гробъ-могила». Мартынь нерѣшительно оглядѣлся. «Я не знаю...» — началъ онъ. «Дыкъ пойдѣте ко мнѣ», — предложилъ Грузиновъ.

Въ номерѣ было тѣсно, темновато, и сильно пахло духами Валентины Львовны. Грузиновъ растворилъ окно, на одинъ мигъ онъ былъ какъ большая темная птица, раскинутая {201} на золотомъ фонѣ, и затѣмъ все вспыхнуло, солнце, разбѣжавшись по полу, остановилось у двери, которую безшумно затворилъ за собой Мартынь. «Кажется, безпорядокъ, не взыщите, — сказалъ Грузиновъ, косясь на двуспальную постель, смятую полуденной сіестой. — Садитесь въ кресло, голубчикъ. Очень сладкія яблочки. Угощайтесь». «Я, собственно говоря, — приступилъ Мартынь, — вотъ о чемъ хотѣлъ съ вами поговорить: у меня есть пріятель, этотъ пріятель собирается нелегально перейти изъ Латвіи въ Россію...» «Вотъ это возьмите, съ румянцемъ», — вставилъ Грузиновъ. «Я все думаю, — продолжалъ Мартынь, — удастся ли ему это? Предположимъ, — онъ отлично знаетъ мѣстность по картѣ, — но вѣдь этого недостаточно, — вѣдь повсюду пограничники, развѣдка, шпіоны. Я хотѣлъ попросить васъ — ну что ли, разъяснить». Грузиновъ, облокотясь на столъ, ѣлъ яблоко, вертѣлъ его, отхватывалъ то тутъ, то тамъ хрустящій кусокъ и опять вертѣлъ, выбирая новое мѣсто для нападенія. «А зачѣмъ вашему пріятелю туда захаживать?» — освѣдомился онъ, бѣгло взглянувъ на Мартына. «Не знаю, онъ это скрываетъ. Кажется, хочетъ повидать родныхъ въ Островѣ или въ Псковѣ». «Какой паспортъ?» — спросилъ Грузиновъ. «Иностраннѣй, онъ иностраннѣй подданный, — литовецъ, что ли». «Такъ что же, — визы ему не даютъ?» «Этого я не знаю, — онъ кажется не хочетъ визы, ему нравится сдѣлать это по-своему. А можетъ быть дѣйствительно не даютъ...» Грузиновъ доѣлъ яблоко и сказалъ: «Я все ищу антоновскаго вкуса, — иногда, кажется, какъ будто нашель, — а присмакуюсь, — нѣтъ, все-таки, не то. А насчетъ визъ вообще — сложно. Я вамъ никогда не рассказывалъ исторію, {202} какъ мой шуринь перехитрилъ американскую квоту?» «Я думалъ, вы что-нибудь посоветуете», — неловко проговорилъ Мартынь. «Чудакъ-человѣкъ, — сказалъ Грузиновъ, — вѣдь вашъ пріятель навѣрное лучше знаетъ». «Но я беспокоюсь за него...» — тихо произнесъ Мартынь и съ грустью подумалъ, что разговоръ выходитъ отнюдь не такимъ, какимъ онъ его воображалъ, и что Юрій Тимофеевичъ никогда не расскажетъ, какъ онъ самъ множество разъ переходилъ границу. «И понятно, что беспокоитесь, — сказалъ Грузиновъ. — Особенно, если онъ новичокъ. Впрочемъ, проводникъ тамъ всегда найдется». «Ахъ, нѣтъ, это опасно, — воскликнулъ Мартынь, — нарвется на предателя». «Ну конечно, слѣдуетъ быть осторожнымъ», —

согласился Грузиновъ и, потирая ладонью глаза, внимательно, сквозь толстые бѣлые пальцы, посмотрѣлъ на Мартына. «И очень важно, конечно, знать мѣстность», — добавилъ онъ вяло.

Тогда Мартынъ проворно вынулъ небольшую въ трубку свернутую карту. Онъ зналъ ее наизусть, не разъ забавлялся тѣмъ, что чертилъ ее не глядя, — но теперь слѣдовало скрыть свое знаніе. «Я, видите ли, даже запасся картой, — сказалъ онъ непринужденно. — Мнѣ, напри- мѣръ кажется, что Коля перейдетъ вотъ здѣсь, или здѣсь». «Ахъ, его зовутъ Колей, — сказалъ Грузиновъ. — Запомнимъ, запомнимъ. А карта хорошая. Пойдите...» (появился футляръ, чмокнувъ, открылся, блеснули очки)... «Значитъ, позвольте, — какой, масштабъ? — о, пре- красно... — вотъ — Рѣжица, вотъ Пыталово, на самой чертѣ. У меня былъ пріятель, тоже, по странному совпаденію, Коля, который разъ перешелъ рѣчку бродомъ и пошелъ вотъ {203} такъ, а въ другой разъ началъ здѣсь, — и лѣсомъ, лѣсомъ, — очень густой лѣсъ, — Рого- жинскій, вотъ, а теперь, если взять на сѣверо-востокъ... —»

Грузиновъ теперь говорилъ живо и все ускорялъ рѣчь, вода острыемъ разогнутой англійской булавки по картѣ, — и въ одну минуту намѣтилъ полдюжины маршрутовъ, и все сыпалъ названіями деревень, призывалъ къ жизни невидимыя тропы, — и чѣмъ оживленнѣе онъ гово- рилъ, тѣмъ яснѣе становилось Мартыну, что Грузиновъ надъ нимъ издѣвается. Вдругъ донеслись изъ сада два женскихъ голоса, странно выкрикивающихъ фамилію Юрія Тимофеевича. Онъ высунулся. Барышни-англичанки (барышнямъ, вообще, онъ нравился, — разыгры- валь передъ ними байбака, простака) звали его ѣсть мороженое. «Вотъ пристаючія, — сказалъ Грузиновъ, — я все равно мороженаго никогда не ѣмъ». Мартыну показалось, что уже гдѣ-то, когда-то были сказаны эти слова (какъ въ «Незнакомкѣ» Блока), и что тогда, какъ и теперь, онъ чѣмъ-то былъ озадаченъ, что-то пытался объяснить. «Вотъ мой совѣтъ, — сказалъ Грузиновъ, ловко свернувъ карту и протянувъ ее Мартыну. — Передайте Колѣ, чтобъ онъ оставался дома и занимался чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Хорошій малый, должно быть, — и было бы жаль, если-бы онъ заплуталъ». «Онъ въ этомъ лучше меня смыслить», — мстительно отвѣтилъ Мартынъ.

Спустились въ садъ. Мартынъ все время усиленно улыбался и чув- ствовалъ ненависть къ Грузинову, къ его холоднымъ глазамъ, къ сли- вочно-бѣлому непроницаемому лбу. Но одно было хорошо: вотъ, разго- воръ произошелъ, {204} это минуло, — обошелся, какъ съ мальчишкой, — чортъ съ нимъ, совѣсть чиста, теперь можно спокойно уложить вещи и уѣхать.

Въ день отъѣзда онъ проснулся очень рано, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, въ рождественское утро. Мать, по англійскому обычаю, осторожно входила среди ночи и подвѣшивала къ изножью кровати чулокъ, набитый подарками. Для пущей убѣдительности она нацѣпляла ватную бороду и надѣвала мужнинъ башлыкъ. Мартынъ, проснись онъ ненарокомъ, видѣлъ бы воочию святого Николая. И вотъ, утромъ, при ярко-желтомъ блескѣ лампы и подъ мрачнымъ взглядомъ зимняго петербургскаго разсвѣта, — съ коричневымъ небомъ надъ темнымъ домомъ напротивъ, гдѣ снѣгъ провелъ карнизы бѣлилами, — Мартынъ ощупывалъ длинный материнскій чулокъ, хрустящій, туго набитый почти доверху пакетиками, которые просвѣчивали черезъ шелкъ, и, замирая, совалъ въ него руку, начиналъ вытаскивать и разворачивать звѣрьковъ, бонбоньерки, — все предисловіе къ большому подарку, — къ паровозу и вагонамъ и рельсамъ (изъ которыхъ можно составлять огромныя восьмерки), ожидавшимъ его попозже, въ гостиной. И нынче тоже Мартына ожидалъ поѣздъ, этотъ поѣздъ уходилъ изъ Лозанны подъ вечеръ и около девяти утра прибывалъ въ Берлинъ. Софья Дмитриевна, увѣренная, что сынъ ѣдетъ только затѣмъ, чтобы повидаться съ маленькой Зилановой, и замѣчавшая, что нѣтъ изъ Берлина писемъ, и терзавшаяся мыслью, что маленькая {205} Зиланова недостаточно быть можетъ любить его и окажется дурной женой, старалась какъ можно веселѣе обставить его отъѣздъ и, подъ видомъ нѣсколько лихорадочной бодрости, скрывала и тревогу свою и огорченіе, что вотъ, едва пріѣхавъ, онъ уже покидаетъ ее на цѣлый мѣсяцъ. Дядя Генрихъ, у котораго раздулся флюсъ, былъ за обѣдомъ угрюмъ и неразговорчивъ. Мартынъ посмотрѣлъ на перечницу, къ которой дядя потянулся, и ему показалось, что эту перечницу (изображавшую толстаго человѣчка съ дырочками въ серебряной лысинѣ) онъ видитъ въ послѣдній разъ. Онъ быстро перевелъ глаза на мать, на ея худыя руки въ блѣдныхъ веснушкахъ, на нѣжный профиль ея и приподнятую бровь, — словно она дивилась жирному рагу на тарелкѣ, — и опять ему показалось, что эти веснушки, и бровь, и рагу онъ видитъ въ послѣдній разъ. Одновременно и вся мебель въ комнатѣ, и ненастный пейзажъ въ окнѣ, и часы съ деревяннымъ циферблатомъ надъ буфетомъ, и увеличенныя фотографіи усатыхъ сюртучныхъ господъ въ черныхъ рамахъ, — все какъ будто заговорило, требуя къ себѣ вниманія въ виду скорой разлуки. «Мнѣ можно тебя проводить до Лозанны?» — спросила мать. — «Ахъ, я знаю, что ты не любишь проводовъ, — поспѣшила она добавить, замѣтивъ, что Мартынъ наморщилъ носъ, — но я не для того,

чтобы провожать тебя, а просто хочется проѣхать въ автомобилѣ, и кромѣ того мнѣ нужно кое-что купить». Мартынъ вздохнулъ. «Ну, не хочешь — не надо, — сказала Софья Дмитриевна съ чрезвычайной веселостью. — Если меня не берутъ, я останусь. Но только ты надѣнешь теплое пальто, на этомъ я настаиваю». {206}

Они между собой всегда говорили по-русски, и это постоянно сердило дядю Генриха, знавшаго только одно русское слово «ничего», которое почему-то мерещилось ему символомъ славянскаго фатализма. Теперь, будучи въ скверномъ настроеніи и страдая отъ боли въ распухшей деснѣ, онъ рѣзко отодвинулъ стулъ, смахнулъ салфеткой крошки съ живота и, посасывая зубъ, ушелъ въ свой кабинетъ. «Какъ онъ старъ, — подумалъ Мартынъ, глядя на его сѣдой затылокъ, — или это такъ свѣтъ падаетъ? Такая мрачная погода».

«Ну, что жъ, тебѣ скоро нужно собираться, — замѣтила Софья Дмитриевна, — вѣроятно уже автомобиль поданъ». Она выглянула въ окно. «Да, стоитъ. Посмотри, какъ тамъ смѣшно: ничего въ туманѣ не видно, будто никакихъ горъ нѣтъ... Правда?» «Я, кажется, забылъ бритву», — сказалъ Мартынъ.

Онъ поднялся къ себѣ, уложилъ бритву и ночныя туфли, съ трудомъ защелкнулъ чемоданъ. Вдругъ онъ вообразилъ, какъ будетъ въ Ригѣ или въ Рѣжицѣ покупать простыя, грубыя вещи, — картузь, полушубокъ, сапоги. Быть можетъ, револьверъ? «Прощай-прощай», — быстро пропѣла этажерка, увѣнчанная черной фигуркой футболиста, которая всегда напоминала Аллу Черносивову.

Внизу, въ просторной прихожей, стояла Софья Дмитриевна, заложивъ руки въ карманы макинтоша, и напѣвала, какъ всегда дѣлала, когда нервничала. «Остался бы дома, — сказала она, когда Мартынъ съ ней поравнялся, — ну, что тебѣ ѣхать...» Изъ двери направо, надъ которой была голова серны, вышелъ дядя Генрихъ и, глядя на Мартина исподлобья, спросилъ: «Ты увѣренъ, что взялъ достаточно {207} денегъ?» «Вполнѣ, — отвѣтилъ Мартынъ. — Благодарю тебя». «Прощай, — сказалъ дядя Генрихъ. — Я съ тобой прощаюсь здѣсь, оттого что сегодня избѣгаю выходить. Если бы у другого такъ болѣли зубы, какъ у меня, онъ давно былъ бы въ сумасшедшемъ домѣ».

«Ну, пойдешь, — сказала Софья Дмитриевна, — я боюсь, что ты опоздаешь на поѣздъ».

Дождь, вѣтеръ. У Софьи Дмитриевны сразу растрепались волосы, и она все гладила себя по ушамъ. «Постой, — сказала она, недоходя калитки сада, близъ двухъ еловыхъ стволовъ, между которыми лѣтомъ натягивался гамакъ. — Постой же, я хочу тебя поцѣловать». Онъ опустилъ чемоданъ наземь. «Поклонись ей отъ меня», — шепнула она съ

многозначительной улыбкой, — и Мартынь кивнулъ («Поскорѣй бы уѣхать, это невыносимо...»).

Шоферъ услужливо открылъ калитку. Сыро блестяль автомобиль, дождь слегка звенѣль, ударяясь въ него. «И пожалуйста, пиши, хоть разъ въ недѣлю», — сказала Софья Дмитріевна. Она отступила и съ улыбкой замахала рукой, и, шурша по грязи, черный автомобиль скрылся за еловой просадью.

XLVI.

Ночь въ вагонѣ, — въ укачливомъ вагонѣ темно-дикаго цвѣта, — длилась безъ конца: мгновеніями Мартынь проваливался въ сонъ и, содрогнувшись, просыпался, и опять катился внизъ — словно съ американскихъ горъ, и опять взлеталъ, и среди глухого стука колесъ улавливалъ дыханіе пассажира на нижней койкѣ, равномерный {208} храпъ, какъ бы участвующій въ общемъ движеніи поѣзда.

Задолго до приѣзда, пока все еще въ вагонѣ спали, Мартынь спустился со своей вышки и, захвативъ съ собой губку, мыло, полотенце и складной табъ въ непромокаемомъ чехлѣ, прошелъ въ уборную. Тамъ, предварительно распластавъ на полу листы купленнаго въ Лозаннѣ «Таймза», онъ выправилъ валкіе края резиновой ванны и, скинувъ пижаму, облѣпилъ мыльной пѣной все свое крѣпкое, темное отъ загара тѣло. Было тѣсновато, сильно качало, чувствовалась какая-то сквозная близость бѣгущихъ рельсъ, была опасность ненарокомъ коснуться стѣнки; но Мартынь не могъ обойтись безъ утренней ванны, видя въ этомъ своего рода героическую оборону: такъ отбивается упорная атака земли, наступающей едва замѣтнымъ слоемъ пыли, точно ей не терпится — до срока — завладѣть человѣкомъ. Послѣ ванны, какъ бы дурно онъ ни спалъ, Мартынь проникался благодатной бодростью. Въ такія минуты мысль о смерти, о томъ, что когда-нибудь — и, можетъ быть, — какъ знать? — скоро — придется сдаться и продѣлать то, что продѣлали билліоны, триллионы людей, эта мысль о неминуемой, общедоступной смерти, едва волновала его, и только постепенно къ вечеру она входила въ силу и къ ночи раздувалась иногда до чудовищныхъ размѣровъ. Мартыну казалось, что въ обычаѣ казнить на разсвѣтѣ есть милосердіе: дай Богъ, чтобы это случилось утромъ, когда человѣкъ владѣетъ собой, — покашливаетъ, улыбается и вотъ — сталъ и раскинулъ руки.

Выйдя на дебаркадеръ Ангальтскаго вокзала, онъ съ наслажденіемъ вдохнулъ дымно-холодный утренній воздухъ. {209} Вдали, съ

той стороны, откуда пришел поѣздъ, видно было въ пролетѣ желѣзно-стекляннаго свода чистое, блѣдно-голубое небо, блескъ рельсъ, и, по сравненію съ этой свѣтлостью, здѣсь, подъ сводомъ, было темновато. Онъ прошелъ мимо тусклыхъ вагоновъ, мимо громаднаго, шипящаго, потнаго паровоза, и, отдавъ билетъ въ человѣческую руку контрольной будки, спустился по ступенямъ и вышелъ на улицу. Изъ привязанности къ образамъ дѣтства, онъ рѣшилъ избрать исходной точкой своего путешествія вокзалъ Фридриха, гдѣ нѣкогда ловила Нордъ-Экспрессъ русская семья, жившая въ Континенталѣ. Чемоданъ былъ изрядно тяжелъ, но Мартынъ чувствовалъ такую неусидчивость, такое волненіе, что отправился пѣшкомъ; однако, дойдя до угла Потсдамской улицы, онъ ощутилъ сильный голодъ, прикинулъ оставшееся разстояніе и благоразумно сѣлъ въ автобусъ. Съ самого начала этого необыкновеннаго дня всѣ его чувства были заострены, — ему казалось, что онъ запоминаетъ лица всѣхъ встрѣчныхъ, воспринимаетъ живѣе, чѣмъ когда-либо, цвѣта, запахи, звуки, — и автомобильные рожки, которые, бывало, въ дождливыя ночи терзали слухъ отвратительнымъ сырымъ хрюканіемъ, теперь звучали какъ-то отрѣшенно, мелодично и жалобно. Сидя въ автобусѣ, онъ услышалъ недалеко отъ себя переливъ русской рѣчи. Пожилая чета и двое круглоглазыхъ мальчиковъ. Старшій устроился поближе къ окну, младшій нѣсколько напиралъ на брата. «Ресторанъ», — сказалъ старшій съ восторгомъ. «Мотри, ресторанъ», — сказалъ младшій, напирая. «Самъ вижу», — огрызнулся старшій. «Это ресторанъ», — сказалъ младшій убѣжденно. «А ты, дуракъ, заткнись», — проговорилъ {210} старшій. «Это еще не Линденъ?» — заволновалась мать. «Это еще Почтамеръ», — вѣско сказалъ отецъ. «Почтамеръ уже проѣхали», — закричали мальчики, и вспыхнулъ короткій споръ. «Арка, во классъ!» — восхитился старшій, тыча въ стекло пальцемъ. «Не ори такъ», — замѣтилъ отецъ. «Чего?» «Говорю, не ори.» Тотъ обидѣлся: «Я, во-первыхъ, сказалъ тихо и вовсе не оралъ». «Арка», — съ почтеніемъ произнесъ младшій. Всѣ заглядѣлись на видъ Бранденбургскихъ воротъ. «Историческія мѣста», — сказалъ старшій мальчикъ. «Да, старинная арка», — подтвердилъ отецъ. «Какъ же онъ пролѣзетъ, — спросилъ старшій, тревожась за бока автобуса. — Ужина-то какая!» «Пролѣзъ», — прошепталъ младшій съ облегченіемъ. «Это Унтеръ, — всполошилась мать. — Надо вылазить!» «Унтеръ длинный-длинный, — сказалъ старшій мальчикъ. — Я на картѣ видѣлъ». «Это Президентъ страсе», — мечтательно проговорилъ младшій. «Заткнись, дуракъ! Это Унтеръ». Затѣмъ всѣ вмѣстѣ хоромъ: «Унтеръ длинный-длинный», и мужское соло: «Вѣкъ будемъ ѣхать...»

Тутъ Мартынъ вышелъ и, идя по направленію къ вокзалу, онъ со странной печалью вспомнилъ свое дѣтство, свое дѣтское волненіе, — такое же и совсѣмъ другое. Но это было только мгновенное сопоставленіе: оно пропѣло и замерло.

Сдавъ чемоданъ на храненіе и взявъ билетъ до Риги на вечерній поѣздъ, онъ усѣлся въ гулкомъ залѣ буфета, заказалъ аргусоподобную глазунью и въ послѣднемъ номерѣ «Зарубежнаго Дѣла», которое читалъ, пока ѣлъ, нашелъ между прочимъ ехиднѣйшую критику на бубновскую {211} «Каравеллу». Насытившись, онъ закурилъ и оглядѣлся. За сосѣднимъ столомъ сидѣла барышня, что-то писала и вытирала слезы, — а потомъ смутными и влажными глазами взглянула на него, прижавъ къ губамъ карандашъ, и, найдя нужное слово, продолжала быстро писать, держа карандашъ, какъ дѣти, почти у самого острія и напряженно скрючивъ палецъ. Открытое на груди черное пальто съ потрепанной заячьей шкуркой на воротѣ, янтарныя бусы, нѣжная бѣлизна шеи, платокъ, зажатый въ кулакѣ... Онъ расплатился и принялся ждать, когда она встанетъ, чтобы послѣдовать за ней; но, кончивъ писать, она облокотилась на столъ, глядя вверхъ и полуоткрывъ губы. Такъ она сидѣла долго, и гдѣ-то за стеклами уходили поѣзда, и Мартынъ, которому слѣдовало не опоздать въ консульство, рѣшилъ подождать еще пять минутъ, не больше. Пять минутъ прошло. «Я бы условился съ ней гдѣ-нибудь кофе выпить, — только это», — умоляюще подумалъ онъ и представилъ себѣ, какъ будетъ ей намекать на далекій путь, на опасность, и какъ она будетъ плакать. Прошла еще одна минута. «Хорошо, не надо», — сказалъ Мартынъ и, англійскимъ манеромъ перебросивъ черезъ плечо макинтошъ, направился къ выходу.

XLVII.

Быстро шелестѣлъ открытый таксомоторъ, пестрѣлъ кругомъ великолѣпный Тиргартенъ, и прекрасны были теплые, рыжіе оттѣнки листвы, — «унылая пора, очей очарованье»... Дальше въ воду канала глядѣлись пышные, {212} блеклые каштаны, а проѣзжая по мосту, Мартынъ отмѣтилъ, что у каменнаго льва Геракла отремонтированная часть хвоста все еще слишкомъ свѣтлая и вѣроятно не скоро приметъ матерую окраску всей группы: сколько еще лѣтъ, — десять, пятнадцать? Почему такъ трудно вообразить себя сорокалѣтнимъ человѣкомъ?

Въ Латвійскомъ консульствѣ, въ подвальномъ этажѣ, было оживленно и тѣсно. «Тукъ-тукъ», — стучалъ штемпель. Черезъ нѣсколько минутъ швейцарецъ Эдельвейсъ уже вышелъ оттуда и неподалеку, въ

мрачномъ особнякѣ, получилъ, по дешевой цѣнѣ, литовскую проѣздную визу.

Теперь можно было отправиться къ Дарвину. Гостиница находилась противъ Зоологическаго сада. «Онъ уже ушелъ, — отвѣтилъ человѣкъ въ конторѣ. — Нѣтъ, я не знаю, когда онъ вернется».

«Какъ досадно, — подумалъ Мартынъ, выходя опять на улицу. — Надо было ему указать точную дату, а не просто «на-дняхъ». Промахъ, промахъ... Какъ это досадно». Онъ посмотрѣлъ на часы. Половина двѣнадцатаго. Паспортъ былъ въ порядкѣ, билетъ купленъ. День, который намѣчался столь нагруженнымъ всякими дѣлами, вдругъ оказался пустымъ. Что дѣлать дальше? Пойти въ Зоологическій садъ? Написать матери? Нѣтъ, это потомъ.

И пока онъ такъ размышлялъ, все время въ глубинѣ сознанія происходила глухая работа. Онъ противился ей, старался ее не замѣчать, ибо твердо рѣшилъ еще во Франціи, что больше Соню не увидитъ никогда. Но берлинскій воздухъ былъ Соней насыщенъ, — вонь тамъ, въ Зоологическомъ {213} саду, они вмѣстѣ глазѣли на румяно-золотого китайскаго фазана, на чудесныя ноздри гиппопотама, на желтую собаку Динго, такъ высоко прыгавшую. «Она сейчасъ на службѣ, — подумалъ Мартынъ, — а къ Зилановымъ все-таки нужно зайти...»

Поплылъ, разматываясь, Курфюрстендамъ. Автомобили обгоняли трамвай, трамвай обгонялъ велосипеды; потомъ мостъ, дымъ поѣздовъ далеко внизу, тысяча рельсъ, загадочно-голубое небо; поворотъ и осенняя прелесть Груневальда.

И дверь ему открыла именно Соня. Она была въ черной вязаной кофточкѣ, слегка растрепанная, тусклые раскосые глаза казались заспанными, на блѣдныхъ щекахъ были знакомыя ямки. «Кого я вижу?» — протянула она и низко-низко поклонилась, болтая опущенными руками. «Ну, здравствуй, здравствуй», — сказала она, разогнувшись, и одна черная прядь дугой легла по виску. Она отмахнула ее движеніемъ указательнаго пальца. «Пойдемъ», — сказала она и пошла впередъ по коридору, мягко топая ночными туфлями. «Я боялся, что ты на службѣ», — проговорилъ Мартынъ, стараясь не смотрѣть на ея прелестный затылокъ. «Голова болитъ», — сказала она, не оглядываясь и, тихонько крикнувъ, подняла на ходу половую тряпку и бросила ее на сундукъ. Вошли въ гостиную. «Присаживайся и все говори», — сказала она, плюхнулась въ кресло, тутъ же привстала, подобрала подъ себя ногу и усѣлась опять.

Въ гостиной все было то же, темный Беклинъ на стѣнѣ, потрепанный плюшъ, какія-то вѣчныя блѣдно-листья растенія въ вазѣ, удручаю-

шая люстра въ видѣ плывущей {214} хвостатой женщины, съ бюстомъ и головой баварки и съ оленьими рогами, растущими отовсюду.

«Я, собственно говоря, пріѣхалъ сегодня, — сказалъ Мартынъ и сталъ закуривать. — Я буду здѣсь работать. То-есть, собственно говоря, не здѣсь, а въ окрестностяхъ. Это фабрика, и я, значитъ, какъ простой рабочій». «Да ну», — протянула Соня и добавила, замѣтивъ его ищущій взглядъ: «Ничего, брось прямо на полъ». «И вотъ какая забавная вещь, — продолжалъ Мартынъ. — Я, видишь-ли, собственно, не хочу, чтобы моя мать знала, что я работаю на фабрику. Такъ что, если она случайно Ольгѣ Павловнѣ напишетъ, — она, знаешь, иногда любитъ такимъ окружнымъ путемъ узнать, здоровъ ли я и такъ далѣе, — вотъ, понимаешь, тогда нужно отвѣтить, что часто у васъ бываю. Я, конечно, буду очень, очень рѣдко бывать, некогда будетъ».

«Ты подурнѣлъ, — задумчиво сказала Соня. — Огрубѣлъ какъ-то. Это, можетъ быть, отъ загара».

«Скитался по всему югу Франціи, — сипло проговорилъ Мартынъ, ударомъ пальца стряхивая пепелъ. — Батрачилъ на фермахъ, бродяжничалъ, а по воскресеньямъ одѣвался бариномъ и ѣздилъ кутить въ Монте-Карло. Очень интересная вещь — рулетка. А ты что подѣлываешь? Всѣ у васъ здоровы?»

«Предки здоровы, — сказала со вздохомъ Соня, — а вотъ съ Ириной прямо бѣда. Это крестъ какой-то... Ну и съ деньгами полный мракъ. Папа говоритъ, что нужно переѣхать въ Парижъ. Ты въ Парижѣ тоже былъ?»

«Да, проѣздомъ, — небрежно отвѣтилъ Мартынъ (день въ Парижѣ много лѣтъ тому назадъ, по пути изъ Біаррица {215} въ Берлинъ, дѣти съ обручами въ Тюильрійскомъ саду, игрушечные парусники на водѣ бассейна, старикъ, кормящій воробьевъ, серебристая сквозная башня, склепъ Наполеона, гдѣ колонны похожи на витые сюкръ д'оржъ...). — Да, проѣздомъ. А знаешь, между прочимъ, какая новость, — Дарвинъ здѣсь».

Соня улыбку и заморгала. «Ахъ, приведи его! Приведи его непременно, это безумно интересно».

«Я его еще не видалъ. Онъ здѣсь по дѣламъ Морнингъ Ньюса. Его, знаешь, посылали въ Америку, настоящимъ сталъ журналистомъ. А главное, — у него есть въ Англии невѣста, и онъ весной женится».

«Да вѣдь это восхитительно, — тихо проговорила Соня. — Все, какъ по писаному. Я такъ ясно представляю ее, — высокая, глаза, какъ тарелки, а мать вѣроятно очень на нее похожа, только суше и краснѣе. Бѣдный Дарвинъ!»

«Чепуха, — сказалъ Мартынъ, — я увѣренъ, что она очень хорошенькая и умная».

«Ну, еще что-нибудь расскажи», — попросила Соня послѣ молчанія. Мартынъ пожалъ плечами. Какъ онъ поступилъ опрометчиво, пустивъ въ оборотъ сразу весь свой разговорный запасъ. Ему казалось дико, что вотъ, передъ нимъ, въ двухъ шагахъ отъ него, сидитъ Соня, и онъ не смѣетъ ничего ей сказать важнаго, не смѣетъ намекнуть на послѣднее ея письмо, не смѣетъ спросить, выходитъ ли она за Бубнова замужъ, — ничего не смѣетъ. Онъ попытался вообразить, какъ будетъ вотъ тутъ, въ этой комнатѣ сидѣть послѣ возвращенія, какъ она будетъ слушать его, — и неужели онъ, какъ сейчасъ, все выпалить разомъ, неужели Соня такъ же, какъ сейчасъ, будетъ {216} сквозь шелкъ почесывать голень и глядѣть мимо него на вещи, ему неизвѣстныя? Онъ подумалъ, что вѣроятно пришелъ некстати, что быть можетъ она ждетъ кого-нибудь, и что съ нимъ ей тягостно. Но уйти онъ не могъ, какъ не могъ придумать ничего занимательнаго, и Соня своимъ молчаніемъ какъ бы нарочно старалась довести его до крайности, — вотъ онъ совсѣмъ потеряется и выболтаетъ все, — и про экспедицію, и про любовь, и про все то сокровенное, заповѣдное, чѣмъ связаны были между собой эта экспедиція и его любовь, и «унылая пора, очей очарованье».

Стукнула дверь въ прихожей, раздались шаги, и въ гостиную вошелъ съ портфелемъ подмышкой Зилановъ. «А, очень радъ, — сказалъ онъ. — Какъ поживаетъ ваша матушка?» Погодя появилась изъ другой двери Ольга Павловна и задала тотъ же вопросъ. «Откушайте съ нами», — сказала она. Перешли въ столовую. Ирина, войдя, застыла, и вдругъ кинулась къ Мартыну и принялась его цѣловать мокрыми губами. «Ира, Ирочка», — съ виноватой улыбкой приговаривала ея мать. На большомъ блюдѣ были маленькія черныя котлетки. Зилановъ развернулъ селфетку и заложилъ уголь за воротникъ.

За обѣдомъ Мартынъ показалъ Иринѣ, какъ нужно скрестить третій и второй палецъ, чтобы, касаясь ими хлѣбнаго шарика, осязать не одинъ шарикъ, а два. Она долго не могла приладить руку, но, когда, наконецъ, съ помощью Мартына, шарикъ подъ ея пальцами волшебю раздвоился, Ирина заворковала отъ восторга. Какъ обезьянка, которая, видя свое отраженіе въ осколкѣ зеркала, подглядываетъ снизу, нѣтъ ли тамъ другой обезьянки, она {217} все пригибала голову, думая, что и впрямь подъ пальцами два катыша; когда же Соня послѣ обѣда повела Мартына къ телефону, находившемуся за угломъ коридора, возлѣ кухни, Ирина со стономъ кинулась за ними, боясь, что Мартынъ совсѣмъ уходитъ, а убѣдившись, что это не такъ, вернулась въ столовую и полѣзла подъ столъ отыскивать закатившійся шарикъ. «Я хочу, собственно

говоря, позвонить Дарвину, — сказалъ Мартынъ. — Нужно посмотрѣть въ книжкѣ, какъ номеръ гостиницы». У Сони озарилось лицо, она сказала, захлебываясь: «Ахъ, дай мнѣ, я сама, я съ нимъ поговорю, это будетъ восхитительно. Я, знаешь, его хорошенько заинтригую». «Нѣтъ, не надо, зачѣмъ же», — отвѣтилъ Мартынъ. «Ну, тогда я только соединю. Вѣдь соединить можно? Какъ номеръ?» Она наклонилась надъ телефоннымъ фоліантомъ, въ который онъ глядѣлъ, и пахнуло тепломъ отъ ея головы; на щекѣ, подъ самымъ глазомъ, была блудная рѣсничка. Вполголоса скороговоркой повторяя номеръ, чтобы его не забыть, она сѣла на сундукъ и сняла трубку. «Только соединить, помни», — строго замѣтилъ Мартынъ. Соня со старательной ясностью сказала номеръ и принялась ждать, бѣгая глазами и мягко стуча пятками о стѣнку сундука. Потомъ она улыбнулась, прижавъ еще плотнѣе трубку къ уху, и Мартынъ протянулъ руку, но Соня ее оттолкнула плечомъ, и вся сгорбилась, звонко прося Дарвина къ телефону. «Дай мнѣ трубку, — сказалъ Мартынъ. — Это нечестно». Соня еще больше собралась. «Я разъединю», — сказалъ Мартынъ. Она сдѣлала рѣзкое движеніе, чтобы защитить рычажокъ, и въ это же мгновеніе настороженно подняла брови. «Нѣтъ, спасибо, ничего», — сказала {218} она и повѣсила трубку. «Дома нѣтъ, — обратилась она къ Мартыну, глядя на него исподлобья. — Можешь быть спокоенъ, я больше не позвоню. А ты какой былъ невѣжа, такой и остался». «Соня», — протянулъ Мартынъ. Она соскользнула съ сундука, надѣла, шаркая, свалившуюся туфлю и пошла въ столовую. Тамъ убирала со стола, Елена Павловна говорила что-то Иринѣ, которая отъ нея отворачивалась. «Я васъ еще увижу?» — спросилъ Зилановъ. «Да я не знаю, — сказалъ Мартынъ. — Мнѣ уже, пожалуй, нужно итти». «На всякій случай я съ вами попрощаюсь», — проговорилъ Зилановъ и ушелъ работать къ себѣ въ спальню...

«Не забывайте насъ», — сказали Ольга и Елена Павловны вмѣстѣ и, улыбнувшись, тронули другъ дружку за рукава черныхъ платьевъ. Мартынъ поклонился. Ирина приложила руку къ груди и вдругъ бросилась къ нему и вцѣпилась въ отвороты его пиджака. Онъ смутился, попробовалъ осторожно разжать ея пальцы; но она держала его крѣпко, а когда мать взяла ее сзади за плечи, Ирина въ голосъ зарыдала. Мартынъ невольно поморщился, глядя на ужасное выраженіе ея лица, на красную сыпь между бровями. Рѣзкимъ, чуть грубымъ движеніемъ онъ оторвалъ ея пальцы. Ее увлекли въ другую комнату, ея грудной ревъ удалился, замеръ. «Вѣчныя исторіи», — сказала Соня, провожая Мартина въ прихожую. Мартынъ надѣлъ макинтошъ, — макинтошъ былъ сложный, и для устройства пояска требовалось нѣкоторое время. «Заходи какъ-нибудь вечеркомъ», — сказала Соня, глядя на его манипу-

ляціи и держа руки въ переднихъ карманчикахъ черной своей кофточкѣ. Мартынъ хмуро покачалъ головой. {219} «Собираемся и танцуемъ», — сказала Соня и тѣсно сложивъ ноги, двинула носками, потомъ пятками, опять носками, опять пятками, чуть подвигаясь вбокъ. «Ну вотъ, — промолвилъ Мартынъ, хлопая себя по карманамъ. — Пакетовъ у меня, кажется, не было». «Помнишь?» — спросила Соня и тихо засвистала мотивъ лондонскаго фокстрота. Мартынъ прочистилъ горло. «Мнѣ не нравится твоя шляпа, — замѣтила она. — Теперь такъ не носятъ». «Прощай», — сказалъ Мартынъ и очень ловко сгребъ Соню, толкнулся губами въ ея оскаленные зубы, въ щеку, въ нѣжное мѣсто за ухомъ, отпустилъ ее (при чемъ она попятилась и чуть не упала) и быстро ушелъ, невольно хлопнувъ дверью.

XLVIII.

Онъ замѣтилъ, что улыбается, что запыхался, что сильно бьется сердце. «Ну вотъ, ну вотъ», — сказалъ онъ вполголоса и размашистымъ шагомъ пошелъ по панели, словно куда-то спѣшилъ. Спѣшить же было некуда. Отсутствіе Дарвина путало его расчеты; межъ тѣмъ до отхода поѣзда оставалось еще нѣсколько часовъ. Возвратившись пѣшкомъ по Курфюрстендаму, онъ со смутной грустью смотрѣлъ на знакомыя подробности Берлина; вотъ суровая церковь на перекресткѣ, такая одинокая среди языческихъ кинематографовъ. Вотъ Тауэнціенская, гдѣ пѣшеходы почему то избѣгаютъ проложеннаго посрединѣ бульвара, предпочитая тѣсно течь вдоль витринъ. Вотъ слѣпецъ, продающій свѣтъ, — протягивающій въ вѣчную тьму вѣчный коробокъ спичекъ; лотки съ верескомъ и астрами, {220} лотки съ бананами и яблоками; человѣкъ въ рыжемъ пальто, стоящій на сидѣніи стараго автомобиля и вѣеромъ держащій плитки безымяннаго шоколада, о волшебномъ качествѣ котораго онъ рѣчисто рассказываетъ кучкѣ зѣвакѣ. Мартынъ завернулъ за уголъ, зашелъ въ русскій магазинъ купить книжку. Учительный полный господинъ, нѣсколько похожій на черепаху, выложилъ на прилавокъ то, что зовется «новинки». Ничего не найдя, Мартынъ купилъ «Панчъ» и опять оказался на улицѣ. Тутъ онъ съ чувствомъ неудовлетворенности вдругъ вспомнилъ скудный зилановскій обѣдъ. Расчитавъ, что изъ ресторана умѣстно будетъ еще разъ позвонить Дарвину, онъ направился въ «Пиръ Горой», гдѣ въ прошломъ году столовался. Изъ гостиницы ему отвѣтили, что Дарвинъ еще не вернулся. «Двадцать пфенниговъ съ васъ, — сказала напудренная дама за прилавкомъ. — Мерси».

Хозяиномъ ресторана являлся тотъ самый художникъ Данилевскій, который бывалъ въ Адреизѣ, — небольшого роста, пожилой уже человѣкъ, въ стоячемъ воротникѣ, съ румянымъ дѣтскимъ лицомъ и русой бородавкой подъ глазомъ. Онъ подошелъ къ столику Мартына и застѣнчиво спросилъ: «Бабарцокъ вкусный?» — (онъ испытывалъ странное тяготѣніе какъ разъ къ тѣмъ звукамъ, которые ему трудно давались). «Очень», — отвѣтилъ Мартынъ и, — какъ всегда, съ чувствомъ щемящей нѣжности, — увидѣлъ Данилевскаго на фонѣ крымской ночи.

Тотъ сѣлъ бокомъ къ столу, поощрительно глядя, какъ Мартынъ хлебаетъ супъ. «Я вамъ говорилъ, что по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ они-бы, они-бы, они безвыѣздно живутъ въ усадьбѣ, — удивительно...» {221}

(«Неужели ихъ не трогаютъ? — подумалъ Мартынъ. — Неужели все осталось попрежнему, — эти, напримѣръ, сушенныя маленькія груши на крышѣ веранды?»).

«Могикане», — задумчиво сказалъ Данилевскій.

Въ зальцѣ было пустовато. Плюшевые диванчики, печка съ колѣнчатой трубой, газеты на дровкахъ.

«Все это измѣнится къ лучшему. Знаете, я-бы бабами, большими бабами, хотѣлъ расписать стѣны, если-бы это не было такъ грустно. Одежды — прямо пожары, но блѣдныя лица съ глазами лошадей. Такъ у меня выходитъ, по крайней мѣрѣ. Япъ, япъ, пробовалъ. Или можно тутъ, а внизу, а внизу — опушку. Помѣщеніе мы расширимъ, тутъ, тутъ и тамъ все снимемъ, я вчера вызвалъ мастера, но онъ почему-то не пришелъ».

«Много бываетъ народу?» — спросилъ Мартынъ.

«Обыкновенно — да. Сейчасъ не обѣденный часъ, не судите. Но вообще... И хорошо представлена литературная братья. Ракитинъ, напримѣръ, ну, знаете, журналистъ, всегда въ гетрахъ, большой про никёръ... А на дняхъ, бу, а на-дняхъ, бу, Сережа Бубновъ, буй, буй, — неистовствовалъ, билъ посуду, у него запой, любовное несчастье, нехорошо, — а вѣдь это же жениховствомъ папахло».

Данилевскій вздохнулъ, постукалъ пальцами по столу и, медленно вставъ, ушелъ на кухню. Онъ опять появился, когда Мартынъ снималъ свою шляпу съ вѣшалки. «Завтра шашлыкъ, — сказалъ Данилевскій, — ждемъ васъ», — и у Мартына мелькнуло желаніе сказать что-нибудь очень хорошее этому милому, грустному, такъ мелодично заикающемуся человѣку; но что, собственно, можно было сказать? {222}

XLIX.

Пройдя черезъ мощный дворъ, гдѣ посрединѣ, на газонѣ, стояла безноса я статуя и росло нѣсколько туй, онъ толкнулъ знакомую дверь, поднялся по лѣстницѣ, отзывавшей капустой и кошками, и позвонилъ. Ему открылъ молодой нѣмецъ, одинъ изъ жильцовъ, и, предупредивъ, что Бубновъ боленъ, постучалъ на ходу къ нему въ дверь. Голосъ Бубнова хрипло и уныло завопилъ: «Херайнъ».

Бубновъ сидѣлъ на постели, въ черныхъ штанахъ, въ открытой сорочкѣ, лицо у него было опухшее и небритое, съ багровыми вѣками. На постели, на полу, на столѣ, гдѣ мутной желтизной сквозилъ стаканъ чаю, валялись листы бумаги. Оказалось, что Бубновъ одновременно заканчиваетъ новеллу и пытается составить по-нѣмецки внушительное письмо Финансовому Вѣдомству, требующему отъ него уплаты налога. Онъ не былъ пьянъ, однако и трезвымъ его тоже нельзя было назвать. Жажда повидимому у него прошла, но все въ немъ было искривлено, расшатано ураганомъ, мысли блуждали, отыскивали свои жилища, и находили развалины. Не удивившись вовсе появленію Мартына, котораго онъ не видѣлъ съ весны, Бубновъ принялся разносить какого-то критика, — словно Мартынъ былъ отвѣтствененъ за статью этого критика. «Травятъ меня», — злобно говорилъ Бубновъ, и лицо его съ глубокими глазными впадинами было при этомъ довольно жутко. Онъ былъ склоненъ считать, что всякая бранная рецензія на {223} его книги подсказана побочными причинами, — завистью, личной неприязнью или желаніемъ отомстить за обиду. И теперь, слушая его довольно безсвязную рѣчь о литературныхъ интригахъ, Мартынъ дивился, что человѣкъ можетъ такъ болѣть чужимъ мнѣніемъ, и его подмывало сказать Бубнову, что его рассказъ о Зоорландіи — неудачный, фальшивый, никуда негодный рассказъ. Когда же Бубновъ, безъ всякой связи съ предыдущимъ, вдругъ заговорилъ о сердечной своей бѣдѣ, Мартынъ проклялъ дурное любопытство, заставившее его сюда придти. «Имени ея не назову, не спрашивай, — говорилъ Бубновъ, переходившій на ты съ актерской легкостью, — но помни, изъ-за нея еще не одинъ погибнетъ. А какъ я любилъ ее... Какъ я былъ счастливъ. Огромное чувство, когда, знаешь, гремятъ ангелы. Но она испугалась моихъ горнихъ высотъ...»

Мартынъ посидѣлъ еще немного, почувствовалъ наплывъ невозможной тоски и молча поднялся. Бубновъ, всхлипывая, проводилъ его до двери. Черезъ нѣсколько дней (уже въ Латвіи) Мартынъ нашелъ въ русской газетѣ новую бубновскую «новеллу», на сей разъ превосходную, и тамъ у героя-нѣмца былъ Мартыновъ галстукъ, блѣдно-сѣрый въ розовую полоску, который Бубновъ, казавшійся столь поглощеннымъ

горемъ, укралъ, какъ очень ловкій воръ, одной рукой вынимающій у человѣка часы, пока другою вытираетъ слезы.

Зайдя въ писчебумажную лавку, Мартынъ купилъ полдюжины открытокъ и наполнилъ свое обмелѣвшее автоматическое перо, послѣ чего направился въ гостиницу Дарвина, рѣшивъ тамъ прождать до послѣдняго возможнаго срока, и уже прямо оттуда ѣхать на вокзалъ. Было {224} около пяти, небо затуманилось, — бѣлесое, невеселое. Глуше, чѣмъ утромъ, звучали автомобильные рожки. Проѣхалъ открытый фургонъ, запряженный парой тощихъ лошадей, и тамъ громоздилась цѣлая обстановка, — кушетка, комодъ, море въ золоченой рамѣ и еще много всякой другой грустной рухляди. Черезъ пятнистый отъ сырости асфальтъ прошла женщина въ траурѣ, катя колясочку, въ которой сидѣлъ синеглазый внимательный младенецъ и, докативъ колясочку до панели, она нажала и вздыбила ее. Пробѣжалъ пудель, догоняя черную левретку; та боязливо оглянулась, дрожа и поднявъ согнутую переднюю лапу. «Что это въ самомъ дѣлѣ, — подумалъ Мартынъ. — Что мнѣ до всего этого? Вѣдь я же вернусь. Я долженъ вернуться». Онъ вошелъ въ холл гостиницы. Оказалось, что Дарвина еще нѣтъ.

Тогда онъ выбралъ въ холлѣ удобное кожаное кресло и, отвинтивъ колпачекъ съ пера, принялся писать матери. Пространство на открыткѣ было ограниченное, почеркъ у него былъ крупный, такъ что вмѣстилось немного. «Все благополучно, — писалъ онъ, сильно нажимая на перо. — Остановился на старомъ мѣстѣ, адресуй туда же. Надѣюсь, дядинъ флюсъ лучше. Дарвина я еще не видалъ. Зилановы передаютъ привѣтъ. Напишу опять не раньше недѣли, такъ какъ ровно не о чемъ. Many kisses». Все это онъ перечелъ дважды, и почему то сжалось сердце, и прошелъ по спинѣ холодъ. «Ну, пожалуйста, безъ глупостей», — сказалъ себѣ Мартынъ и, опять сильно нажимая, написалъ маіоршѣ съ просьбой сохранять для него письма. Опустивъ открытки, онъ вернулся, откинулся въ креслѣ и сталъ ждать, поглядывая на стѣнные часы. Прошло четверть {225} часа, двадцать минутъ, двадцать пять. По лѣстницѣ поднялись двѣ мулатки съ необыкновенно худыми ногами. Вдругъ онъ услышалъ за спиной мощное дыханіе, которое тотчасъ узналъ. Онъ вскочилъ, и Дарвинъ огрѣлъ его по плечу, издавая гортанныя восклицанія. «Негодяй, негодяй, — радостно забормоталъ Мартынъ, — я тебя ищу съ утра».

Л.

Дарвинъ какъ будто слегка пополнѣлъ, волосы порѣдѣли, онъ отпустилъ усы, — свѣтлые, подстриженные, вродѣ новой зубной щетки. И онъ и Мартынъ были почему-то смущены, и не знали, о чемъ говорить, и все трепали другъ друга, посмѣваясь и урча. «Что же ты будешь пить, — спросилъ Дарвинъ, когда они вошли въ тѣсный, но нарядный номеръ, — виски и соду? коктэйль? или просто чай?» «Все равно, все равно, что хочешь», — отвѣтилъ Мартынъ и взялъ со столика большой снимокъ въ дорогой рамѣ. «Она», — лаконично замѣтилъ Дарвинъ. Это былъ портретъ молодой женщины съ діадемой на лбу. Сросшіяся на переносицѣ брови, свѣтлые глаза и лебединая шея, — все было очень отчетливо и властно. «Ее зовутъ Ивлинъ, она, знаешь, недурно поетъ, я увѣренъ, что ты бы очень съ ней подружился», — и, отобравъ портретъ, Дарвинъ еще разъ мечтательно на него посмотрѣлъ, прежде, чѣмъ поставить на мѣсто. «Ну-съ, — сказалъ онъ, повалившись на диванъ и сразу вытянувъ ноги, — какія новости?»

Вошелъ слуга съ коктэйлями. Мартынъ безъ удовольствія {226} глотнулъ пряную жидкость и вкратцѣ рассказалъ, какъ онъ прожилъ эти два года. Его удивило, что, какъ только онъ замолкъ, Дарвинъ заговорилъ о себѣ, подробно и самодовольно, чего прежде никогда не случилось. Какъ странно было слышать изъ его лѣнивыхъ цѣломудренныхъ устъ рѣчь объ успѣхахъ, о заработкахъ, о прекрасныхъ надеждахъ на будущее, — и оказывается писалъ онъ теперь не прежнія очаровательныя вещи о півкахъ и закатахъ, а статьи по экономическимъ и государственнымъ вопросамъ, и особенно его интересовалъ какой-то мораторіумъ. Когда же Мартынъ, во время неожиданной паузы, напомнилъ ему о давнемъ, смѣшномъ, кембриджскомъ, — о горячей колесницѣ, о Розѣ, о дракѣ, — Дарвинъ равнодушно проговорилъ: «Да, хорошія были времена», — и Мартынъ съ ужасомъ отмѣтилъ, что воспоминаніе у Дарвина умерло или отсутствуетъ, и осталась одна выцвѣтшая вывѣска.

«А что подѣлываетъ Вадимъ?» — сонно спросилъ Дарвинъ.

«Вадимъ въ Брюсселѣ, — отвѣтилъ Мартынъ, — кажется, служитъ. А вотъ Зилановы тутъ, я часто выдаюсь съ Соней. Она все еще не вышла замужъ».

Дарвинъ выпустилъ огромный клубъ дыма. «Привѣтъ ей, привѣтъ, — сказалъ онъ. — А вотъ ты... Да, жалко, что ты все какъ-то треплешься. Вотъ я тебя завтра кое-съ-къмъ познакомлю, я увѣренъ, что тебѣ понравится газетное дѣло».

Мартынъ кашлянулъ. Настало время заговорить о самомъ важномъ, — о чемъ онъ еще недавно такъ мечталъ съ Дарвиномъ поговорить. {227}

«Спасибо, — сказалъ онъ, — но это невозможно, — я черезъ часъ уѣзжаю изъ Берлина».

Дарвинъ слегка привсталъ: «Вотъ-те на. Куда же?»

«Сейчасъ узнаешь. Сейчасъ я тебѣ расскажу вещи, которыхъ не знаетъ никто. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, — да, нѣсколько лѣтъ, — но это неважно...»

Онъ запнулся. Дарвинъ вздохнулъ и сказалъ: «Я уже понялъ. Буду шаферомъ».

«Не надо, прошу тебя. Вѣдь я же серьезно. Я, знаешь-ли, специально сегодня добивался тебя, чтобы поговорить. Дѣло въ томъ, что я собираюсь нелегально перейти изъ Латвіи въ Россію, — да, на двадцать четыре часа, — и затѣмъ обратно. А ты мнѣ нуженъ вотъ почему, — я дамъ тебѣ четыре открытки, будешь посылать ихъ моей матери по одной въ недѣлю, — скажемъ, каждый четвергъ. Вѣроятно я вернусь раньше, — я не могу сказать напередъ, сколько мнѣ потребуется времени, чтобы сначала обслѣдовать мѣстность, выбрать маршрутъ и такъ далѣе... Правда, я уже получилъ очень важныя свѣдѣнія отъ одного человѣка. Но кромѣ всего можетъ случиться, что я застряну, не сразу выберусь. Она, конечно, ничего не должна знать, должна аккуратно получать письма. Я далъ ей мой старый адресъ, — это очень просто».

Молчаніе.

«Да, конечно, это очень просто», — проговорилъ Дарвинъ.

Опять молчаніе.

«Я только несовсѣмъ понимаю, зачѣмъ это все».

«Подумай и поймешь», — сказалъ Мартынъ.

«Заговоръ противъ добрыхъ старыхъ совѣтовъ? Хочешь {228} кого-нибудь повидать? Что-нибудь передать, устроить? Признаюсь, я въ дѣтствѣ любилъ этихъ мрачныхъ бородачей, бросающихъ бомбы въ тройку жестокаго намѣстника».

Мартынъ хмуро покачалъ головой.

«А если ты просто хочешь посѣтить страну твоихъ отцовъ — хотя твой отецъ былъ швейцарецъ, неправда-ли? — но если ты такъ хочешь ее посѣтить, не проще ли взять визу и переѣхать границу въ поѣздѣ? Не хочешь? Ты полагаешь, можетъ быть, что швейцарцу послѣ того убійства въ женевскомъ кафе не дадутъ визы? Изволь, — я достану тебѣ британскій паспортъ».

«Ты все не то говоришь, — сказалъ Мартынъ. — Я думалъ, ты все сразу поймешь».

Дарвинъ закинулъ руки за голову. Онъ все не могъ рѣшить, морочить ли его Мартынъ или нѣтъ, — и, если не морочить, то какія именно соображенія толкаютъ его на это вздорное предпріятіе. Онъ попытѣлъ трубкой и сказалъ:

«Если, наконецъ, тебѣ нравится одинъ только голый рискъ, то незачѣмъ ѣздить такъ далеко. Давай, сейчасъ придумаемъ что-нибудь необыкновенное, что можно сейчасъ же исполнить, не выходя изъ комнаты. А потомъ поужинаемъ и поѣдемъ въ мюзикъ-холль».

Мартынъ молчалъ, и лицо его было грустно. «Что за ерунда, — подумалъ Дарвинъ. — Тутъ есть что-то странное. Спокойно сидѣлъ въ Кембриджѣ, пока была у нихъ гражданская война, а теперь хочеть получить пулю въ лобъ за шпіонажъ. Морочить ли онъ меня или нѣтъ? Какіе дурацкіе разговоры...» {229}

Мартынъ вдругъ вздрогнулъ, взглянулъ на часы и всталъ.

«Послушай, будетъ тебѣ валять дурака, — сказалъ Дарвинъ, сильно дымя трубкой. — Это, наконецъ, просто невѣжливо съ твоей стороны. Я тебя не видѣлъ два года. Или расскажи мнѣ все толкомъ, или же признайся, что шутилъ, — и будемъ говорить о другомъ».

«Я тебѣ все сказалъ, — отвѣтилъ Мартынъ. — Все. И мнѣ теперь пора».

Онъ неспѣша надѣлъ макинтошъ, поднялъ шляпу, упавшую на полъ. Дарвинъ, спокойно лежавшій на диванѣ, зѣвнулъ и отвернулся къ стѣнѣ. «Прощай», — сказалъ Мартынъ, но Дарвинъ промолчалъ. «Прощай», — повторилъ Мартынъ. «Глупости, онъ не уйдетъ», — подумалъ Дарвинъ и зѣвнулъ опять, плотно прикрывъ глаза. «Не уйдетъ», — снова подумалъ онъ и сонно подобралъ одну ногу. Нѣкоторое время длилось забавное молчаніе. Погодя, Дарвинъ тихо засмѣялся и повернулъ голову. Но въ комнатѣ никого не было. Казалось даже непонятнымъ, какъ это Мартыну удалось такъ тихо выйти. У Дарвина мелькнула мысль, не спрятался ли Мартынъ. Онъ полежалъ еще нѣсколько минутъ, потомъ, осторожно оглядывая уже полутемную комнату, спустилъ ноги и выпрямился. «Ну, довольно, выходи», — сказалъ онъ, услышавъ легкій шорохъ между шкапомъ и дверью, гдѣ была ниша для чемодановъ. Никто не вышелъ. Дарвинъ подошелъ и глянулъ въ уголъ. Никого. Только большой кусокъ оберточной бумаги, оставшійся отъ вчерашней покупки. Онъ включилъ свѣтъ, задумался, потомъ открылъ дверь въ коридоръ. Въ коридорѣ было тихо, свѣтло и пусто. «Ну его {230} къ чорту», — сказалъ онъ и опять задумался, но вдругъ встряхнулся и дѣловито началъ переодѣваться къ ужину.

На душѣ у него было безпокойно, а это съ нимъ бывало послѣднее время не часто. Появленіе Мартына не только взволновало его, какъ

нѣжный отголосокъ университетскихъ дней, — оно еще было необычайно само по себѣ, — все въ Мартынѣ было необычайно, — этотъ грубоватый загаръ, и словно запыхавшійся голосъ, и какое-то новое, надменное выраженіе глазъ, и странныя темныя рѣчи. Но Дарвину, послѣднее время жившему такой твердой, основательной жизнью, такъ мало волновавшемуся (даже тогда, когда объяснялся въ любви), такъ освоившемуся съ мыслью, что, послѣ тревогъ и забавъ молодости, онъ вышелъ на гладко мощеную дорогу, — удалось справиться съ необычайнымъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ Мартыномъ, увѣрить себя, что все это была не очень умная шутка, и что, пожалуй еще нынче, Мартынъ появится опять. Онъ уже былъ въ смокингѣ и разглядывалъ въ зеркалѣ свою мощную фигуру и большое носатое лицо, какъ вдругъ позвонилъ телефонъ на ночномъ столикѣ. Онъ несразу узналъ далекій, уменьшенный разстояніемъ голосъ, зазвучавшій въ трубкѣ, ибо какъ-то такъ случилось, что онъ никогда не говорилъ съ Мартыномъ по телефону. «Напоминаю тебѣ мою просьбу, — мутно сказалъ голосъ. — Я пришлю тебѣ письма на-дняхъ, пересылай ихъ по одному. Сейчасъ уходитъ мой поѣздъ. Я говорю: поѣздъ. Да-да, — мой поѣздъ...»

Голосъ пропалъ. Дарвинъ со звономъ повѣсилъ трубку и нѣкоторое время почесывалъ щеку. Потомъ онъ быстро вышелъ и спустился внизъ. Тамъ онъ потребовалъ расписаніе {231} поѣздовъ. Да, — совершенно правильно. Что за чертовщина...

Въ этотъ вечеръ онъ никуда не пошелъ, все ждалъ чего-то, сѣлъ писать невѣстѣ, и не о чемъ было писать. Прошло нѣсколько дней. Въ среду онъ получилъ толстый конвертъ изъ Риги и въ немъ нашелъ четыре берлинскихъ открытки, адресованныхъ госпожѣ Эдельвейсѣ. На одной изъ нихъ онъ высмотрѣлъ вкрапленную въ русскій текстъ фразу по-англійски: «Я часто хожу съ Дарвиномъ въ мюзикъ-холли». Дарвину сдѣлалось не по себѣ. Въ четвергъ утромъ, съ непріятнымъ чувствомъ, что участвуетъ въ дурномъ дѣлѣ, онъ опустилъ первую по датѣ открытку въ синій почтовый ящикъ на углу. Прошла недѣля; онъ опустилъ и вторую. Затѣмъ онъ не выдержалъ и поѣхалъ въ Ригу, гдѣ посѣтилъ своего консула, адресный столъ, полицію, но не узналъ ничего. Мартынъ словно растворился въ воздухѣ. Дарвинъ вернулся въ Берлинъ и нехотя опустилъ третью открытку. Въ пятницу, въ издательство Зиланова зашелъ огромный человекъ иностраннаго вида, и Михаилъ Платоновичъ, всмотрѣвшись, узналъ въ немъ молодого англичанина, ухаживавшаго въ Лондонѣ за его дочерью. Ровнымъ голосомъ, по-нѣмецки, Дарвинъ изложилъ свой послѣдній разговоръ съ Мартыномъ и исторію съ пересылкой писемъ. «Да, позвольте, — сказалъ Зилановъ, — позвольте, тутъ что-то не то, — онъ говорилъ моей дочери, что будетъ

работать на фабрику подь Берлиномъ. Вы увѣрены, что онъ уѣхалъ? Что за странная исторія...» «Я сперва думалъ, что онъ шутить, — сказалъ Дарвинъ. — Но теперь я не знаю, что думать... Если онъ дѣйствительно —». «Какой, однако, сумасбродъ, — сказалъ Зилановъ. {232} — Кто бы могъ предположить. Юноша уравновешенный, солидный... Просто, вы знаете, не вѣрится, тутъ какой-то подвохъ... Вотъ что: прежде всего слѣдуетъ выяснитъ, не знаетъ ли чего-нибудь моя дочь. Поѣдемте ко мнѣ».

Соня, увидѣвъ отца и Дарвина и замѣтивъ что-то необычное въ ихъ лицахъ, подумала на сотую долю мгновения (бываютъ такіе мгновенные кошмары), что Дарвинъ пріѣхалъ дѣлать предложеніе. «Алло, алло, Соня», — воскликнулъ Дарвинъ съ очень дѣланной развязностью; Зилановъ же, тусклыми глазами глядя на дочь, попросилъ ее не пугаться и тутъ же, чуть ли не въ дверяхъ, все ей рассказалъ. Соня сдѣлалась бѣлой, какъ полотно, и опустилась на стулъ въ прихожей. «Но вѣдь это ужасно», — сказала она тихо. Она помолчала и затѣмъ легонько хлопнула себя по колѣнямъ. «Это ужасно», — повторила она еще тише. «Онъ тебѣ что-нибудь говорилъ? Ты въ курсѣ дѣла?» — спрашивалъ Зилановъ. Дарвинъ потиралъ щеку, и старался не смотрѣть на Соню, и чувствовалъ самое страшное, что можетъ чувствовать англичанинъ: желаніе заревѣть. «Конечно, я все знаю», — тонкимъ голосомъ кресчендо сказала Соня. Въ глубинѣ показалась Ольга Павловна, и мужъ сдѣлалъ ей знакъ рукой, чтобы она не мѣшала. «Что ты знаешь? Отвѣчай же толкомъ», — проговорилъ онъ и тронулъ Соню за плечо. Она вдругъ согнулась вдвое и зарыдала, упершись локтями въ колѣни и опустивъ на ладони лицо. Потомъ — разогнулась, громко всхлипнула, словно задохнувшись, переглотнула и вперемежку съ рыданіями закричала: «Его убьютъ, Боже мой, вѣдь его убьютъ...» «Возьми себя въ руки, — сказалъ Зилановъ. {233} — Не кричи. Я требую, чтобы ты спокойно, толково объяснила, о чемъ онъ тебѣ говорилъ. Оля, проведи этого господина куда-нибудь, — да въ гостиную же, — ахъ, пустяки, что монтеры... Соня, перестань кричать! Испугаешь Ирину, перестань, я требую...»

Онъ долго ее успокаивалъ, долго ее допрашивалъ. Дарвинъ сидѣлъ одинъ въ гостиной. Тамъ же монтеръ возился со штепселемъ, и электричество то гасло, то зажигалось опять.

«Дѣвочка, конечно, права, что требуетъ немедленныхъ мѣръ, — сказалъ Зилановъ, когда онъ вмѣстѣ съ Дарвиномъ, опять вышелъ на улицу. — Но что можно сдѣлать? И я не знаю, все ли это такъ романтически авантюрно, какъ ей кажется. Она сама всегда такъ настроена. Очень нервная натура. Я никакъ не могу понять, какъ молодой

человѣкъ, довольно далекій отъ русскихъ вопросовъ, скорѣе, знаете, иностранной складки, могъ оказаться способенъ на... на подвигъ, если хотите. Я, разумѣется, кое-съ-къмъ снесусь, придется, возможно, съѣздить въ Латвію, но дѣло довольно безнадежное, если онъ дѣйствительно попытался перейти... вы знаете, такъ странно, вѣдь я же, — да, я, — когда-то сообщалъ фрау Эдельвейсъ о смерти ея перваго мужа».

Прошло еще нѣсколько дней. Выяснилось только одно: нужно терпѣніе, нужно ждать. Дарвинъ отправился въ Швейцарію, — предупредить Софью Дмитриевну. Все было сѣро, шелъ мелкій дождь, когда онъ прибылъ въ Лозанну. Повыше въ горахъ пахло мокрымъ снѣгомъ, капало съ деревьевъ: ноябрь вдругъ отсырѣлъ послѣ первыхъ морозовъ. Наемный автомобиль быстро довезъ его до деревни, {234} скользнулъ шинами на поворотѣ и опрокинулся въ канаву. Шоферъ только расшибъ себѣ руку; Дарвинъ всталъ, нашелъ шляпу, стряхнулъ съ пальто мокрый снѣгъ и спросилъ у зѣвака, далеко ли до усадьбы Генриха Эдельвейса. Ему указали кратчайшій путь, — тропинкой черезъ еловый лѣсъ. Выйдя изъ лѣсу, онъ пересѣкъ проѣзжую дорогу и, пройдя по аллеѣ, увидѣлъ зелено-коричневый домъ. Передъ калиткой, на темной землѣ, остался послѣ его прохожденія глубокій слѣдъ отъ резиновыхъ узоровъ его подошвъ; этотъ слѣдъ медленно наполнился мутной водой, а калитка, которую Дарвинъ неплотно прикрылъ, черезъ нѣкоторое время скрипнула отъ порыва влажнаго вѣтра и открылась, сильно качнувшись. Погода на нее сѣла синица, поговорила, поговорила, а потомъ перелетѣла на еловую вѣтку. Все было очень мокро и тускло. Черезъ часъ стало еще тусклѣе. Изъ глубины печальнаго, бураго сада вышелъ Дарвинъ, прикрылъ за собой калитку (она тотчасъ открылась опять) и пошелъ обратно — тропинкой черезъ лѣсъ. Въ лѣсу онъ остановился и закурилъ трубку. Его широкое коричневое пальто было разстегнуто, на груди висѣли концы разноцвѣтнаго кашнэ. Въ лѣсу было тихо, только слышалось легкое чмокание: гдѣ-то, подъ мокрымъ сѣрымъ снѣгомъ, бѣжала вода. Дарвинъ прислушался и почему-то покачалъ головой. Табакъ, едва разгорѣвшись, потухъ, трубка издала безпомощный сосущій звукъ. Онъ что-то тихо сказалъ, задумчиво потеръ щеку и двинулся дальше. Воздухъ былъ тусклый, черезъ тропу мѣстами пролегали корни, черная хвоя иногда задѣвала за плечо, темная тропа вилась между стволовъ, живописно и таинственно. {235}